

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ АГЕНТСТВО ПО ОБРАЗОВАНИЮ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.В.ПУНДАНИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
УРАЛО – СИБИРСКОГО СОЦИУМА

Монография

Курган 2009

УДК 159.9:930 (470.5 + 571.1/.5)

П 88

Рецензенты:

В.П.Могутнов, доктор исторических наук, профессор;

Л.Ю.Зайцева, доктор исторических наук, профессор.

*Печатается по решению научного совета
Курганского государственного университета*

Пундани В.В.

Историческая психология урало-сибирского социума: Монография. – Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2009. 144 с.

В книге впервые в отечественной историко – психологической науке осуществлён комплексный, многофакторный, сравнительно-исторический анализ развития менталитета урало-сибирского социума, его этногенеза, этнокультурной и этноконфессиональной истории со времени появления в этих двух сопредельных регионах русских людей до конца феодальной эпохи в Российской империи.

На основе анализа значительного комплекса источников устного народного творчества – социально - утопических легенд, примет, обрядов, обычаев, традиций, научных сочинений (монографий, статей), опубликованных и впервые введённых в научный оборот архивных документов выявлены закономерности развития исторической психологии российского социума в специфических условиях жизни на территории Урала, особо – сибирского субконтинента, осуществлена максимально адекватная реальности реконструкция и интерпретация общественного сознания, внутреннего, духовного мира, менталитета населения названных регионов.

Книга представляет интерес для специалистов – историков, психологов, философов, социологов, фольклористов, краеведов, студентов высших учебных заведений, учащихся школ.

ISBN 978- 5-86328-943-4

© Пундани В. В., 2009

© Курганский
государственный
университет, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ УРАЛЬСКОГО СОЦИУМА	10
1.1. Природные, социальные, этноконфессиональные факторы, влиявшие на формирование менталитета уральского социума	10
1.2. Менталитет уральского социума в феодальную эпоху	18
1.3. Влияние неземледельческих занятий уральских крестьян на их менталитет.....	42
1.4. Влияние связи уральских крестьян с рынком на их менталитет	51
ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ СИБИРСКОГО СОЦИУМА	60
2.1. Природные, социальные, этноконфессиональные факторы, влиявшие на формирование менталитета сибирского социума	60
2.2. Менталитет сибирского социума в феодальную эпоху	68
2.3. Влияние неземледельческих занятий сибирских крестьян на их менталитет	91
2.4. Влияние связи сибирских крестьян с рынком на их менталитет ...	104
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	125
ПРИМЕЧАНИЯ	129

ВВЕДЕНИЕ

Синтез двух терминов «история» и «психология» предполагает тем не менее однозначно, что объектом их исследования преимущественно является Человек, существо, появившееся на планете Земля примерно миллион лет назад (а Homo Sapiens – всего 40 тысяч лет назад). В «Философском словаре» термину, понятию «человек» дано следующее определение: «высшая ступень живых организмов на Земле, субъект общественно-исторической деятельности и культуры. Предмет изучения различных областей знания: социологии, психологии, физиологии, педагогики, медицины, и т.д. Перерабатывая многообразные данные этих наук, философия даёт им определённое истолкование и осмысление» (1). Применительно к психологии следует отметить, что у неё имеется достаточно широкий спектр научных направлений, составляющих содержание таких дисциплин как этнопсихология, религиозная психология, социальная психология, зоопсихология, нейропсихология, медицинская психология, парапсихология... И очевидно то, что человек – существо двойственной природы: он – её органичная часть, животное с его инстинктами, чувствами, эмоциями. Одна из русских поговорок гласит: «Человек человеку волк!»

Автор данной работы, будучи человеком, окончившим историко-филологический факультет Курганского государственного педагогического института, предпринимает попытку приложить к собранному им материалу знания (кроме уже упомянутых в философском словаре наук) ещё и по истории, филологии, устному народному творчеству.

Основной целью, поставленной автором монографии, является стремление осуществить наиболее близкую к объективной реальности реконструкцию, интерпретацию менталитета (общественного сознания, внутреннего, духовного мира появившегося на Урале (Рифее, Каменном поясе), за Уралом (Зауралье, Сибирь) русского этноса, его взаимоотношений с другими народами, этносами, нациями. Изучение их исторической психологии, менталитета может стать темой отдельного фундаментального исследования.

Имеющиеся в научном мире определения человека внешне выглядят достаточно просто, чётко, ясно. Однако всем также хорошо известно и множество сопровождающих понятие «человек» таких прилагательных, как добрый, честный, надёжный, порядочный, прямой, умный, мудрый, трудолюбивый («трудоголик»), ленивый, непорядочный, лживый, вороватый, злой, грешный... Наш выдающийся соотечественник, историк В.О.Ключевский в своей записной книжке за 1890-е годы отметил: «Христы редко появляются, как кометы, но Иуды не переводятся, как комары» (2).

Внешний вид человека, с одной стороны, при внимательном на него взгляде многое говорит о нём, о его физическом, нравственном здоровье, его силе, слабости... Но существует и близкое к реальности мнение, что «внешность обманчива». Возникают вопросы о внутреннем мире человека, о его мыслях, о том, на что он способен, что от него можно ожидать?

Человек, живший в VI в. до н.э., раб, хромой, юродивый сказал однажды: «Если тебе плохо, оглянись, и ты увидишь человека, которому в десять раз хуже, чем тебе!». Это произнёс Эзоп, живший в Греции, оставивший после себя цикл всемирно известных «Эзоповых басен». Известен и восходящий к нему так называемый «эзопов язык» - тайнопись в литературе, иносказание, намеренно маскирующее мысль.

Людьми, многому научившиеся у Эзопа, были баснописец – римлянин Федр (конец I в. до н.э. – 70 г. н.э.), грек Бабрий (2 в. н.э.), француз Ж.Лафонтен (1621-1695), наш соотечественник И.А.Крылов (1789-1844).

При размышлениях о человеке, его внутреннем, духовном мире, о его делах, возникает много вопросов, связанных со временем жизни человека, его эпохой, с принадлежностью к какому-либо племени, народности, нации (египтянин, негр, славянин, русский, украинец, белорусс, болгарин, поляк, чех, англичанин, француз, итальянец...), сословию, классу, «рангу». В чём они похожи друг на друга, чем отличаются, думают и действуют одинаково? Или существенно отличаются?

Если мы – русские, то сходны ли в чём-то с нашими далёкими предками – антами, склавинами, венедами? Что мы думали и думаем о своём народе, о себе? А что о нас думали и думают иностранцы?

Наш соотечественник, известный государственный деятель, генерал-майор, историк, современник Екатерины Великой И.Н.Болтин однажды высказал в кружке «любителей отечественной истории» мысль о том, что «русские не хуже, но и не лучше других!».

Русский этнос, формировавшийся в течение длительного, многовекового процесса этногенеза, включивший в себя гены, традиции, обычаи, нравы, нормы поведения других этносов, выделился из родного для него восточно-славянского этноса, древнерусской народности. Из неё же выделились украинцы и белорусы. Хорошо известен и выход из когда-то единого славянского этноса западных и южных славян, также сохранивших много общих и специфических черт характера, поведения, межэтнических отношений, помогавших друг другу в годы тяжких для всех славянских народов межнациональных отношений, особо – в годы первой и второй мировых войн!

Немало источников, дошедших до наших дней, отразили такие черты характера наших далёких предков, как доблесть, мужество, героизм, бес-

страшие, патриотизм, жизненную стойкость... Но всегда ли мы задумываемся над вопросами: когда, в каких условиях сформировались эти качества славянина, русского, российского воина, каковы его истоки?

Ответы на эти вопросы пытались найти уже в глубокой древности. Неизвестный византийский писатель, автор «Стратегикона», трактата по военному делу (написан на рубеже VI-VII вв. н.э., предположительно византийским императором Маврикием), хорошо знавший историю народов раннего средневековья, сообщал: «Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе: их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению в своей стране. Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище...» (3). В этой характеристике содержится краткая, но исключительно ёмкая, содержательная информация, свидетельствующая о том, что уже четырнадцать столетий назад в ходе всей предшествующей истории сложился ряд важных черт менталитета, физических качеств наших далёких предков – славян. Вся их последующая история, затем история Руси, России, различных её регионов, в том числе – уральского и сибирского, - это с одной стороны, мирный, созидательный труд многих поколений сельских жителей и горожан, с другой – постоянная, напряжённая, кровопролитная борьба за независимость и саму жизнь, войны с различными народами и государствами.

Существует обоснованное мнение о том, что историческая психология как научная дисциплина стала оформляться достаточно поздно, лишь во второй половине XIX в., и по существу до конца ещё этот процесс не завершился и сегодня. Также очевидно, что данная наука является пограничной сферой, областью слияния общих задач и методов исторической и психологической наук, специфической отраслью познания человека. Историческую психологию можно определять как психологическую сторону истории, науку о психологическом складе, мышлении, образе мыслей, стиле мышления людей разных исторических эпох, науку, изучающую изменения психики личности, народа, нации во времени.

В содержание научной дисциплины «историческая психология» вкладывают достаточно широкий спектр таких понятий, как мирозерцание, мировосприятие, мироощущение, мировидение, ментальность, нравственный, духовный мир ценностей человека (4).

Ценные наблюдения и размышления о различных аспектах исторической психологии, самосознания русского этноса отразили в своих трудах известные учёные России: В.Н.Татищев («История Российская с самых древнейших времён» в 5 книгах), М.М.Щербатов («О повреждении нравов в России»), Н.М.Карамзин («История государства Российского» в 12 томах),

Н.А.Полевой («История русского народа»), Н.И.Костомаров («Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей» в 3 томах), М.О.Коялович («История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям»), С.М.Соловьёв («История России с древнейших времён» в 15 книгах), В.О.Ключевский («Курс русской истории» в 9 книгах) и др.

Определённый вклад в изучение менталитета русского человека в XIX в. внесли уральские и сибирские краеведы, публиковавшие свои наблюдения над самыми различными сторонами жизни местного населения в различного типа изданиях. Можно отметить работы живших в Шадринском уезде Пермской губернии И.М.Первушина, выпускавшего рукописный журнал «Шадринский вестник», Т.И.Успенского, опубликовавшего в «Пермском сборнике», в «Пермских губернских ведомостях» статьи «Очерк юго-западной половины Шадринского уезда», «Замечания о юго-западной половине Шадринского уезда Пермской губернии», «Нечто о пространстве, управлении и о прочем Далматовской монстырской вотчины и о последующих затем переменах в быту оной», содержащих интересный материал о нравственных качествах зауральских крестьян. Это работа Г.С.Плотникова «Описание мужского Далматовского Успенского общежительного третьеклассного монастыря и бывшего приписным к нему Введенского женского монастыря», в которой сохранились уникальные сведения по истории возникновения названных духовных заведений, их роли в заселении и освоении края, о нападениях на данную местность кочевников, о менталитете монастырских крестьян, принявших участие в народных движениях XVIII в., названных автором «Дубинщиной» и «Пугачёвщиной».

Краевед-священник слободы Белозерской В.В.Андрианов в ряде своих публикаций отразил не только историю, географию этой территории, всего Курганского округа, но и, что особенно ценно, устное народное творчество местного населения, тонко отражающее специфику его менталитета.

В ушедшем XX и в начавшемся XXI в. наша историческая наука также внесла значительный вклад в исследование исторической психологии русского и других этносов, проживавших в России – СССР и живущих в настоящее время снова в России.

Здесь можно отметить работы известных учёных Б.Д.Грекова «Киевская Русь» (М., 1949), С.М.Троицкого «Самозванцы в России. XVII-XVIII вв. (Вопросы истории. 1963.№3), Р.Г.Скрынникова «Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев» (Новосибирск, 1987), К.В.Чистова «Русские народные социально-утопические легенды» (М., 1967), Б.А.Романова «Люди и нравы Древней Руси. Историко-бытовые очерки. XI-XIII вв.» (М.,1967), А.И.Клибанова «Народная социальная утопия в России. Период феодализма.

(М., 1977); его же «Народная социальная утопия в России. XIX в.» (М., 1978), Б.А.Рыбакова «Язычество древних славян» (М., 1981), «Язычество Древней Руси» (М., 1987), В.В.Седова «Происхождение и ранняя история славян» (М., 1979), его же «Восточные славяне в VI–XIII вв.» (М., 1982), М.М.Громько «Мир русской деревни» (М., 1991), М.М.Громько и А.Д.Буганова «О воззрениях русского народа» (М., 2003), К.Касьяновой «О русском национальном характере» (М., 1994), В.Я.Петрухина «Начало этнокультурной истории Руси в IX – XI вв.» (М., 1995). В.В.Кожина «О русском национальном сознании» (М., 2002), Ю.А.Вьюнова «Русский культурный архетип. Страноведение России» (М., 2005) и др.

Во второй половине XX в. достаточно отчётливо начала проявляться тенденция исследования исторической психологии, менталитета не только в масштабах в целом российского, но и урало – сибирского социума в работах М.М.Громько, А.С.Орлова, М.Т.Белявского, О.А.Омельченко, В.Ф.Миловидова, А.И.Андрущенко, М.А.Рахматуллина, Н.Н.Покровского, В.И.Бочарниковой, Н.А.Миненко, В.А.Ильиных, А.И.Андрущенко, А.А.Кондрашенкова, Р.Г.Пихоя, А.С.Черкасовой, В.И.Байдина, Т.С.Мамсик, Н.М.Шепуковой, В.В.Рабцевич, И.В.Побережникова, В.П.Фёдоровой, В.В.Менщикова, автора этой монографии и др.

Однако практически все названные авторы поднимали в своих работах преимущественно лишь отдельные аспекты исторической психологии, менталитета населения либо Урала, Зауралья, отдельных его частей (Южного, Среднего, Центрального, Северного), Сибири (Западной, Восточной). Даже в работах, во многом подводивших определённый итог исследованию истории Сибири и Урала, таких как «История Сибири» в 5 томах (изданы в Ленинграде в 1968 -1969 гг.), история сибирского субконтинента доведена до середины 60-х гг. XX в., «Крестьянство Сибири в эпоху феодализма» (Новосибирск, 1982), «Крестьянство Сибири в эпоху капитализма» (Новосибирск, 1983), «История Урала с древнейших времён до 1861 г.» (М., 1989), «История Урала в период капитализма» (М., 1990) проблемам (как определяется в содержании книг) общественного сознания (а не исторической психологии, менталитета, как сейчас более принято определять эту сферу жизни человеческого социума) отведены небольшие по объёму разделы.

В увидевшей свет в 1997 г. книге В.А.Шкуратова, названной им «Историческая психология» (издана в Москве как второе, переработанное учебное пособие), являющейся по существу первой попыткой соединения двух научных вышеназванных дисциплин в единое целое, автор в послесловии к своей работе отметил следующее: «В книге нет главы «Историческая психология России» ... Следует подступиться к массовым свидетельствам – к архиву...

Волна широких историософских умозрений ещё не сменилась более аналитической фазой, но на горизонте уже – история ментальностей на отечественном материале, психоанализ нашего прошлого и другие инновации постсоветского человека...» (5).

В значительной степени с данным заключением В.А.Шкуратова можно согласиться. Но и нашей отечественной наукой, историей и психологией всё же накоплен богатейший конкретный фактический материал по самым различным аспектам проблем общественного сознания, менталитета самых различных групп, категорий, стратов, сословий, классов российского социума, различных его регионов (губерний, провинций, дистриктов, разрядов, уездов, волостей, краёв, областей, районов), теоретически и методологически осмыслен.

Автор данной монографии, учитывая весь имеющийся опыт своих предшественников в изучение поднятой им темы и комплекса связанных с ней проблем, выявив имеющиеся в исследовании их пробелы, обратился для их максимального раскрытия к фондам государственных архивов Курганской (города Курган, Шадринск), Омской (г. Омск), Тюменской (г.Тобольск), Свердловской (г. Екатеринбург), Оренбургской (г. Оренбург), Челябинской (г. Челябинск) областей, Российского государственного исторического архива (г.Санкт-Петербург), Российского государственного военно-исторического архива (г. Москва).

Для осуществления комплексного, многофакторного, системного, сравнительно-исторического анализа темы, изучения исторической психологии (менталитета) урало-сибирского социума со времени появления в этих двух сопредельных регионах русских людей до настоящего времени автор монографии кроме использования материалов публикаций своих предшественников по теме, опубликованных источников, впервые введённых им в научный оборот архивных документов, привлёк значительный комплекс источников устного народного творчества.

Монография состоит из введения, двух глав, заключения и примечаний к ним. Первая глава посвящена исследованию менталитета преимущественно русского этноса, его этногенеза, этнокультурной и этноконфессиональной истории, истории его общественного сознания, участия в различных общественных событиях и движениях, в том числе – в антифеодальных, в старообрядческих толках и согласиях, истории межэтнических взаимоотношений, в модернизационных процессах, истории реакции русского уральского этноса на происходившие в России социальные трансформации, реформы, революции, гражданскую и Великую Отечественную войны, индустриализацию и

коллективизацию, политические репрессии 20-50-х гг. XX столетия, на смену политических лидеров в стране.

Во второй главе исследуется практически тот же комплекс вопросов применительно к исторической психологии русского этноса на территории сибирского субконтинента.

В заключении подводятся основные сравнительно-исторические выводы по теме работы, об общих и особых, специфических чертах менталитета урало-сибирского социума.

ГЛАВА I. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ УРАЛЬСКОГО СОЦИУМА

1.1. Природные, социальные, этноконфессиональные факторы, влиявшие на формирование менталитета уральского социума

Один из обширных регионов России – Урал был известен далеко за его пределами с глубокой древности. Ещё античные авторы писали о сокровищах Рифейских (Гиперборейских) гор, т.е. Уральских.

В средние века эту территорию географы стали называть Поясом, Каменным поясом, а русские первопроходцы - просто Камнем. Современное название – Урал - на русских и европейских картах появилось не ранее XVII в. Являясь географической границей Европы и Азии, этот край соединил судьбы многих племён и народов.

Урал включает в себя такие составные части, как Полярный, Приполярный, Северный, Средний и Южный. Ландшафт Урала включал в себя тундру, лесотундру, горы, тайгу, болота, лесостепь, степь, реки, озёра. В целом этот регион России кроме множества полезных ископаемых богат и разнообразен своим растительным, животным миром, плодородными землями. Здесь произрастали елово-пихтовые, сосново-лиственные, широколиственные леса. В них водились медведь, волк, рысь, россомаха, лось, олень, куница, соболь, лисица, белка, горностай, ласка, бурундук, заяц, выдра, бобр. Из птиц распространены были глухарь, рябчик, тетерев, дятел, куропатка, утки, гуси, кулики, орлы. В реках и озёрах водились щука, окунь, карась, язь, елец, плотва, голавль, хариус, таймень, линь, налим, карась, ёрш и другая рыба.

Русское продвижение на Урал началось в XI в. и было первоначально проявлением частной инициативы новгородских, затем московских торговых людей, промышленников, приобретающих у местного, аборигенного населения пушнину в обмен на русские товары. На путях их движения постепенно

возникали поселения – слободки, зимовья, городки. Шли на восток и христианские миссионеры.

Движение русского этноса на Урал до XVI в. происходило очень медленно и только после падения Казанского и Астраханского ханств оно ускорилося, приобрело массовый характер.

Основной колонизационный поток переселенцев, преимущественно крестьян, направлялся в лесостепную и степную полосы края: на Средний Урал, в Башкирию, в Зауралье.

В XVI в. на территории уральского региона в целом завершилась консолидация сложившихся этнических общностей в народности. В их составе были башкиры, удмурты («вотяки»), коми-пермяки, коми-зыряне, угры-манси («вогулы»), ханты («остяки»), ненцы («самоядь»), марийцы, татары. Несколько позднее здесь сложились компактные этнические группы калмыков, ногайцев, мордвы. К концу XVII в. на Урале насчитывалось около 200 тысяч русских (1;2).

В XVI – начале XX вв. шёл активный процесс заселения пустующих земель Южного Урала, сочетавший все формы их освоения – аграрную, промышленную, урбанистскую, военно-административную, или правительственную, церковную и др. (ведущей являлась аграрная) (3).

Вслед за русскими на Урал двинулись украинцы, белорусы, представители других народов. По данным переписи 1897 г. здесь проживало 7013 тысяч русских, 1254 тысячи башкир, 450 тысяч татар, 407 тысяч удмуртов, 241 тысяча украинцев и 164,8 тысяч человек других национальностей (4).

На рубеже XIX – XX вв. на Урале появились такие новые этнические группы, как немцы, латыши, эстонцы, поляки, евреи: в годы 1-й мировой войны – китайцы и корейцы. В начале 20-х гг. XX в. только на территории одной Уральской области (без Башкирии, Вятской автономной области и бывшей Оренбургской губернии) проживали представители 196 национальностей (кроме уже названных отметим казахов, киргизов и цыган) (5).

Уже к середине XIX в. русский этнос оказался самой многочисленной частью полиэтничного населения уральского региона.

До прихода русских на Урал религиозное мировоззрение аборигенов первоначально было языческим. В X – XIII вв. в регион проникает исламство. В XIV в. среди уральских язычников начинается деятельность православных миссионеров. Для мировоззрения крещёных язычников региона характерным являлось двоеверие – сохранение значительной части языческих традиций (6).

Одной из сложных проблем исследования процесса интеграции территории Урала в состав России является выяснение его характера, форм, мето-

дов: насильственных или мирных. В работах наших историков, начиная с Г.Ф.Миллера, стала утверждаться концепция военного присоединения территорий, заселённых нерусским населением. В советской историографии преобладала точка зрения о преобладании мирных методов процессов межэтнических взаимодействий в ходе расширения пространства России и активного участия в нём русского этноса. В последние десятилетия XX – начале XXI в. появились работы уральских, зауральских, сибирских историков А.Ю.Огурцова, Н.А.Миненко, С.В.Романова, Е.В.Вершинина, В.Д.Пузанова, В.В.Менщикова и др., в которых наиболее объективно отражены и насильственные и мирные формы интеграции двух сопредельных регионов – уральского и сибирского в российское пространство, с преобладанием мирных, в том числе и в вопросе выбора веры.

В монографии В.В.Менщикова «Русская колонизация Зауралья в XVII – XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии» в разделе «Этнополитический и военный факторы» осуществлён фундаментальный анализ межэтнического взаимодействия русского населения с другими этносами – башкирами, калмыками, татарами, киргиз-кайсаками (казахами), отражены серьёзные военные столкновения с ними русского колонизационного потока, русской администрации вплоть до второй половины XVIII в., когда наконец удалось создать мирные условия жизни в регионе (7).

Типичные явления межэтнического взаимодействия русского и других этносов характерны для урало-сибирской истории.

В XVI в. началась колонизация русскими Южного Урала. Важное значение в этом процессе имели присоединение в 1557 г. к России Башкирии, образование в 1591 г. Яицкого казачьего войска и Сибирский поход Ермака. С присоединением башкирских земель были основаны первые на Южном Урале поселения, заселённые русскими. В XVII в. со строительством новой системы укреплений по реке Черемшан башкирские земли заселялись представителями военных сословий – дворянами, казаками, стрельцами. Крестьянская колонизация сдерживалась военной опасностью, которую создавали набеги кочевников и башкирские восстания. Яицкие казаки обеспечивали защиту южных границ от нападений ногайских татар, киргиз - кайсаков, калмыков, основали Яицкий городок.

Поход дружины Ермака и ликвидация Сибирского ханства обеспечили пути передвижения миграционных потоков в Южное Зауралье. С середины XVII в. интенсивно заселялись плодородные территории, расположенные по реке Исеть и её притокам – Миассу, Тече, Синаре и вошедшие в 1737 г. в состав Исетской провинции. В XVIII в. Оренбургская экспедиция и создание Оренбургской военно-пограничной линии крепостей стимулировали процес-

сы вольной крестьянской колонизации, хозяйственно-экономическое и культурное освоение края.

Стимулом к продолжению интенсивного заселения Южного Урала в XIX – начале XX в. было наличие в регионе значительного количества неосвоенных земель и переселенческая политика правительства, осуществлявшаяся с целью укрепления границ. Переселенцам предоставлялись различные пособия и льготы: освобождались от уплаты податей на различные сроки (от 3 до 5 лет), от отбывания рекрутской повинности (до 3 лет), получали денежные ссуды (от 3 до 12 рублей), семена для посева, бесплатный лес для построек, временные квартиры при передвижении, бесплатную медицинскую помощь, наделялись землёй в местах нового места жительства по 16 дес. на ревизскую душу мужского пола (8).

Во второй половине XVI – XVII вв. в состав России вошла территория Среднего Урала. Ведущей формой заселения и освоения этой части Урала стала стихийная крестьянская колонизация. Основную часть переселенцев составляли черносошные крестьяне Северного Поморья (9).

Социальный состав населения Урала был представлен податными условиями: (крестьяне государственные, экономические (до III ревизии – церковные и монастырские), дворцовые (с VI ревизии – удельные), приписные к заводам, помещичьи и дворовые люди), однодворцы, купцы, мещане.

Неподатное население этого региона состояло из потомственных и личных дворян, духовенства, чиновников, работных людей некоторых фабрик и заводов, ямщиков (до 1824 г.), иностранцев, отставных служителей иррегулярных войск (казаков, башкир), регулярной армии, крещёных иноверцев.

Население Урала увеличивалось за счёт естественного прироста и постоянного притока переселенцев – мигрантов. Ценные материалы о демографических процессах на территории этого региона содержат данные о проводившихся в Российской империи переписях населения в административно-территориальном делении её на губернии (в их рамках – на более мелкие составные части – провинции и округа (начало такому делению было положено в 1708 г.; продолжено в 1713-1719 гг.)

Следующие крупные меры, направленные на укрепление управления страной, были предприняты после подавления Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачёва. В 1775 г. издаётся «Учреждение для управления Российской империей». В соответствии с ним в 1780-1781 гг. на Урале создаются три наместничества – Вятское (округа Вятский, Глазовский, Елабужский, Кайгородский, Котельнический, Малмыжский, Нолинский, Орловский, Сарапульский, Солободской, Уржумский, Царёво-Санчурский, Яренский); Пермское – из некоторых районов Сибирской и Оренбургской

губерний из двух областей: Екатеринбургской – с округами Алапаевским, Верхотурским, Далматовским, Екатеринбургским, Ирбитским, Камышловским, Шадринским, Челябинским (последний в 1783 г. был отдан в ведение Уфимского наместничества), Пермской области – с уездами Красноуфимским, Кунгурским, Обвинским, Осинским, Оханским, Пермским, Соликамским, Чердынским и Уфимское из двух областей: Оренбургской – с округами Бузулукским, Верхнеуральским, Оренбургским, Сергиевским, Уфимской – с округами Белебеевским, Бирским, Бугурусланским, Мензелинским, Стерлитамакским, Уфимским и Челябинским. В 1784 г. к Оренбургской области был причислен Троицкий округ (10; 11; 12).

Новые серьёзные административные изменения на Урале были осуществлены в 1796 г. по указу, упразднявшему наместничества и снова вводившему деление на губернии. При образовании Вятской губернии Кайгородский, Малмыжский и Царёво-Санчурский округа были упразднены, а их территории приписаны к соседним округам. Челябинский округ отошёл к Уфимской губернии (позднее переименованной в Оренбургскую); упразднились Обвинский, Далматовский и Алапаевский округа. Часть Обвинского округа с городом была присоединена к Оханскому, а другая – к Соликамскому округам; г. Далматово с округом присоединён к Верхотурскому округу, а другая его часть – к Ирбитскому (13; 14).

После разделения в 1856 г. Оренбургской губернии снова на две – Уфимскую и Оренбургскую административное деление всего Урала вплоть до 1917 г. оставалось неизменным (15; 16).

Отмеченные преобразования существенно укрепили чиновничье – бюрократический аппарат управления страной, государственную власть на местах, в том числе - на Урале.

Значительное влияние на административно-территориальные преобразования на Урале оказали и такие факторы, как рост народонаселения, завершение в основном в XVIII в. колонизации данного региона Российской империи.

По величине территории на первом месте среди уральских губерний выделялась Пермская, занимавшая площадь в 283472 кв. в., на втором месте была Оренбургская губерния с площадью в 263920 кв. в. Вятская губерния занимала площадь в 135019 кв. в. (17; 18).

Обилие уральских недр, богатство животного мира, плодородие земли в некоторых уездах отразилось в гербах многих городов Урала. Так, герб г.Екатеринбурга представлял «в зелёном поле плавильную печь и рудокопную шахту, означая через сие, что уезд сего города изобилует разными рудами и другими произведениями ископаемого царства». В гербе г. Соликамска

был изображён «в золотом поле колодезь с опущенным в него ведром для доставания соляного разсола и с означенными на нём соляными потоками в нижней части щита», как символ изобилия на территории города и уезда соляных источников. Главным изображением в гербах городов Верхотурья и Шадринска были соболь и куница; в гербе г. Чердыни – лось, водившийся в этих краях в изобилии. Герб г. Камышлова представлял «в зелёном поле золотой сноп хлеба с серпами и цепом (молотилом), означая чрез то хлебородие сего уезда» (19).

72,9% территории Пермской губернии (206832 кв. в.) от общей её площади занимали «лесистые пустые и непроходимые места». 9,4% территории края (26954 кв. в) приходилось на болота, проросшие лесом, 1,3% территории губернии занимали реки и озёра. По приблизительному исчислению конца XVIII в. площадь пахотных и сенокосных земель Пермской губернии составляла 43666 кв. в (15,4%) (20).

Вятская губерния занимала часть равнины Европейской России, лежащей близ отрогов Уральских гор с холмистой поверхностью, прорезанной двумя большими реками – Вяткой и Камой (её верхним течением) с их многочисленными притоками. Характерной особенностью края являлось обилие лесов и болот, малопригодных для земледелия почв (суглинки, супеси и пески); суровым был климат. Зима здесь длилась 5 – 5, 5 месяцев. Снег выпадал до 1,78 см в вышину. Частыми были заморозки и, наоборот, затяжные дожди (21).

Несомненно, суровые природно-климатические условия оказывали своё влияние на формирование менталитета русского этноса, оказавшегося на Урале, а природные ресурсы – на все виды его хозяйственной деятельности.

Одним из проявлений менталитета любого этноса было его демографическое поведение. Демографические процессы на Урале были тесно связаны с естественным приростом и уже отмеченным постоянным притоком переселенцев. Конечно, этот аспект может быть темой фундаментального, монографического исследования. Но здесь мы отметим наиболее важные параметры данного явления.

Серьёзный материал для выводов и наблюдений за демографическими процессами дают сведения о проводившихся в России переписях (ревизиях). С I по X ревизии (1719 – 1857 гг.) население Северного Приуралья (Вятская и Пермская губернии) увеличилось с 395022 д.м.п. до 1922381 д.м.п. (на 386,89%); среднегодовой прирост здесь составил 1,15%. За то же время население Южного Приуралья (Оренбургская губерния) возросло со 108518 до 1319403 д.м.п. (на 1215,84%), а среднегодовой прирост в этом регионе равнялся 1,25%. По России в целом этот показатель составлял 0,87% (22).

Значительному росту населения на Урале способствовали такие факторы, как наличие значительного резерва плодородных не освоенных ещё никем земель, привлекавших большие контингенты переселенцев из других районов страны, лучшая обеспеченность землёй старожильского населения, невысокий удельный вес помещичьего землевладения, природные богатства края, политика правящих кругов, проявлявших определённую заинтересованность в освоении уральского региона.

Следует отметить, что со временем самой многочисленной категорией населения и крестьянства Урала оказались государственные крестьяне. В 54 губерниях России, в которых они также проживали, подобное положение наблюдалось ещё в восточносибирских губерниях – Енисейской, Иркутской, Забайкальской, Якутской, и в таких губерниях Европейской России, как Олонецкая, Таврическая, Казанская, Екатеринославская, Ставропольская, Вологодская и Воронежская (23). Менталитет этой части крестьянского сословия имел свои характерные, отличительные черты в сравнении с другими категориями, группами крестьян (монастырскими, дворцовыми, крепостными...). Рост крестьянского населения шёл за счёт естественного увеличения, механического притока переселенцев, перехода в его состав представителей других сословий.

Городское население (его податные сословия) увеличивалось за счёт естественного прироста и перехода на жительство в город представителей других сословий, в том числе – крестьян. Динамика неподатного населения городов зависела от естественного прироста и численности находившихся на территории районов регулярных и нерегулярных войск.

Менталитет городских сословий, имея значительное сходство с крестьянским, все же отличался и своей спецификой, которая требует своего особого изучения.

Определённое влияние на менталитет всего населения Урала оказывало его размещение и концентрация, определявшиеся сложившимся направлением в заселении региона, политикой правительства и природными факторами (о которых частично уже говорилось).

В начале 80-х гг. XVIII в. 97, 9% населения Вятского наместничества проживало в сельской местности и только 2,1% - в городах (23, 8-10). Население округов и городов наместничества колебалось в значительных пределах: от 35482 д.м.п. в Котельническом до 50896 д.м.п. – в Нолинском округах; в г. Санчурске насчитывалось всего 174 д.м.п., а в Вятке – 1579 д.м.п. (24).

Значительно отличались округа уральских губерний по числу волостей, селений и жителей в них. В Нолинском округе Вятского наместничества, не-

смотря на наибольшее число жителей в нём (цифра уже называлась), население проживало в 29 волостях и 1406 селениях. В Котельническом округе с наименьшим в Вятском наместничестве числом жителей (цифра также называлась) население проживало в 22 волостях и 2628 селениях (наибольшее число селений в округах Вятского наместничества). Всего по данным начала 80-х гг. XVIII в. в шести округах Вятского наместничества насчитывалось 12294 селения (25; 26).

Резко колебалась численность населения в различных волостях разных округов уральских губерний. Так, в 1795 г. из 23 волостей Вятского округа Вятской губернии наибольшее количество государственных крестьян – 2969 д.м.п. проживало в Пыжинской волости, а наименьшее – 225 д.м.п. – в Бобинской волости (27).

По данным на 1789 г. население Пермской губернии проживало в 6731 населённом пункте. В это число входило 15 городов, 93 завода, 68 слобод, 17 острогов или пригородков, 91 село, 6 крепостей, 301 иноверческое селение и 6140 деревень (28).

В этой губернии в 1800 г. проживало 454795 д.м.п. Наибольшее количество жителей – 55975 д.м.п. (12,30%) – числилось в Шадринском округе. Наименьшее – 18638 д.м.п. (4,09%) – в Чердынском округе (29). Прослеживаются существенные отличия по числу живших в населённых пунктах Пермской губернии, в том числе – и в Шадринском округе. Так, в деревне Пещанской этого округа проживало наименьшее число крестьян – 100 д.м.п., наибольшее – 325 д.м.п. – в деревне Долгой (30).

В дальнейшем в силу действия различных социально-экономических факторов, в том числе – внутренних миграций численность населения и его концентрация менялись. Так, ко времени X ревизии среди 12 округов Пермской губернии на первое место по числу жителей вышел Екатеринбургский округ, где к этому времени насчитывалось 292095 д.об.п., Шадринский округ оказался на втором месте (здесь проживало 240150 человек); меньше всего жителей – 64386 д.об.п. оказалось в Ирбитском округе.

По данным на 1857 г. в Пермской губернии насчитывалось уже 8260 населённых пунктов: 15 городов, 121 горный завод, 476 сёл, 11 селец, 4 слободы, 472 выселка и 7161 деревня (31). Очевидно, что менталитет проживавшего в них населения также имел свою специфику.

Значительно отличались по числу волостей, селений и проживавших в них людей округа Оренбургской губернии. В конце XVIII в. в пяти селениях одной волости Верхнеуральского округа жило всего 44 государственных крестьянина (д.м.п.), а в 10 волостях и в 255 селениях Бугульминского округа – 28225 государственных крестьян (д.м.п.). В четырёх окраинных округах гу-

бернии – Бугульминском, Челябинском, Мензелинском и Бузулукском - проживало 88251 государственных крестьян (д.м.п.), 82% всех государственных крестьян губернии (32). В 1800 г. по численности населения (44395 д.м.п.) на первое место в губернии вышел Уфимский округ; меньше всего населения – 1642 д.м.п. проживало в Верхнеуральском округе этой губернии (33). В 1850 г. в Оренбургской губернии насчитывалось 4877 населённых пунктов (13 городов, 24 слободы, 271 село, 1 местечко, 2 посада и 4566 деревень) (34). Довольно значительными по численности населения были некоторые города Оренбургской губернии. Так, в 1850 г. в г.Уфе проживало 12900 д.об.п., в Оренбурге – 9882 д.об.п., в Бугуруслане – 5888 д.об.п., в Бузулуке – 4514 д.об.п. (35).

Плотность населения по данным X ревизии в Вятской, Пермской и Оренбургской губерниях достигала соответственно 15,7, 7 и 15,5 человек на 1 кв. версту (36). В близкой к Уралу территории Тобольской губернии к середине XIX в. плотность населения составила всего 0,80 человека на 1 кв. версту (37), была ниже среднеуральской в 8-15 раз.

Так или иначе природные, социальные и этноконфессиональные факторы существенно влияли на процессы заселения и освоения территории уральского региона, на их темп, на формирование менталитета уральского социума.

1.2. Менталитет уральского социума в феодальную эпоху

Исследование данной проблемы тесно связано с решением целого комплекса сложнейших вопросов, в том числе таких как взаимоотношения различных категорий уральского населения с местной и центральной властью, с законом, с церковью, с общиной, отношение к труду, знаниям, к различного уровня общественным идеалам.

Выявление содержания вышеназванного круга вопросов, которое составляет суть понятий «общественное сознание», «менталитет», в значительной степени приближается к реальному через выделение в нём двух уровней. Первый определяется как идеология и включает в себя сформировавшиеся идеи, концепции, систематизированные взгляды, теории. Второй называется обыденным сознанием, считающимся низшим уровнем общественного сознания людей, массовым сознанием устойчивых социальных общностей, их общественной психологией, включающей в себя такие понятия, как обычаи, традиции, представления, интересы, надежды, помыслы. Эти понятия формируются обычно общностью условий определённого социума. Они могут быть несомненно правильными, а некоторые – иллюзорными. В научной ис-

торической, философской, социологической, психологической литературе уже на низшем уровне общественного сознания людей выделяют политические, экономические, правовые, этические, эстетические взгляды, представления о природе; в отличие от верхнего (теоретизированного) уровня менталитета эти взгляды и представления слиты, нерасчленены по формам столь явственно, представляют собой лишь зачаточную форму сознательности, но не идеологию. И всё же следует отметить, что самый значительный по численности социальный слой, сословие уральского региона – крестьянство, имел не только свою социальную психологию, но и идеологию (38; 39).

Когда в 60-х гг. XX в. советские учёные начинали исследование общественного сознания основных категорий населения сибирского субконтинента – крестьянства и пролетариата, о названной сфере человеческого бытия было сказано следующее: «Весь огромный комплекс социальных взглядов сибирских крестьян остаётся для нас за семью печатями» (40). Аналогичное положение полностью применимо и к изучению проблем менталитета уральского крестьянства и других сословий данного региона.

На формирование общественного сознания населения региона непосредственное влияние оказывали многие факторы: исторические условия заселения и освоения края, трудовой (аграрный, промыслово-торговый) опыт, статус всех сословий, уровень грамотности и культуры, идеологическое воздействие правящих кругов, их пропагандистского и карательного аппарата, православной церкви, оппозиционных течений в форме раскола (старообрядчества), местных властей, воздействие переселенцев из различных губерний России, различного характера и масштаба социальных движений и т.д.

Определяющее значение для крестьянского сословия имел накапливавшийся веками житейский и производственный опыт, передававшийся из поколения в поколение преимущественно устным путём, иногда – в письменной форме. Крестьянские дети уже в раннем возрасте включались в нелёгкий крестьянский труд, под наблюдением старших бороили вспаханную землю, во время сенокоса сгребали сено, возили копны, с 10 лет начинали косить, гоняли на водопой лошадей, кормили их.

Орудия труда для детей изготавливали соразмерно их росту и силе. Девочки с 7 лет начинали прясть, качать колыбель и нянчиться с младшими детьми, помогать матери готовить пищу, стирать, белить холсты. Крестьянские мальчики уже в 14 лет вспахивали по 3/4 десятины в день, а с 16 лет выполняли все полевые работы. Поэтому закономерно труд являлся одной из главных ценностей народа (41; 42).

Постоянно меняющиеся условия сельскохозяйственного, особенного земледельческого труда вынуждали и одновременно приучали крестьянина

учитывать природно-климатические условия, определять своевременно сроки полевых работ, определять нормы высева зерновых, высадки огородных культур. Грамотные крестьяне годами вели записи хозяйственного характера, содержащие разнообразный справочный материал об урожайных и неурожайных годах, ценах на семена, рабочие руки. По материалам частного архива крестьянской семьи Афанасьевых из Цидвинского погоста Чердынского округа Пермской губернии прослеживается история этой семьи, начиная с конца XVI в. и завершая концом XVIII в. По данным её архива известно, что члены этой семьи, как грамотные люди со второй половины XVII в. занимали выборные должности в земском самоуправлении (сборщики налогов, земские подьячие, счётчики) (43).

Однако имеющиеся в литературе сведения позволяют сделать вывод о незначительном распространении грамотности в целом в уральской деревне. Большинство челобитных уральских крестьян, поданных в начале 60-х гг. XVIII в. на имя Екатерины II, в адрес Сената, следственной комиссии майора Сухотина, А.А.Вяземского, Д.Лопатина, крестьянских наказов в Уложенную комиссию подписано за крестьян лицами других сословий (44).

Попытки шире распространить начальное школьное образование (а через это улучшить крестьянское хозяйство) были предприняты во время проведения как в России в целом, так и в различных её губерниях реформы во главе с П.Д.Киселёвым в 1837-1841 гг. Мысль о создании сети начальных деревенских школ нашла отклик в крестьянской среде. Часть крестьян Вятской губернии пожертвовала на открытие школ 3442 руб. 88 коп.; отдельные зажиточные крестьяне жертвовали от 17 до 150 руб. Однако ревизор Брилевич, осматривавший школы этой губернии в начале 50-х гг. XIX в., дал им такую характеристику: «Кроме дурных славянских азбук в училищах нет почти никаких книг и мальчиков готовят скорее в дьячки, нежели в грамотные крестьяне... На занятия учеников обращено так мало внимания, что половину года они не ходят в школу... Посещающие оные школы более года мальчики едва могут читать и то весьма медленно и нетвёрдо; написать же правильно двух слов не умеют и тогда, когда почитаются окончившими курс своего учения». На этом фоне явных неудач просветительства Министерства государственных имуществ в Вятской губернии выгодно выделялись некоторые зажиточные крестьяне, как например крестьянин Мальканской волости Вятского округа Е.Метелев, грамотный, выписывавший агрономическую литературу из Москвы и Петербурга, поддерживавший связи с Московским обществом сельского хозяйства и двумя учебными фермами, проводивший опыты с семенами улучшенных растений (45).

Хорошую возможность выявить и проследить систему социально-политических взглядов уральских крестьян предоставляет анализ документов, созданных ими самими, или при их участии (челобитные, наказания, жалобы, прошения, доношения), либо отложившиеся в делах центральных и местных органов государственного аппарата (рапорта, донесения чиновников, материалы ревизий, судебные дела и т.д.). Многие из этих документов одновременно являются и ценными источниками по истории социальных движений крестьян, по изучению внутрисоциальных конфликтов.

Материал челобитных приписных крестьян Урала, поданных ими в 1761-1763 гг. в комиссию А.А.Вяземского, майора Сухотина, Д.Лопатина, в адрес Петра III, Екатерины II, Сената, отражает такие черты менталитета этой категории бывших государственных крестьян, как забитость, надежды на реформы сверху, царистские иллюзии и одновременно протест против обчётов, вымогательств, обид, притеснений, незаконных наказаний со стороны заводчиков. Приписные крестьяне боролись за возвращение им статуса государственных крестьян, против усиления произвола заводчиков по отношению к горнозаводскому населению (46).

Материалы крестьянских жалоб в Уложенную комиссию 1767 г., челобитные, жалобы и прошения второй половины XVIII – первой половины XIX в. отражают многие стороны мировоззрения этой категории уральского населения: недовольство злоупотреблениями администрации, тяготами многочисленных натуральных и денежных повинностей, телесными наказаниями, отрывом от крестьянских работ в страдную пору, припиской к заводам, наложением на них «неумеренных уроков», критика деятельности местных властей и учреждений, высших сановников, Сената, апелляция к царской власти как части высшей божественной справедливости, удивительная осведомлённость в законодательстве, великолепное умение находить в нём многочисленные реальные противоречия и трактовка законов в своих интересах.

Крестьяне, перечисляя в названных документах различные «общественные отягощения и нужды», «несносные отягощения», «великое помешательство» от конкретных повинностей и работ, «великих роскладок» отмечали их конечный итог – крайнее разорение и нищету, великий голод и нужду, оскудение, недостатки, «всепоследнее неимущество», невозможность исправно вносить подати в государственную казну, вести свободно своё хозяйство и нормально существовать (47; 48)

В отечественной исторической литературе существует точка зрения, квалифицирующая подачу наказов, челобитных, жалоб, прошений как проявление пассивной формы антифеодальной классовой борьбы крестьян. С нашей точки зрения в реальной жизни подача вышеназванных документов тре-

бовала от людей незаурядного, порой подлинного гражданского мужества, и в лучшем случае могла закончиться безрезультатно. Часто судьба жалобы и прошения по воле высших инстанций решалась местными властями, людьми, на которых жаловались крестьяне.

Подача крестьянами наказов, челобитных, жалоб, прошений на имя царя как высшей и, по их мнению, самой справедливой инстанции, которая может им помочь в решении конкретных вопросов, несомненно, была связана с наивным монархизмом народных масс. Одним из его своеобразных проявлений, характерных для времён осложнения социальных противоречий в российском социуме, было самозванчество. Это явление заметно возросло во второй половине XVIII в., когда за время с 1764 по 1796 гг. в России объявилось 32 самозванца (49).

Сложная система крестьянского монархизма включала и легенду о справедливых «царях-избавителях» с её неизбежным спутником – самозванчеством, и создание подложных «милостивых указов» и перетолкование одних реальных указов как «милостивых», и объявление незаконными и даже фальшивыми – других (50).

Несомненно, самым выдающимся самозванцем – «императором Петром III» был лидер народного движения 1773 - 1775 гг. Е.И.Пугачёв, сумевший с огромной силой выразить чаяния широчайших народных масс – сотен тысяч крестьян, работных людей, казаков, представителей нерусских народностей о лучшем будущем (51; 52).

В первые десятилетия XIX в. идея самозванчества хотя и шла на убыль, тем не менее факты появления самозванцев всё же известны. Так, в 1845 г. в деревне Гороховой Челябинского округа Оренбургской губернии появился человек, который выдавал себя за великого князя Константина Павловича. Он говорил, что в Киргизской степи имеет войско за Усть-Уйской крепостью. С этим войском он выступит в Челябинский округ «для освобождения содержащихся в Челябинске крестьян и для лишения жизни волостных и сельских начальников и тех крестьян, которые в 1843 г. не хотели участвовать в беспорядках, причём требовал денег и письменного согласия». Крестьяне стали созывать сходки и составлять тексты новых прошений. В результате отданного Николаем I приказа – во что бы то ни стало разыскать самозванца, были произведены многочисленные аресты и в одной из деревень Тобольской губернии был захвачен бывший ссыльно-каторжный Константин Калугин, выдававший себя за князя Константина (53). История самозванца К.Калугина – «великого князя Константина» - последняя из известных в XIX в. легенд о «хороших царях», одна из крестьянских социально-политических утопий, которые изживали себя по мере развития буржуазных отношений,

разложения феодально-крепостнической системы, патриархальных устоев деревни (54).

Важной чертой общественно-политических взглядов крестьян является их отношение к тем положениям законодательства, которые определяли систему приписки крестьян к месту жительства, возможностям его перемены, к передвижению по территории страны, к переселениям. В источниках и литературе по истории Урала XVIII- первой половины XIX в. сохранилось много данных о беглых и гулящих людях, которые «подлинного свидетельства» - документа, подтверждающего их личность, не представляли властям, о «беспашпортных» людях, уходивших с места жительства «без письменного виду», «отлучающихся для работ в соседственные места самовольно», «о шагающихся без вида», о бродягах, об укрывателях беглых и нарушителях паспортных правил, о сопротивлении при поимке в бегах, о самовольных переселениях, отходе в другие селения, волости, округа, губернии, в города (55).

Эти сведения очень ярко отражают антифеодальные, антикрепостнические черты крестьянского общественного сознания, подчёркивают отрицательное отношение крестьян к различным запретительным мерам правительства, имевшего целью постоянный контроль за передвижением населения.

Крестьяне же, напротив, стремились добиться свободы выбора места жительства, работы, возможности свободно передвигаться по всей территории Российского государства. В конечном итоге это было стремление к максимально возможной самостоятельности при решении жизненно важных для крестьян вопросов.

Большой интерес представляет анализ религиозного мировоззрения уральских крестьян, их отношения к православной церкви, освящавшей авторитет царя, закона, властей в целом, самой церкви. Правительство оказывало церкви всемерную поддержку, стремилось через неё воспитывать население страны в целом, его основную часть – крестьян в духе верноподданничества царю, центральным и местным властям, церкви и её предписаниям. Для решения этих задач правительство и православная церковь располагали в целом в России, в различных её губерниях, регионах, в том числе на Урале, большими возможностями. Только в одной Пермской губернии в начале XIX в. действовало 346 церквей (56). На территории Вятской губернии к концу XVIII в. оказалось 344 церкви (57).

Реальную картину взаимоотношений между церковью, её представителями на Урале раскрывают обнаруженные в источниках конкретные факты. В секретном деле о крестьянине Красноярской слободы (Пермская губерния) Т.Хорохове за 1746 г. отмечено, что он, находясь в кабаке в разговоре с казайскими жителями бранил «матерною бранью» православный крест. По ука-

зу Правительствующего Сената от 4 октября 1751 г. повелевалось «...крестьянина Хорохова... послать закованного в кандалах в тягчайшую работу на казённые заводы и накрепко следить, чтобы он оттуда каким случаем не мог учинить утечки» (58).

Довольно частыми являются указания источников о нарушении крестьянами церковных обрядов, в том числе – неявку к исповеди и причастию (59), т.е. о нарушении ими важных христианских обрядов. В 1796 г. не были у исповеди и причастия 40 мужчин, 15 женщин и 28 детей из государственных крестьян Далматовской округи; из сёл и деревень этой же округи Огнёвской и Багарякской волостей – 247 мужчин, женщин и детей. В 1795-1797 гг. не явились на исповедь и причастие 391 крестьянин (мужчины, женщины, дети) Огнёвской слободы, деревень Клепаковой, Токаревой, Далматовской округи. В 1797 г. не были на исповеди и у причастия 121 крестьянин (70 мужчин и 51 женщина) Крутихинской слободы Далматовской округи (60).

Некоторые крестьяне не ходили на исповедь и к причастию в течение ряда лет. В 1796-1797 гг. не были на исповеди и у причастия крестьяне Екатеринбургского округа М.Пшеничников (68 лет). Е.Тёплых (61 год), С.Мясников (43 года). Крестьянин деревни Черноуховой Н.Негодяев не был на исповеди 3 года (1795-1797 гг.) (61). Не замечалось особой религиозности за крестьянами Шадринского округа Пермской губернии (62).

Выявленные нами факты свидетельствуют о том, что официальная православная церковь, её обряды и установки не пользовались авторитетом у части крестьян Урала, проявлявших к ней безразличие и равнодушие.

Своеобразной религиозной формой социально-политического протеста народных масс и прежде всего крестьян против православной церкви и самодержавия являлось старообрядчество. Старообрядцы стали появляться на Урале сразу после начавшегося в стране церковного раскола. Возникнув вначале на чисто религиозной почве, это движение в своих идеологических поисках наряду с требованиями свободы «приношений молений господу богу», отражая происходившее социальное расслоение старообрядческих общин, выступает против ревизий, рекрутчины, насилий администрации и т.д.(63), принимает форму антифеодального протеста.

В старообрядческих сочинениях конца XVIII – XIX в. встречаются резко отрицательные оценки правительства как собрания слуг антихриста, осуждается законодательство, присяга императору, паспортная система, подушная подать. В среде государственных крестьян Урала и Западной Сибири в начале XIX в. распространяется легенда о вольной изобильной стране – Беловодье, находящейся где-то за Алтаем, стране без повинностей, податей, рекрутчины, «татьбы, воровства», населению которой чужда национальная исклю-

чительность, свойственна веротерпимость, и которой управляют «народы и всех людей духовные власти». По мнению К.В.Чистова легенда о Беловодье возникла в связи со специфической конспиративной деятельностью чрезвычайно своеобразной крестьянской анархистской религиозно-общественной организации – секты «бегунов», или «странников». Они отрицали государство, объявляя воплощением антихриста не только царя и никонианскую церковь, но и все законы и установления правительства, налоги, армию, деньги, семью, переписи податного населения. Будучи утопистами, «бегуны» единственный реальный выход из отрицания современного им государства видели в разрыве всех общественных связей, в бегстве от «начальства», от помещика, из армии, в переходе к конспиративному существованию, хотели выключиться из социальных закономерностей, образовать некий нефеодальный островок в окружающем их океане феодализма (64).

Старообрядчество в России было представлено двумя крупными направлениями: поповщиной (признание таинства священства, церковной иерархии) и беспоповщиной (отрицание священников для спасения души). Эти направления делились на множество течений (толков, согласий). Так, среди старообрядцев-поповцев известны были толки беглопоповцев, дьяконовцев, перемазанцев и др. Старообрядцы беспоповцы делились на поморский, федосеевский, филипповский, нетовский (спасовский) и упоминавшийся уже страннический (бегунский) и другие толки (65).

В отличие от России в целом старообрядчество Урала и Сибири было относительно однородно. Подавляющую массу местного старообрядчества составляли беглопоповцы. Однако в конце XVIII – первой половине XIX в. урало - сибирская организация беглопоповцев претерпела значительную эволюцию, приведшую к образованию стариковщины, или часовенного согласия. Оно возникло здесь в результате перехода значительной части местных старообрядцев-беглопоповцев на беспоповские позиции. Поворот к беспоповщине значительных масс старообрядцев Урала и Сибири наши историки объясняют не только формально-догматическими причинами (оскудение священства и невозможность перехода новых священников из господствующей церкви в результате жёсткой противораскольнической политики правительства Николая I), но и резко враждебным отношением к официальной церкви и феодальному государству рядовой массы крестьян – старообрядцев в отличие от умеренно настроенной верхушки, готовой пойти на компромисс с самодержавием и православием в форме единоверия (66).

Значительное количество раскольников находилось в Пермском наместничестве (позднее губернии), особенно в Екатеринбургском округе. Большая деревня Шарташ этого округа состояла «вся из раскольников». Там была бо-

гатая часовня. Немало раскольников жило в Алапаевском, Верхотурском округах, почти во всех уральских заводах и в некоторых сёлах. Официально в наместничестве было учтено 3398 раскольников мужского и 3676 – женского пола, а с «неизвестными» - до 15000 человек (данные на 1781 г. (67).

Ко второй четверти XIX в. Урал, в том числе Пермская губерния, прочно занимает первое место по числу старообрядческого населения в правительственной статистике раскола. Основная часть старообрядчества была сосредоточена на горных заводах и в селениях государственных крестьян; в Пермской, Оренбургской губерниях (68).

Анализ материалов убедительно свидетельствует о том, что старообрядчество, как явление общественного сознания не только не изживало себя, несмотря на все старания правительства и официальной православной церкви, но и имело тенденции роста его сторонников.

В документах светских и духовных властей постоянно проводилась мысль, как бы оправдывавшая их бессилие искоренить старообрядчество: «...раскольники в мнениях своих чрезвычайно упорны и редко, после больших усилий духовенства, решаются присоединиться к православию» (69).

В рапортах о благосостоянии православных церквей, в секретной переписке духовных правлений с духовными консисториями, в характеристике православными церковнослужителями крестьян-раскольников отмечается их «закоренелое упрямство», «закоренелое суеверие», «закоснелое упорство», «непреклонность», «приверженность к заблуждениям», «склонность к свращению в раскол других лиц» (70).

В тех случаях, когда представителям православной церкви удавалось вернуть в её лоно раскольника, с него бралась подписка. В этом документе переходивший из раскола в православие человек сообщал о своём желании присоединиться «к Святой Православной церкви», давал обязательство исполнять в точности все её постановления «непоколебимо и не уклоняться ни в какие раскольничьи секты»; в противном случае он подвергал «себя суду по законам» (71).

В обнаруженных нами документах нет материалов, свидетельствующих о массовом переходе раскольников в православие. В 1855 г. всего 24 крестьянина Челябинского округа Оренбургской губернии перешли из раскола в православие (72). Тем не менее следует подчеркнуть, что начиная с 40-х гг. XIX в. официальная статистика с удовлетворением констатировала уменьшение численности раскольников «от обращения их в православие, присоединения к единоверческим церквам и по другим причинам» (73).

В материалах Оренбургской духовной консистории (50-е гг. XIX в.) сохранились интересные сведения о фактах, по которым местные священники

выявляли раскольников, и о причинах, которые, по их мнению, отвращали крестьян от православия, и, наоборот, «совращали» в раскол. В частности, крестьяне – раскольники Куртамышской слободы, сёл Долговского, Введенского, деревень Нижней Обаниной, Малетиной, Берёзовой и других отказывались под разными предлогами «от целования святого креста», не участвовали «в общественных молебствиях, бываемых по случаю бездождия», во время хождения православных священников в праздники с иконами не принимали их в свои дома, не бывали у исповеди и святого причастия. Во время церковных праздников в «церковь Божию» не являлись (74). Усиление раскола в Шадринском округе (1850 г.) один из местных служителей церкви связывал с очень суровым и строгим отношением к прихожанам некоторых священников (75).

По мнению Оренбургского губернатора (1858 г.) причины, вызывавшие распространение раскола в губернии, в частности в Челябинском округе, заключались в противозаконных поборах местного духовенства с населения хлебом и деньгами (за венчание браков – от 1 до 6 руб., взятие сверх того за венчание каждого брака гостинцев – от 20 до 60 коп., за погребение умерших – от 50 коп. до 1 руб. и более, деньги за напутствие больных и за все вообще исправляемые требы; взимание хлебной руги; сбор денег во время бываемых у прихожан праздников «с кого сколько могут взять»). И всё это при условии определённого для священнослужителей правительством жалованья, при котором они должны «все следующие по христианскому обряду требы исполнять безвозмездно, не требуя за то никакой платы». Некоторые служители церкви за производство определённых треб при отсутствии у крестьян денег брали у них под заклад вещи, даже земледельческие орудия, до уплаты долга. «Чрез то останавливались крестьянские работы» (76).

Из общности феодальнозависимого положения уральских (и сибирских) государственных крестьян прослеживается много общего в их идеологических поисках, в том числе – связанных со старообрядческими лозунгами, в их массовых антицерковных выступлениях. В 1782-1784 гг. тысячи жителей исетских, ялutorовских, ишимских сёл были охвачены массовым движением за выход из православных церковных приходов с целью освобождения от поборов и притеснений православного духовенства. Крестьяне переставали посещать церковь и признавать православных клириков; составляли списки лиц, желавших записаться в двойной старообрядческий оклад, предпринимали настойчивые действия для того, чтобы добиться официального признания этих многотысячных списков (лишь под двумя из них стоит 1893 подписи). Подобные действия происходили в деревнях Далматовского, Шадринского и Челябинского округов. Сведения о них поступали в соответствующие духов-

ные правления (77). На Тюменском соборе 1840 г., оформившем возникшую крестьянскую организацию старообрядцев – беспоповцев Урала и Западной Сибири часовенного согласия, присутствовали представители старообрядческих общин Камышловского и Шадринского округов Пермской губернии и Тюменского и Ялуторовского округов Тобольской губернии (78).

Старообрядцы активно участвовали во всех открытых вооружённых выступлениях народных масс против феодально-крепостнического гнёта в России в целом, против системы государственного феодализма на Урале, в сопредельных с ним регионах в течение всего исследуемого времени. Однако после поражения четвёртой крестьянской войны – выступления народных масс под предводительством Е.И.Пугачёва (как часто называли то народное движение) политический протест в старообрядчестве уже не приобретал столь острых и непримиримых форм. Умеренные, соглашательские слои старообрядцев, прежде всего представители промышленных и торговых кругов, стали на путь компромиссов с самодержавием и государственной церковью, что нашло выражение в частности, в создании так называемого единоверия. Демократические слои, радикально настроенные, либо становились на путь религиозно-социальной утопии, либо, что более характерно, на путь гражданского неповиновения, как это было у странников, появившихся в конце XVIII в., а в середине XIX в. – у немоляков, неплательщиков и лучинковцев на Урале. Эти названные течения беспоповского согласия отрицали почти все обряды, посты и праздники, богослужение, молитвы (кроме духовных), поклонение иконам и ношение крестов, воинскую повинность; гражданскую власть считали порождением антихриста и не повиновались ей, не платили податей, поскольку земля – «божия»; лучинковцы отрицали всякую власть и законы, считая их сатанинскими, не признавали церковной иерархии и таинств (79).

В конечном итоге идеология и движение старообрядцев в эпоху становления мелкотоварного и мелкобуржуазного уклада были проявлением борьбы за свободу религиозных организаций, социального движения, объективно направленного против устоев самодержавно–крепостнического строя, способствовали развитию капиталистических отношений в России (80; 81).

Формировавшиеся в области общественного сознания идеалы крестьяне пытались различными путями реализовать в повседневной жизни и, в конечном итоге, добиться улучшения своего социально-экономического и политического положения.

Нежелание государственных крестьян выполнять одну из основных повинностей – пахать «государеву десятинную пашню» - отработочную ренту, в основе которой лежало внеэкономическое принуждение, привело к её заме-

не на Урале в 1743 г. хлебным оброком, а в 1783 г. – оброчной податью в денежной форме (82).

Важной вехой в антифеодальном по характеру движении, в попытке привлечь внимание правящих кругов России к тяжёлому социально-экономическому положению государственных крестьян страны, различных её регионов, в том числе – уральского, к бесправию перед местной властью, к несовершенству податной системы, ведущих к разорению крестьян, были их наказания в Уложенную комиссию 1767 г.

Одним из проявлений массового движения протеста крестьян – старообрядцев против вмешательства официальной православной церкви в их религиозную жизнь в острой, хотя и бесперспективной форме борьбы следует считать самосожжения старообрядцев Урала, как и других регионов России в 50-х гг. XVIII в. Несмотря на отмену в 1782 г. двойного подушного оклада для старообрядцев массовое антицерковное движение на Урале (как и в других регионах России) не только не прекратилось, но даже значительно активизировалось. Старообрядцы выступали за сохранение старого двойного оклада, видя в нём возможность избавиться от опеки и поборов официальной православной церкви, выйти из-под её власти. Православное же духовенство, напротив, считало указ 1782 г. руководством к немедленному превращению всех раскольников в прихожан господствующей церкви. В конечном итоге Синод вынужден был издать секретный указ от 9 марта 1783 г., в котором, с одной стороны, осуждались попытки массовой записи уральских крестьян в раскол, содержалось требование более активной борьбы с расколуучителями, с другой стороны, в указе обличались поборы и притеснения со стороны священников как одна из главных причин перехода крестьян в открытый раскол, отмечалась профессиональная непригодность многих православных священников. Всему православному духовенству рекомендовалось вести постоянную, кропотливую работу с прихожанами, с колеблющимися, с открытыми старообрядцами не насилием, а «духовным оружием». Пермский и Тобольский генерал – губернатор Е.П.Кашкин вслед за секретным указом 1783 г. принял в июле-августе 1784 г. беспрецедентное решение о передаче в нижние земские суды всех дел по жалобам старообрядцев на насилия духовенства (83).

Уральские крестьяне приняли самое активное участие в одном из грандиозных антифеодальных движений в России – в Крестьянской войне 1773 – 1775 гг. во главе с Е.И.Пугачёвым. Важное значение имело участие крестьян в повстанческих отрядах Е.И.Пугачёва и его сподвижников в Исетской провинции Оренбургской губернии (Исетский, Шадринский, Куртамышский и Окунёвский дистрикты (округа). Крестьяне провинции с оружием в руках

вместе с заводскими людьми, казаками, представителями нерусской народности – башкирами, мишарями («мещеряками») мужественно сражались с правительственными войсками. Охватив всю провинцию, повстанческое движение в ней соединилось с волнениями сибирских крестьян. Восставшие избавлялись от представителей царской власти и военных команд, раздавали населению конфискованные соль и вино или продавали их по низким ценам как казённое имущество. Имущество чиновников, офицеров и священников, относившихся враждебно к восстанию, подвергалось конфискации. Денежную казну крестьяне, как правило, передавали повстанческим начальникам (84).

Восстания уральских и сибирских крестьян потерпели поражение вследствие причин, определивших неудачу всех народных движений в России в феодальную эпоху: их стихийный, разрозненный, локальный характер, отсутствие ясной социальной программы построения будущего общества, наивный монархизм. В то же время, несмотря на внутренние противоречия и поражение, крестьянская война 1773-1775 гг. сыграла важную роль в формировании самосознания крестьянского сословия, в условиях начавшегося разложения феодализма вместе с другими формами его протеста стимулировала ускорение процесса эволюции феодальной системы и тем самым в исторической перспективе приближала приход нового буржуазного строя (85).

Усилившееся с конца XVIII в. наступление государства на крестьянские земли через Генеральное межевание (отрезка земли сверх 15-десятиной пропорции, создание оброчных земель), снижение официальной нормы надела с 15 до 9 дес. в Оренбургской и до 5 – в Пермской и Вятской губерниях в 40-50-х гг. XIX в., пожалования земли помещикам, крупным чиновникам, горнозаводчикам, покупка ими земли у казны, завладение различными угодьями обманным путём, - все эти факторы крайне отрицательно влияли на развитие уральской деревни, резко ухудшали земельный вопрос в этом регионе. Поэтому крестьяне активно противодействовали подобной политике правящих кругов и местных властей, используя такие формы протеста, как подача жалоб, прошений, перепашка межей, самовольные захваты земель и т.д.

Земельный вопрос на Урале уже во второй половине XVIII в. осложнился и обострением борьбы за землю различных групп расслаивавшегося крестьянства. В 1804 г. в связи с отмежеванием земли у крестьян деревни Шукшандиной Уржумского округа Вятской губернии произошло волнение. В документах за 1809 г. отмечены побеги крестьян из Пермской губернии в Оренбургскую в связи с малоземельем. В декабре 1818 г. государственные крестьяне Белоярской волости Шадринского округа оказали сопротивление землемеру при размежевании их земель с землями казённых крестьян села

Воскресенского Челябинского округа. В 1824 г. крестьяне Кочердыкской волости этого же округа подали прошение Александру I о разрешении переселиться в Сибирь в связи с малоземельем.

В ноябре 1834 г. произошло волнение казённых крестьян Оханского округа Пермской губернии в связи с отмежеванием спорных земель помещице С.В.Строгановой; волнение было подавлено с помощью военной команды и артиллерии. В 1835 г. крестьяне деревни Юговской Тихоновской волости Осинского округа Пермской губернии захватили земли, принадлежавшие заводам. В этом же году крестьяне Карачельской волости Челябинского округа Оренбургской губернии жаловались Николаю I на неправильную отрезку принадлежавших им наделных земель, причём частично уже распаханную под посев крестьянам вновь заведённой деревни Иванковой окружным землемером Крупским. Карачельские крестьяне просили царя помочь им вернуть их прежние земли, а крестьян деревни Иванковой наделить участком из свободных земель.

В 1836 г. крестьяне деревни Сухановой Окунёвской волости Челябинского округа в прошении на имя оренбургского губернатора сообщали о неправильной отрезке 350 дес. пахотной земли от их общества землемером Байковским и об отрезке им взамен «низких луговых и мокрых мест». Крестьяне просили поручить провести правильное межевание земель и вернуть им «з давних уже лет владеемую нашими предками» землю. В конце этого же года крестьяне Енотаевской (Енпаевской) волости Красноуфимского округа Пермской губернии отказались дать подписки в том, что они не будут пользоваться отчуждённой от них землёй. В мае 1837 г. крестьяне этой волости подали прошение наследнику престола о возвращении им земель, захваченных помещиком Клепининым. В Шервинской волости Оханского округа Пермской губернии в августе 1845 г. толпа крестьян, вооружённая топорами и палками, напала на землемеров и уполномоченных, проводивших межевание земли в деревне Урвы. На место было командировано несколько чиновников. В деревне этой же волости был созван крестьянский сход, на котором зачитали указ Сената об отмежевании земли. Крестьяне, чувствуя своё бессилие, отказались от сопротивления. Тем не менее были произведены аресты, а четыре главных крестьянских вожака были подвергнуты «исправительному наказанию», а затем преданы суду.

Зимой 1848 г. крестьяне уже упоминавшейся Шервинской волости повредили межевые столбы и перепахали межевые линии, отделявшие владения помещиков Голицыных и Бутеро от крестьянских. Летом 1849 г. крестьяне Мехонской волости Шадринского округа Пермской губернии добились отстранения от должности волостного головы Ярославцева, который без об-

суждения сельского схода отвёл 10,5 дес. сельской земли жителям деревень Ленское и Кропачёва, по-видимому, за взятку. В ноябре 1853 г. более 89 государственных крестьян селения Шарады Елабужского округа Вятской губернии при попытке переселить их с земель, присуждённых во владение помещику Тевкелеву, оказали упорное сопротивление местному начальству. Генерал-майору корпуса жандармов барону Тизенгаузену было поручено содействовать начальству в усмирении крестьян, которые в конечном итоге были переселены; «зачинщики неповиновения крестьян и подстрекавший их к тому тептярь Акимов взяты под стражу для предания суду» (86).

Известны факты активного сопротивления казённых крестьян попыткам вмешательства в их владельческие права местных властей, частных лиц. Так, в конце 1830 г. 1110 крестьян Багарядской и Огнёвской волостей Екатеринбургского округа оказали сопротивление представителям земского суда при попытке отобрать принадлежащие им Куяшские озёра. Губернское правление и Министерство финансов вынуждено было решить спор в пользу казённых волостей. Однако некоторые крестьяне (несомненно, зачинщики) за проявленное «буйство» были отданы под суд. В начале 1842 г. государственные крестьяне 6 селений Нолинского округа Вятской губернии оказали сопротивление при передаче находившихся в их распоряжении мукомольных мельниц в оброчное содержание другим лицам. После ареста местными властями их односельчан крестьяне добились освобождения арестованных, но сопротивление было подавлено военной командой (87).

В 1805-1811 гг. наблюдались волнения крестьян Бахтинской волости Вятской губернии в связи с незаконными поборами и насилиями земской полиции. Крестьяне подавали жалобу на имя Александра I. Было возбуждено официальное следствие, а на место отправлена ревизия во главе с сенатором Руничем. Сенатор вынужден был признать справедливость крестьянской жалобы. Тем не менее была предпринята попытка арестовать вожака бахтинских крестьян – составителя жалобы писаря М.Кочурова. Земской полиции, прибывшей в волость для его ареста, крестьяне оказали «грубое непристойное упорство», сами арестовали весь состав земского суда, кроме бежавших председателя и секретаря. Но и М.Кочурову пришлось бежать из волости.

В мае 1809 г. казённые крестьяне Осинской волости Бирского округа Оренбургской губернии подали государственной казначею Голубцову прошение об освобождении от обременительных платежей.

В октябре 1824 г. крестьяне Курмыжской волости Вятского округа и Дубровской волости Слободского округа Вятской губернии подали прошение сенаторам А.А.Долгорукову и Е.А.Дурасову об уменьшении ямской повинности. Летом 1837 г. государственные крестьяне Бродокалматской волос-

ти Шадринского округа подали прошение наследнику престола Александру II о защите их от поборов должностных лиц. В конце этого года до 700 крестьян различных волостей Троицкого округа Оренбургской губернии оказали сопротивление земской полиции, требовавшей исправления дорожного участка.

В январе-марте 1838 г. государственные крестьяне Мордовско-Бугурусланской (5869 человек), Кандызской (4775 человек) и Тирис – Усмановской (4522 человека) волостей Бугурусланского округа Оренбургской губернии отказались платить недоимки; в волости были введены военные команды.

В апреле 1848 г. часть крестьян деревень Ушакова и Заозёрное Песчанского сельского общества Шадринского округа Пермской губернии решительно отказались вносить в запасные сельские магазины окладной хлеб, строить дома для сельского управления и участвовать в складчине на возведение сельской церкви. Сопротивление было организовано местными раскольниками Скрипиными. Однако управляющий Палатой признавался министру государственных имуществ П.Д.Киселёву, что почва для возникновения волнений была подготовлена лихоимством и неуместной грубостью окружного начальника Долгова. Тем не менее в указанные селения была введена военная команда.

В конце февраля 1850 г. государственные крестьяне деревень Верхнего и Старого Лыпа Сарапульского округа Вятской губернии подали прошение министру юстиции о защите их от вымогательств и взяточничества волостного головы и писаря.

28 октября 1850 г. крестьяне Ачитской волости Красноуфимского округа Пермской губернии подали прошение Николаю I и министру государственных имуществ П.Д.Киселёву о привлечении к ответственности бывшего волостного головы за жестокое обращение с крестьянами и разорение их. 30 декабря этого же года крестьяне Заводоуковской волости Красноуфимского округа Пермской губернии подали прошение П.Д.Киселёву о защите их от притеснений и поборов священников. В мае 1855 г. крестьяне Троицкой и Чупинской волостей Камышловского округа Пермской губернии подали жалобу губернатору на злоупотребления окружного, волостного и сельского начальств (88).

Крестьяне Урала, как и других регионов России, стремясь реализовать в повседневной жизни свои идеалы свободы выбора места жительства, работы, передвижения по территории волости, округа, губернии, страны в целом, использовали такие старые, традиционные для всего крестьянства формы социальной активности, как бегство, самовольный уход со старого постоянного

места жительства на новое. В 1783 г. в Оренбургской губернской канцелярии рассматривалось дело о 18 беглых крестьянах, не имевших «письменного виду» (89).

В 1750 г. в Екатеринбургскую судных и земских дел контору поступило дело о сыске и поимке 4 беглых крестьян Екатеринбургского ведомства. В этом же деле содержится материал о 26 беглых крестьянах Курганской слободы Ялуторовского дистрикта Тобольской губернии (90).

Известны интереснейшие факты поиска крестьянами легендарной вольной, изобильной страны – Беловодья уже с начала XIX в. В Пермской и Оренбургской губерниях в 30-х годах этого столетия распространялись списки «путешественника» в этот мифический край крестьянской вольницы, а среди оренбургских крестьян известны и непосредственные участники поисков Беловодья, находившегося по легендам где-то за Алтаем. В конце 30-х годов XIX в. казачий урядник Мокиев задержал на Алтае крестьян Оренбургской губернии Уфимского округа Рагузина и Бобкина, при которых оказались «маршруты» в Беловодье (91).

Бегство являлось постоянным проявление крестьянского социального движения, различных форм протеста народных масс против существовавших в стране норм правопорядка, полицейского контроля, привязывавших человека к месту жительства, создававших множество преград для его свободного передвижения по территории Российской империи.

На социальную активность, на различные формы её проявления существенное значение оказывал происходивший в российской деревне процесс её расслоения на различные по своему имущественному, социальному положению группы, категории. В связи с этим глубинным явлением большой интерес представляют факты, отражающие стремление крестьян, особенно грамотных, легальным, законным путём через различные судебные и другие инстанции разрешить возникавшие не только внутрисословные, но и классовые противоречия.

В 1782 г. крестьянин Аятской слободы Алапаевского округа Т.Жуков в жалобе в Алапаевскую нижнюю расправу сообщал «об избиении его бесчеловечно» поверенным Режевского завода Л.Козловым и его людьми за требование Т.Жуковым уплатить причитавшиеся ему ранее за работу у Козлова деньги (92).

В 1798 г. крестьянин Богородской волости Красноуфимского округа Пермской губернии К.А.Власов подал на имя Павла I жалобу на зажиточных крестьян его волости И.Ф.Бакурина «с товарищи», отнявших у К.А.Власова арендованную землю, в том числе вспаханные 0,5 дес., без всякой причины «мучивших его в ножных железзах»; обидчики бесчеловечно били Власова,

отняли у него документы на «кортому». Крестьянин просил «где следует по законам учинить рассмотрение» и тем самым доставить «ему удовольствие за причинённую тяжкую обиду и крайнее разорение» (93).

В прошении на имя Шадринского окружного начальника крестьянин деревни Беляковской Вознесенской волости С.Г.Рушков (1850 г.) обращался за помощью взыскать с крестьянина деревни Горкиной этой волости И.Г.Третьякова причитающиеся ему недоплаченные по торговой сделке 120 руб. ассигнациями (94).

Одной из форм протеста крестьян против ущемлявшего их интересы законодательства являлась самовольная порубка лесов в казённых дачах. В 1794 г. Алапаевский окружной стряпчий рассматривал дело о самовольной порубке лесов Режевского завода крестьянами разных волостей; такое же дело возникло в 1797 г. (95). В 1804 г. самовольно был порублен лес крестьянами Кунгурского и Пермского округов (96). Истребление казённых лесов крестьянами заметно возрастает в 30-х гг. XIX в. В 1836 г. Пермское губернское правление и Камышловский земский суд требовали взыскать штраф с крестьян Знаменской волости А.Брюханова «с товарищи» за самовольную порубку леса; аналогичным было содержание рапорта главного лесничего в отношении крестьян Волковской, Некрасовской и Троицкой волостей. В ноябре этого года Екатеринбургский земский суд взыскал штраф за самовольную порубку леса с крестьянина Е.Чусовикина; 28 ноября в этом же суде рассматривалось дело о самовольной порубке леса и о взыскании штрафа с крестьян Волковской и Колчеданской волостей (97).

Самовольные порубки казённых лесов за время управления П.Д.Киселёва, широко распространившиеся в целом по стране, ежегодно приносили убыток, колебавшийся от 386 тыс. руб. (1842 г.) до 111 тыс. руб. (1856 г.) Несмотря на принятие жёстких мер против порубщиков, вплоть до предания их военно-полевому суду, Министерству не удалось ликвидировать это застарелое зло, так как не был уничтожен его основной источник – необеспеченность крестьян топливом и строительным материалом (98).

Сильное сопротивление оказывали государственные крестьяне, когда им угрожала опасность перехода в более зависимое положение – в состав приписных крестьян, непрременных работников, военных поселян, в частные руки, то есть выступали против попыток изменения их социально-экономического и политического статуса. Так, в 1803 г. 363 крестьянина Нижнее-Тагильской волости Верхотурского округа Пермской губернии, находившиеся ранее на положении государственных, отказались признавать себя приписными к демидовским заводам. В итоге рассматривавший дело Сенат вынужден был 300 человек признать государственными (99).

После отмены системы приписки государственных крестьян к заводам в стране в 1807 г. (за исключением сибирских кабинетских земель) в результате предшествовавших волнений приписных крестьян известны факты отказа крестьян отработать на заводах до определённого указом срока (до 1 мая 1813 г. – на казённых заводах, и до 1 мая 1814 г. – на частных). В августе 1813 г. 150 казённых крестьян Покровской волости Екатеринбургского округа отказались от работ на Тагильском казённом заводе в связи со слухами об освобождении крестьян от заводских работ. С октября 1834 г. до конца августа 1835 г. происходили волнения государственных крестьян Красноуфимского и Кунгурского округов Пермской губернии, Уфимского, Бирского и Троицкого округов Оренбургской губернии в связи со слухами о переводе их в удельное ведомство. К 9 июня 1835 г. в деревне Броды Кунгурского округа собралось от 4 до 5 тыс. восставших крестьян, а в деревне Байкиной этого же округа 12 июня произошло настоящее сражение между крестьянами и правительственными карательными войсками. Перекинувшееся в Оренбургскую губернию крестьянское движение к концу августа 1835 г. также было жестоко подавлено воинскими командами (100).

В 1841-1843 гг. в Вятской, Пермской, Оренбургской и Тобольской губерниях прошли мощные волнения государственных крестьян, направленные против реформы П.Д.Киселёва, вызванные слухами о передаче их либо в удельное управление, либо в «крепость» какому-то помещику (101).

Подлинными глубинными причинами волнений государственных крестьян Урала, Сибири, как и в других регионах России (северных, центральных губерниях, в Поволжье, западных районах), заключались в существенном ограничении коронной администрацией прав и функций крестьянских органов самоуправления (волостного и сельского сходов), в которых формировавшаяся сельская буржуазия играла решающую роль.

Реформа П.Д.Киселёва лишала крестьян права свободных сельских сходов и решения на них насущных экономических и фискальных вопросов, ограничивала состав избираемых на сходы представителей крестьянских общин возрастом («не моложе 25 лет»), имущественным положением («состоянием»), поведением («хорошим»), не допускала к выборным должностям лиц, подвергавшихся телесному наказанию, сектантов (старообрядцев) и язычников, увеличивала число должностей в сельском управлении, содержание которых, естественно, ложилось новым бременем на крестьянские плечи. Судебная власть не отделялась от административной; сельские и волостные начальники утверждались губернскими палатами, а волостной голова – губернатором; волостной писарь не избирался крестьянами, а назначался губернской палатой государственных имуществ. Как правило, это были угод-

ные для государственной бюрократии лица. Самовольные собрания крестьян, их решения считались недействительными; приговоры сельских сходов считались недействительными без утверждения окружными начальниками, иногда – губернскими палатами. Община оказывалась в роли исполнительницы при бюрократических органах власти. Реформа управления сковывала хозяйственную инициативу мелких товаропроизводителей, делала невозможным обход феодального правопорядка (нелегальные отлучки, найм нелегальных работников, неуплата долгов и т.д.).

За счёт крестьян велось межевание казённых земель, строительство образцовых ферм, хуторов, училищ, больниц, юридических консультаций; переселение крестьян из малоземельных губерний в многоземельные обостряло в последних земельный вопрос. Объективно реформа могла бы расчистить почву для более быстрого и непрерывного роста товарно-денежных отношений в государственной деревне через соотнесение налогов с доходами, уравнение натуральных повинностей, устранение сословных перегородок, ликвидацию поземельной общины (102).

Однако всё это не было осуществлено. Напротив, социально-экономическое положение в государственной деревне ухудшилось в 40-50-х гг. XIX в., что нашло выражение и в таком явлении, как недоимочность, в котором наши историки справедливо видели своеобразную повседневную форму антифеодальной борьбы крестьянства, стремившегося неуплатой долгов обеспечить хотя бы минимум необходимых ему жизненных и хозяйственных средств (103).

Если посмотреть на отмеченные стороны крестьянской жизни более приближённо к конкретному проявлению, то можно отметить следующие факты. В 40-х гг. XIX в. по России прокатились крестьянские явно противореформенные движения. Так, в Вятской губернии в январе 1841 – июле 1842 гг. произошли выступления около 100 тысяч крестьян Орловского, Слободского, Глазовского и Вятского округов во главе с 57 старшинами, направленные против реформы П.Д.Киселёва. Крестьяне отказывались от принудительной посадки картофеля и засыпки семян, требовали упразднить сельские управы, восстановить старое волостное управление, избивали и арестовывали ненавистных волостных начальников и писарей, оказывали даже вооружённое сопротивление прибывавшим воинским командам. В итоге правительственные войска подавили движение вятских крестьян (104).

Ещё более мощные крестьянские движения с числом участников до 200 тысяч человек в марте 1841 – апреле 1843 гг. охватили Осинский, Кунгурский, Ирбитский, Верхотурский, Камышловский, Шадринский округа Пермской губернии. Крестьяне собирались на сходки, отказывались сажать карто-

фель, избивали представителей волостной организации, угрожали убить и убивали наиболее ненавистных, поджигали дома некоторых из них, толпами осаждали волостные и сельские правления, искали заочные приговоры и царские указы, хватали «выборных» и писарей и побоями хотели выпытать у них признание в продаже барину, обвиняли в сокрытии царских указов священников. В мирских приговорах, адресованных местным учреждениям, некоторые сельские общества просили оставить старый порядок и не отдавать их в частное владение. Крестьяне требовали отменить жалованье и кафтаны выборным, отменить посадки картофеля и заготовление запасов семян, выступали против каких-либо противозаконных сборов. В ряде волостей крестьяне запечатывали сельские и волостные управления, объявляли недействительными полномочия ненавистных волостных и сельских начальников и заменяли их новыми избранниками, пользовавшимися доверием массы. 14 апреля 1843 г. возле села Батуриного и 18 апреля этого же года на реке Басказык (Шадринский округ) произошли крупные вооружённые столкновения много-тысячных ополчений повстанцев с карательными отрядами, включавшими все рода войск: пехоту, конницу, артиллерию. Эти сражения закончились победой правительственных войск (105).

С зимы 1842 г. до конца 1843 г. волнениями были охвачены Каминская, Чумлякская, Кислянская, Воскресенская, Таловская, Куртамышская волости Челябинского округа Оренбургской губернии с населением в 40 тысяч человек. Крестьяне вооружёнными отрядами нападали на сельские и волостные управления, разыскивали указы о передаче в удел, пытали волостных голов, писарей, священников, производили обыск в церквях и домах священников, в некоторых местах опечатывали здания сельских и волостных правлений. Ненавистные «выборные», особенно отличавшиеся своими насилиями и поборами, арестовывались, заковывались в кандалы, обливались на морозе водой, опускались в прорубь, подвергались побоям. Крестьяне оказывали вооружённое, иногда успешное сопротивление посланным на их усмирение башкирским военным командам. Учитывая широкий размах движения, Оренбургский военный губернатор Обручев направил в восставшие районы 10 тысяч человек пехоты и конницы в сопровождении 10 артиллерийских орудий. 27 апреля 1843 г. в деревне Гагарьевой Таловской волости Челябинского округа два казачьих полка во главе с графом Цукато фактически завершили подавление вооружённого сопротивления крестьян этого округа (106).

После подавления крестьянских волнений на Урале 28 «зачинщиков» и старшин Вятской губернии были осуждены к сдаче в рекруты. В Шадринском округе было арестовано и заключено в остроги около 3600 человек, а в Челябинском округе – более 700 человек. Военные суды выносили жестокие

приговоры. После обсуждения в различных правительственных инстанциях Николай I утвердил постановление Комитета министров, которое предписывало: 34 зачинщика наказать 1500 шпицрутенев и ссылкой на каторгу, 118 человек – 1000 шпицрутенев и в большинстве сдачей в солдаты, 13 человек – 500 шпицрутеневыми, остальных подвергнуть сечению розгами. Участвовавшие в движении отставные солдаты были приговорены к 2000 ударам шпицрутеневыми, каторге и частично – к ссылке в Сибирь. Все расходы по усмирению по установленному обычаю были переложены на самих крестьян. Одновременно на местах были назначены новые чиновники взамен прежних, которых правительство обвинило в преступном послаблении и бездействии (107).

В конечном итоге, несмотря на мощный социальный протест крестьянства, реформа П.Д.Киселёва, в том числе один из её существенных элементов, вызвавших наибольшую ненависть крестьян – новое управление, была проведена и в уральской государственной деревне. В последующее время недовольство крестьян Урала этой реформой проявлялось в форме тайных сходок, толков и слухов, подаче прошений, появлении в Челябинском округе человека, выдававшего себя за великого князя Константина, обещавшего защитить крестьян (108).

После падения крепостного права в России правительство было вынуждено распространить положения реформы 1861 г. на государственную деревню. На Урале это произошло в 1866 г.

Социально-политический статус феодально-зависимого, податного, неполноправного сословия предопределял и эксплуатацию государственных крестьян Урала феодалом – государством через систему растущих податей и повинностей. Их сбор и выполнение сопровождалось административным гнѐтом и произволом местных властей.

В силу специфики социально-экономического развития уровень эксплуатации уральской казѐнной деревни государством в денежном выражении был выше в сравнении с соседними регионами, в том числе – с сибирским.

Внутренняя политика правящих кругов России и её осуществление на местах приводили к разорению многих крестьянских хозяйств, к хронической недоимочности уральской государственной деревни, к её расслоению на различные в социально –экономическом отношении группы (рост на одном полюсе деревни полупролетарских элементов, на другом – сельской буржуазии).

Все эти закономерные и противоречивые процессы находили отражение в общественном сознании и в конкретных многообразных формах социальной активности, движений государственных крестьян, в обострявшихся в казѐнной деревне внутрисословных конфликтах.

Одной из важных черт общественного сознания, менталитета уральского государственного крестьянина следует считать стремление к свободе распоряжаться своей личностью, землёй, хозяйством, результатами своего труда, свободно выбирать место жительства, передвигаться по территории страны.

Для крестьянской психологии характерным являлось уважительное отношение к труду, к земле, к семье, к старшим, к общине, к грамотности и просвещению. Грамотность крестьяне стремились использовать для улучшения своего хозяйства, положения в целом, для занятия выгодных должностей в общинном самоуправлении, для большей социальной защищённости во враждебном для них эксплуататорском обществе.

Несмотря на все попытки феодального государства воспитать крестьянские массы в духе покорности существующим порядкам, в духе теории «официальной народности», в крестьянском сознании отчётливо прослеживается острое недовольство, неудовлетворённость своим социально-политическим и экономическим положением, стремление улучшить его законными, легальными путями через подачу челобитных, наказов, жалоб, прошений в разные инстанции, начиная от местной администрации и завершая царём. В этих документах ярко отразилась противоречивая крестьянская психология: критика многих существующих в государственной деревне порядков, высших и местных чиновников, законодательства, требования облегчения крестьянской участи сочетались с наивным монархизмом, верой в «хорошего» царя, царя – избавителя, с непризнанием некоторых царских указов, трактовкой их в нужном для крестьян смысле. Царистские иллюзии отражались и в идее самозванчества. Известны факты публичной критики крестьянами царского законодательства и даже личности самого монарха.

В попытках реализации своих идеалов крестьяне проявляли упорство, находчивость, подлинное мужество. Лейтмотивом крестьянских челобитных, наказов, жалоб, прошений являются идеи о необходимости снижения объёмов многочисленных денежных платежей и натуральных повинностей, о несовершенстве податной системы, о необходимости ограждения крестьян от притеснений, произвола, самоуправства, вымогательств, жестокости в обращении с ними местной администрации, от поборов и притеснений православных священников.

Ненависть ко всем проявлениям эксплуатации, к унижению их человеческого достоинства сочеталась у крестьян с готовностью защитить страну от внешних врагов, что особенно ярко проявилось во время Отечественной войны 1812 г.

В крестьянской психологии прослеживается определённая противоречивость в отношении к православной религии. С одной стороны, основная мас-

са уральских крестьян исповедовала её. С другой стороны, часть крестьян была расположена к старообрядчеству, отрицательно относилась к официальной церкви, некоторым её обрядам и представителям.

Высшим достижением крестьянского общественного сознания следует считать выработанный им идеал бесклассового общества без повинностей, податей, рекрутчины, «татьбы, воровства», без проявления национальной исключительности и нетерпимости к другим верам.

Выработанные взгляды, представления, идеалы крестьяне пытались претворить в жизнь не только через подачу жалоб, челобитных, наказов, прошений, но и через другие формы социальной, антифеодальной борьбы. Среди повседневных проявлений социального протеста крестьян распространёнными были побег, самовольные переселения на новое место жительства, уход на заработки без официальных документов, самовольные порубки казённых лесов, сопротивление межеванию земли в государственных дачах, перепашка межевых линий, сопротивление попыткам правительства насадить в казённой деревне помещичье землевладение, отказ платить недоимку, выполнять некоторые натуральные повинности, самоубийства, членовредительство, саможжения, разбой, использование царского суда.

Повседневные формы протеста крестьян против различных явлений социальной несправедливости перерастали временами в массовые волнения и вооружённые движения (борьба за отмену десятинной пашни, Крестьянская война под предводительством Е.И.Пугачёва, волнения первой половины XIX в. в связи с ростом денежных сборов и повинностей, взысканием недоимок, вооружённые проявления борьбы крестьян против реформы П.Д.Киселёва). Внутрисословные противоречия принимали иногда весьма острые формы.

В связи с более интенсивным на Урале, чем в других регионах России, в том числе - в сопредельном сибирском, процессом отделения непосредственных производителей материальных и духовных благ от средств производства, в первую очередь от земли, в уральской государственной деревне накал социальных противоречий в течение всего анализируемого времени был более значительным. Особенно ярко эта закономерность проявилась в крестьянских движениях 1841-1843 гг. против реформы П.Д.Киселёва, когда в губерниях Вятской, Пермской и Оренбургской в них участвовали соответственно 100, 200 и 40 тысяч государственных крестьян (в Тобольской губернии – 22 тысячи крестьян). При этом уральские государственные крестьяне выступили против реформы с оружием в руках. В ходе антифеодальных движений общинная верхушка и зажиточная часть деревни нередко шла на компромисс с правительством и местной администрацией.

Правительство и местные власти в борьбе с этими движениями государственных крестьян уральского региона использовали такие методы, как «увещания», уговоры крестьян светскими властями всех рангов, вплоть до губернаторов и генерал-губернаторов, «духовное оружие» (православное духовенство, церковь), сыск, арест, суд, следствие, экзекуции (наказание розгами, кнутом, плетью, шпицрутенами, клеймение), сдача в рекруты, ссылка на каторгу, использование при усмирении волнений и восстаний всех родов войск с применением оружия, возложение расходов по усмирению крестьян на самих крестьян.

Различные формы социальной борьбы государственных крестьян Урала за улучшение своего социального положения, против усиления эксплуатации их феодалом- государством, подавлявшиеся правительством различными путями, вплоть до использования многотысячных воинских регулярных частей, вынуждали тем не менее правящие круги идти иногда на уступки – предание суду отдельных чиновников, отстранение от должности наиболее скомпрометировавших себя, проведение ревизий, издание указов, предоставлявших крестьянам большую свободу хозяйственной деятельности и облегчавших им переход в другие сословия, установление некоторых льгот переселенцам, отмена наиболее тяжелых форм эксплуатации – отработочной повинности («десятинной пашни»), изменение законодательства (отмена с раскольников двойного подушного оклада), сложение недоимок, отсрочка платежей по ним, проведение реформ (П.Д.Киселёв, 1866 г.), или, наоборот, вынужденный отказ от их проведения в полном объёме (как это было в Сибири с реформой П.Д.Киселёва).

Различные проявления социальной активности казённых крестьян Урала являлись тем мощным объективным фактором, который определял разложение и кризис системы государственного феодализма не только на Урале, в сопредельных с ним регионах, но и во всей России в целом, способствовал вызреванию в её недрах новых, более прогрессивных буржуазных отношений.

1.3. Влияние неземледельческих занятий уральских крестьян на их менталитет

Основой существования уральской государственной деревни, как и любого другого российского региона, являлось сельское хозяйство. Но и для крестьян Урала традиционным являлось достаточно активное участие не только в аграрной отрасли производства, но и в различного рода неземледельческой деятельности, в том числе – промышленной и торговой.

Материал источников XVIII – первой половины XIX в. очень редко содержит указания, явившиеся основой для выделения разных форм крестьянской промышленности, называвшихся чаще всего термином «промысел», «фабрика», «завод».

Тем не менее можно точно выделить следующие направления крестьянской неземледельческой деятельности на Урале. Это промыслы, связанные с переработкой продукции полевого хозяйства, огородничества и животноводства, с обработкой металла, дерева, изготовлением транспортных средств, производством мебели, посуды, обработкой глины, добычей различных природных ископаемых. Встречаются в источниках достаточно часто и сведения о группе промыслов, называемых отхожими.

Анализ этой сферы жизни уральских крестьян представляет значительный интерес в связи с тем, что содержание их неземледельческой деятельности, несомненно, раскрывает целый ряд своеобразных черт, качеств крестьянского менталитета.

Одним из промыслов, которым занимались уральские крестьяне, был мукомольный, связанный с переработкой продукции полевого хозяйства (различные виды зерна перемалывались на муку). Этот промысел кроме пользы для самих крестьян, владельцев мельниц различного принципа действия – водяных и ветряных, перерабатывавших зерно в муку для своего употребления, привлекал их к участию в данном промысле возможностью заработать деньги для самых различных потребностей, в том числе – в стремлении быть зажиточными.

В 60-х гг. XVIII в. в Исетской провинции числилось 337 водяных мельниц (приводились в действие водой) и 277 ветряных (приводились в движение ветром). Большинство их принадлежало государственным крестьянам, часть – представителям других сословий (109).

Широко был развит мукомольный промысел в Пермской губернии. В конце XVIII в. здесь насчитывалось 2708 мельниц. Некоторые из них принадлежали казне, церкви, помещикам, но большая их часть – государственным крестьянам (110). В начале XIX в. в губернии было уже 4468 мельниц: 2233 водяных и 2235 ветряных. К середине столетия число мельниц в губернии возросло до 4800.

Обычно хозяевами мельниц была разбогатевшая крестьянская верхушка, использовавшая их как средство наживы, или крестьянское общество. Мельницы часто сдавались в аренду общиной в виде мирских оброчных статей посторонним лицам (111).

Интересно отметить, что многие уральские крестьяне (как и сибирские) нередко размол хлеба производили под крышей своего дома на ручных жер-

новах. А в некоторых волостях Чердынского округа Пермской губернии помол хлеба на таких жерновах сохранялся ещё в XX в. (112). Очевидно длительное существование в уральской деревне мукомольного промысла в форме домашней промышленности.

С земледелием был связан промысел уральских крестьян по приготовлению солода из хлеба и ячменя (особенно в Кунгурском округе Пермской губернии) (113). Несомненно, и он развивался в основном также в форме домашней промышленности.

Развитие животноводства явилось основой для существования таких промыслов, как кожевенный и овчинный.

Уральские крестьяне занимались выделкой кож, изготавливали из неё обувь, шлеи, узды, недоуздки иногда в специально выстраиваемых кожевенных избах. В 60-х гг. XVIII в. в Хлыновском и Слободском округах Вятской губернии было зарегистрировано около 100 крестьянских кожевенных заведений. По своему социально-экономическому типу это были либо мелкие ремесленные мастерские, либо кожевенные «избы», изготавливавшие изделия на продажу. Очевидно, что крестьяне, занимавшиеся кожевенным и овчинным промыслами, должны были обладать определёнными специфическими знаниями и опытом по обработке имевшейся продукции, знать рыночную стоимость выделываемой ими продукции, чтобы получать от своего промысла, кроме удовлетворения потребностей своей семьи, ещё и какую-то денежную прибыль.

В связи с отмеченным становится понятным недовольство развитием крестьянского кожевенного промысла местного купечества, считавшего этот промысел привилегией своего сословия (114).

Выделкой конских и яловых кож (так называемые дублёнки), шитьём кожаной обуви широко занимались крестьяне Иванищевской волости Шадринского округа Пермской губернии, в особенности в с. Канашиновском, Иванищевском, деревнях Мальцевой и Дрянковой (115). По данным 1764 г. 8 кожевенных предприятий даже в г. Шадринске принадлежало государственным крестьянам. В пригородных сёлах и деревнях Шадринска из 66 кожевен 64 принадлежало той же категории крестьян. Эти заведения давали их владельцам до 26 р. годового дохода. В среднем доход от кожевни колебался от 2 до 5 р. в год (116).

В меньшей степени кожевенный промысел был распространён в Кунгурском округе Пермской губернии, в котором в конце XVIII в. работало всего 42 крестьянских кожевни. В начале XIX в. у государственных крестьян Верхотурского округа было 64 кожевни, в Шадринском округе - 118. На кунгурских кожевнях в среднем в год выделывалось по 25 кож. Эти небольшие за-

ведения давали доход чуть более 70 р. На более крупных кожевнях шадринских крестьян выделялось в среднем до 80 кож с годовым доходом от 350 до 525 р. (1810-1820 гг.).

Среди уральских крестьян кожевников имелись и крупные предприниматели, которые были даже занесены в общероссийский список фабрикантов и заводчиков. Из 83 названных в нём кожевников числится 8 государственных крестьян. Один из них - Г.Фролов - имел свой завод в г. Перми (117).

С 1840 г. в деревне Когорской Орловского округа Вятской губернии работал кожевенный завод крестьянина А.Х.Банникова, обрабатывавший в год 3000 конских кож и 300 опоек на сумму 4930 руб. На заводе трудилось 6 рабочих (118).

Широкое развитие уже в 60-х гг. XVIII в. получил овчинный промысел у государственных крестьян Исетской провинции. Однако годовой доход с овчинного производства был ещё незначителен – 1-2 р. В 50-х гг. XIX в. овчинные заведения шадринских и кунгурских крестьян давали доход уже до 845 р. в год (119).

Очевидно, что менталитет крестьян, занимавшихся и кожевенным, и овчинным промыслами, отличался в связи с целым рядом факторов. Чем более значительными были размеры их промысловых заведений, чем больше продукции они обрабатывали и продавали на рынке, тем более состоятельными они становились, тем больше с ними должны были считаться и члены их соседской общины, уральского социума в целом. Менталитет крестьян, попавших в общероссийский список фабрикантов и заводчиков, несомненно, существенно отличался от менталитета более мелких крестьян – промысловиков.

Думается, что крестьяне, занимавшиеся любым видом промышленной деятельности, должны были, кроме знания их специфики, иметь достаточно чёткую информацию о востребованности у местного населения производимой ими продукции. Уже в первой половине XVIII в. продукция уральских крестьян, занимавшихся салотопенным, маслодельным, ткацким промыслами, изготовлением веревок, канатов, пеньковых снастей, свеч, находила большой спрос на рынке, в том числе – на заводах Урала (120).

В 1850 г. на территории казённых селений Пермской губернии (Оханский, Кунгурский, Шадринский, Осинский округа) работало 10 салотопенных, 20 канатных и 1 картофелепаточный завод (новый промысел крестьян). Если в 1850 г. в этой губернии был лишь 1 крестьянский завод по выработке патоки из картофеля, то в 1855 г. число их выросло до 5 (121).

Несомненно, что крестьяне очень чутко реагировали на спрос местного населения на производимую ими продукцию и увеличивали производство той продукции, которая хорошо раскупалась на рынке.

Занимались уральцы и таким промыслом, как пчеловодство. По данным Н.С.Попова, русские крестьяне, башкиры и татары Пермского округа Пермской губернии держали от 10 до 15 ульев; жители Соликамского округа – до 10 ульев; Осинского округа – до 20 ульев на одного пчеловода. В целом в Осинском округе в год добывалось от 1 до 2 тысяч пудов мёду. Пуд этой продукции продавался по цене от 6 до 8 р., а пуд воску – от 19 до 21 р. В Пермском округе пуд мёду стоил от 5 до 10 р., а пуд воску – от 20 до 30 р. За десятилетие с 1823 по 1833 гг. крестьяне Оренбургской губернии получили доход от занятий пчеловодством 184725 р. (122).

Снова хорошо прослеживается специфика менталитета крестьян, занимавшихся таким своеобразным промыслом, каким являлось и является и в настоящее время пчеловодство. Даже с одним ульем у человека, державшего пчёл, было достаточно много забот и хлопот, а с 10 и более ульями - и того больше. Однако очевиден и такой факт: мёд был достаточно дорогим продуктом на рынке. Поэтому чем больше ульев держал пчеловод, тем более значительным был его денежный доход. Пчеловодство было явно выгодным промыслом.

Одним из широко развитых на Урале промыслов был кузнечный. Часть уральских крестьян (данные за 1789 г.) занимались «отысканием в земных недрах руд» (123), без которых ни промысел, ни изготовление различных орудий труда существовать не могли.

Довольно развитым кузнечное дело было на Южном Урале. В 1764 г. в Уфимской провинции имелось 85 кузниц, в Исетской – около 300. Все они, за некоторым исключением, принадлежали государственным крестьянам. Так, в г. Шадринске и его пригородных сёлах и деревнях крестьяне имели 35 кузниц, в Барнёвской слободе – 12. Красномысской – 23, в Терсютской -21, Миасской – 34, Бешкильской – 5, Ингалинской – 3, Буткинской – 11, Крутихинской – 8, Ольховской – 10. Куртамышской – 18, Таловской – 6, Каминской – 6, в Масленском остроге – 20, Исетском – 44, Мехонском – 16, Красногорском – 3, Окунёвском – 22, в с. Воскресенском – 12.

Доход с каждой кузницы составлял в Исетской провинции в среднем от 1 до 6 р. в год, в Куртамышской, Таловской и Каминской слободах – 3 р., в с. Воскресенском -2 р. (124).

Несомненно, значительная часть кузнечного промысла, судя по небольшой сумме заработка в местных кузницах, находилась на уровне мелкого ремесленного производства. Но в любом случае крестьянин - кузнец должен

был обладать определёнными знаниями в обработке металла, в изготовлении различных орудий труда для своего хозяйства и для нужд своих соседей – односельчан, однодеревенцев, среди которых он, конечно, пользовался уважением и авторитетом.

Наличие в жизни уральского социума такой сферы деятельности, как отхожие промыслы, было уделом (как и в любом другом регионе Российской империи) в основном деревенского полупролетариата. О причинах, вынуждавших крестьянскую бедноту искать источники существования в отхожих промыслах, черносотные крестьяне Шестаковского округа Вятской губернии в своём наказе в комиссию 1767 г. выдвинули следующее объяснение: «А многие люди, за недородом хлеба и большого оклада подушных денег, разбрелись по разным жителям, и по партикулярным железным, медным и винокурным заводам для прокормления с жёнами и детьми, за тем обстоятельством, чтобы не помереть голодной смертию и в платеже подушных денег их собратьев крестьян не отстать» (125).

Текст наказа убедительно свидетельствует о том, что причинами крестьянского отхода на Урале являлись их достаточно сложное социально - экономическое положение (как и всего крестьянства России), большой объём денежных налогов с них, которые не в состоянии были платить многие крестьянские хозяйства, невысокий в целом уровень развития сельского хозяйства на Урале (в целом в России), часто повторявшиеся неурожайные годы, ещё более ухудшавшие крестьянскую жизнь. Несомненно, что у той части уральских крестьян, которая вынуждена была заниматься отхожими промыслами, выработывались свои, специфические черты общественного сознания, менталитета, принижавшие их личностные качества.

Труд крестьян-отходников находил применение в различных отраслях экономики страны. Уже сыск начала 30-х гг. XVIII в. обнаружил среди работных людей г. Екатеринбурга вятских крестьян. В 40-х гг. XVIII в. тысячи крестьян Вятской губернии участвовали ежегодно в вывозе хлебных партий к Ношульской пристани, откуда хлеб водным путём шёл к Архангельску. В среднем ежегодно вятские купцы нанимали от 7,5 до 11 тысяч подвод с извозчиками – крестьянами этой губернии. В 40-60 –х гг. XVIII в. в одном из городов Вятской губернии – Хлынове и в волостях Хлыновского округа существовали специальные «станции» для найма работных людей. Только в 1766 г. из Орловского округа этой губернии на заработки ушло около 2000 крестьян на водный транспорт (в «караванную работу»), на железоделательные и винокурные заводы И.Демидова, Антипа и Максима Мосоловых, П.Осокина, А.И.Глебова, А.И.Шувалова; многие крестьяне работали на этих заводах более 20 лет (126).

Уральские крестьяне шли на заработки на местные заводы, уходили по паспортам «в разные российские города для судовых работ»; работали на сплаве гружёных железом коломенок, отправляемых с заводов Демидова, Осокина и Петрова по рекам Чусовой, Уфе и Каме до Нижнего Новгорода; «отходили по паспортам на судовые работы на реке Каме и плавали по Каме, Вишере и Колве до Чердыни и до Пустозёрска Вологодской губернии». Крестьяне Кунгурского округа нанимались извозчиками в Сибирь до Тобольска, на запад – до Казани. Крестьяне Оханского округа уходили на хмелевой и рыбный промыслы в Уфимское наместничество. Крестьяне Соликамского округа работали на рубке дров для соляных варниц г. Соликамска, плавали на соляных судах до Нижнего Новгорода. Крестьяне Камышловского округа уходили по паспортам на рыбные промыслы в Тобольскую губернию. Часть крестьян Шадринского округа уходила на заработки в Тобольскую и Оренбургскую губернии (127).

Крестьяне Пермской губернии охотно занимались ямской гоньбой (извозом) – перевозкой казённых товаров, заводской продукции, соли ради заработка денег, или, в крайнем случае, на прокорм лошадей, сберегая таким путём собственное сено и овёс на весну и лето. Часто для перевозки товаров с Ирбитской ярмарки и на неё составлялись большие обозы (128).

Находили заработок крестьяне-отходники Оренбургской губернии на медеплавильных, железоделательных, винокуренных, кожевенных, салотопенных, стекольных, лесопильных заводах, построенных на Южном Урале в основном в 40-50-х гг. и во второй половине XVIII в., на соляных промыслах, на добыче и обработке глины в пределах этой губернии (129).

Приведённый материал убедительно свидетельствует о том, что участвовавшие в самого различного содержания отхожих промыслах уральские крестьяне приобретали определённые черты менталитета, связанные со знанием того или иного промысла, трудностей его исполнения, навыками участия в данном промысле, умением договориться с нанимающими их людьми об условиях труда, уровне его оплаты, способностью общаться в целом с окружающими их людьми, с другими нанимающимися на тот или иной промысел тружениками-крестьянами.

Обнаруженные нами в опубликованных и архивных источниках сведения позволяют констатировать возрастающую со временем интенсивность отхода на различные промыслы уральских крестьян. Так, с 1782 по 1802 гг. крестьянами Пермской губернии было взято 137295 паспортов для отхода на промыслы. В среднем за год крестьянами губернии выбиралось 6538 паспортов. За эти же годы городскими сословиями был взят 30861 паспорт для

отхода (в среднем за год горожанами бралось 1469 паспортов (130), в 4,5 раза меньше, чем крестьянами).

Автор «Хозяйственного описания Пермской губернии» Н.С.Попов видел причины отходничества крестьян этой территории в неблагоприятных для ведения сельского хозяйства природно-климатических условиях, в низкой урожайности хлебов в ряде округов, в частых, повторяющихся через 5-6 лет неурожаях (131). Несомненно, что отмеченные автором названной работы факторы влияли на такое социальное явление, как отходничество, на формирование определённых, специфических черт менталитета уральского крестьянина.

Кроме этих факторов на рост со временем отходничества на Урале (да и в других регионах России) немалое влияние оказывали и такие факторы, как усиливавшееся малоземелье в деревне и рост налогового давления на трудовой народ. Здесь можно отметить следующее: подушная подать с ревизской (мужской) души в государственной деревне с 80 коп. в 1724 г. возросла до 1 р. в 1794 г., а оброчная подать с 40 коп. в 1724 г. увеличилась до 3 р. в 1783 г. (132).

В связи с изучением отходничества и связанной с ней проблемой крестьян-отходников представляет большой интерес вопрос об условиях найма крестьян на различные работы, условиях их труда, интенсивности связей с отдельными предприятиями. На заводах, подведомственных Уральской горной администрации, в XVIII – первой половине XIX в. существовали различные формы найма рабочей силы: а) наём через письменные объявления, по которым приходили крестьяне-отходники, не имевшие уже в сельской местности ни крова, ни пищи; б) наём через специальных агентов, или вербовщиков, которые заранее «обзадачивали» крестьян деньгами, необходимыми им для уплаты податей. В подобных случаях найма отчётливо прослеживается их кабальный характер (133). Такие условия найма вырабатывали у крестьян-отходников соответствующие черты менталитета, осознание своей полной зависимости от нанимавших их представителей известных промышленных заведений и их хозяев.

Иногда в некоторых официальных документах, например, Пермского горного правления (1812 г.), встречаются сведения о крестьянах, которые «издревле сделали уже привычку» использовать свободное от полевых работ время для заводских работ и разных поставок по вольному найму (134), т.е. на чисто капиталистических началах. В подобных случаях менталитет крестьян-отходников носил более независимый характер.

Из присланных Пермским горным правлением в 1828 г. сведений о государственных крестьянах, проживавших в частных заводах Вятской и Пермской губерний, видно, что на Кажимских и Киргинских заводах Куроч-

кина их насчитывалось 1402 человека. Из них 794 являлись постоянными кадрами наёмной рабочей силы, представляли фактически уже третье поколение наёмных рабочих. Их деды, а может быть и прадеды осели на заводах с момента их основания (135). Несомненно, что менталитет этих бывших крестьян приобретал черты менталитета потомственных рабочих людей на заводах Урала.

Тем не менее общее количество таких людей из государственных крестьян на Урале даже в первые десятилетия XIX в. было ещё незначительным. Однако временный отрыв крестьян от своего хозяйства на различные работы был постоянным явлением (конкретные факты уже нами приводились).

В 40-х гг. XIX в. в Вятской, Пермской и Оренбургской губерниях процент крестьян-отходников от общей массы населения названных губерний составлял соответственно 11,8, 10,4 и 5,5 (136). Эти данные также подчёркивают, что явление крестьянского отходничества на Урале ещё не приобрело массового, необратимого характера.

В то же время следует отметить, что неземледельческая деятельность уральских крестьян в целом оказывала существенное влияние на расслоение деревни, на укрепление в ней товарно-денежных отношений, на разрушение патриархального быта уральских сёл и деревень, на менталитет уральского социума.

Среднее крестьянство видело возможность посредством промыслов повысить доходность своего хозяйства, его платёжеспособность; обедневшие и разорявшиеся крестьяне находили в промыслах источник существования, получение средств для платежа различных податей и налогов. На другом крайнем полюсе государственной деревни выделялись крестьяне – владельцы «заводов» и «фабрик», приносивших им доходы в сотни и тысячи рублей в год. У каждой из названных трёх групп крестьян формировался свой специфический менталитет, который существенно отличал их друг от друга, определял и своеобразную форму взаимоотношений этих групп крестьян с представителями других сословий, с местной администрацией, с властью имущими.

Отчётливо проявлявшаяся тенденция роста во времени количества крестьян, занимавшихся самыми различными промыслами, производившими самую различную промышленную продукцию для продажи на рынок, развивавшиеся в уральской деревне отношения вольного найма способствовали укреплению в данном регионе товарно-денежных отношений, упрочению позиций сельской буржуазии в экономике края, укреплению капиталистических элементов в крестьянских хозяйствах с чертами соответствующего менталитета в различных группах крестьян в прямой связи с уровнем их зажиточности, благосостояния и достатка.

1.4. Влияние связи уральских крестьян с рынком на их менталитет

На Урале в XVIII – первой половине XIX в. развивались те же социально - экономические, общественные процессы, которые были характерны и для других регионов Российской империи. Они были связаны с заметным прогрессом в развитии промышленного потенциала Урала, значительными масштабами дальнейшего заселения и освоения территории края, укреплением во всех сферах жизни товарно-денежных, рыночных отношений, в которые оказались втянутыми практически все сословия уральского социума. Все отмеченные тенденции и факторы, несомненно, должны были оказывать влияние и на менталитет всех сословий региона, в том числе - на его самую значительную по численности населения часть – государственных крестьян.

Важным представляется выяснение причин, обуславливавших выход крестьянина на рынок.

Несомненно, самыми различными были конкретные обстоятельства, втягивавшие в рыночные отношения крестьян, характеризуемых в источниках и литературе по истории Урала XVIII – XIX в. такими терминами, как «семьянистые», «одинокие и бедные», «маломочные» и «мочные», «скудные в пропитании», «прожиточные», «лучшие миряне», «достаточные» и «недостаточные», «лучшие» крестьяне, «обнищавшие», «скитающиеся», «половники», «бобыли», «наёмные люди» (137). Во многом эта терминология употреблялась и для людей, проживавших на территории других регионов России.

Традиционными товарами, продававшимися крестьянами Урала на рынке, были разный хлеб (в зёрнах и в муке), солод, горох, крупы, кожи коровьи, козлиные, конские (сырые и выделанные), овчины, сырое сало, свиные, овечьи, говяжьи туши, масло коровье, льняное и конопляное, мясо, домашняя птица, яйца, лошади, рогатый скот, свежая и солёная рыба, мёд, ягоды, орехи, шкуры пушных зверей (белок, зайцев, лисиц, куниц, росомах, норок, выдр, горностаев, медведей), холст, сукно из овечьей и коровьей шерсти белое, чёрное и серое, лён, конопля, льняное и конопляное семя, сермяги, шубы, зипуны, пенька, верёвки пеньковые и лыковые, сено, смола, дёготь, ивовая кора, сани, дровни, посуда, в том числе – деревянная, горшки, рогожи, циновки, лопаты, корыта, дрова и т.д. (138).

Уже только один перечень продаваемой на рынке уральскими крестьянами продукции многое говорит о их менталитете, хорошей осведомлённости о товарах, пользующихся постоянным спросом у самых различных сословий данного региона, в том числе – растущего городского населения, населения горнозаводских округов, горных и винокуренных заводов, армии,

аборигенного населения Урала, не занимавшегося сельским хозяйством и крестьянскими промыслами.

Вышеназванный перечень продаваемых на рынке уральскими крестьянами товаров ярко раскрывает и такие черты их менталитета, как многогранная способность крестьян заниматься самыми различными сторонами хозяйственной деятельности, в том числе – неземледельческой, промысловой.

Занимаясь продажей хлеба на рынке, крестьяне хорошо были осведомлены о ценах на него, и поэтому в связи с незначительным разрывом в ценах на эту продукцию за пределами их волости или округа, предпочитали продавать её на внутреннем рынке (понимая практическую невозможность компенсировать затраты на дальние перевозки).

К сожалению, в источниках редко встречаются массовые сведения о размерах конкретных торговых операций крестьян, о суммах денег, вырученных ими от продажи своих товаров. Но некоторый выявленный нами материал позволяет дать определённое представление по названной проблеме.

Так, в 80-х гг. XVIII в. крестьяне Соликамского округа, приезжая на воскресный торг в г. Соликамск, продавали своего товара на сумму до 50 р. Крестьяне Оханского округа на еженедельных торгах в г. Оханске в течение года продавали товаров на сумму от 200 до 300 р. На ярмарке, проводившейся в г. Камышлове, крестьяне этого округа продавали продукции на сумму до 500 р. (139).

Всё же в источниках встречаются сведения, свидетельствующие о том, что размеры торговых операций (в рублях) уральских крестьян на большинстве сельских ярмарок и торжков чаще были незначительными.

На Урале, как и в других регионах России, начиная с XVII в. товаром становятся рабочие руки человека. В XVIII в. вольнонаёмный труд людей становится обычным явлением в жизни российского социума. Десятки крестьян Белоярской слободы Екатеринбургского округа (1779 г.) нанимались для работы на Каминской пильной мельнице; немало крестьян Соликамского округа (конец XVIII в.) работали на соляных варницах, а крестьяне Чердынского округа нанимались на станции для почтовой гоньбы. Многие крестьяне Пермской губернии зарабатывали деньги на казённых и частных заводах Урала (140).

Значительный контингент вольнонаёмных работников давала уральская государственная деревня в 40-50-х гг. XIX в. По данным Вятской палаты государственных имуществ в 1848 г. на 28294 ремесленника-хозяина приходилось 11562 нанятых работника. В этом же году в губернии число крестьян, занятых обслуживанием транспорта, насчитывало 38482 человека; из них 14217 были хозяева (собственники лошадей, заключавших подряды на пере-

возку клади) и 24265 работников, нанимавшихся к хозяевам за определённую плату.

Крестьяне этой губернии поступали наёмными работниками на винокуренные, солеваренные, горные заводы и даже на отдалённые сибирские прииски. Некоторый процент вольнонаёмных крестьян поглощали рыболовные промыслы на Каме, Вятке, Вое, Чепце и других менее значительных реках и некоторых вятских озёрах; и здесь у содержателей крупных оброчных статей рыбную ловлю производили наёмные рабочие из местного деревенского населения.

Зажиточные уральские крестьяне, засевавшие большие пространства земли и державшие у себя много скота, также не могли обойтись без наёмного сельскохозяйственного труда. Но разыскать на месте годового работника было трудно – преобладал подённый и сдельный найм, главным образом весной и при уборке урожая. В плодородный Шадринский округ по окончании собственной жатвы высылали сыновей крестьяне соседних округов; из Оренбургского округа после распашки собственных полей отправлялись партии крестьян с плугами и волами в пограничные округа, иногда за 50-100 вёрст от собственного жилья. В Челябинский округ сходились много работников из Пермской и Тобольской губерний. Много батраков нанималось из среды обедневших башкир, мещеряков, тептерей и татар. В Шадринском округе годовому работнику платили от 10 до 30 р. серебром, подённому во время жатвы – до 25-30 копеек серебром, за уборку десятины пшеницы получали 5 р. 50 коп.(141).

Приведённые факты со всей определённою свидетельствуют, что менталитет продававших свои рабочие руки людей и нанимавших их людей имел свою специфику. Вольнонанимающийся человек, конечно, зависел от покупавшего его труд владельца предприятия, заведения, промысла, вида деятельности. От предпринимателя зависела и оплата труда нанимающегося человека.

Очевиден и происходивший как на Урале, так и в целом в Российской империи процесс расслоения крестьянства на различные категории по степени благосостояния: бедняцкую, середняцкую и зажиточную с присущими им чертами менталитета.

Жизнь крестьянина Урала, как и любого другого региона России, всегда зависела от множества факторов, которые могли повлиять и на отрыв сельского жителя от своего хозяйства, вынудить его продавать свои рабочие руки. Особенно это заметно проявлялось в случавшиеся неурожайные годы.

Одним из ярких подтверждений подобной ситуации может служить обращение пермского губернатора в 1821 г. в III отделение Департамента гор-

ных и соляных заводов с просьбой разрешить допустить «в заводские работы, исправляемые вольным наймом» на Екатеринбургские и Гороблагодатские заводы крестьян Камышловского и частично Шадринского округов «по случившемуся у них прошлого года неурожаю», чтобы доставить «средства казённым поселянам к их продовольствию» (142). Эта просьба была удовлетворена.

Происходившие неурожаи, вынуждавшие многих крестьян уходить на заработки за пределы своего хозяйства, несомненно влияли на менталитет сельского жителя, готового в таких обстоятельствах на любой труд, в любых условиях.

Уже в XVII – XVIII вв. на местном рынке заметной фигурой становится крестьянин-скупщик (142), обладавший своим особым менталитетом. Он получал определённую прибыль не в результате собственного труда, а за счёт продажи потребительных стоимостей, произведённых другими людьми по более высокой цене.

Так, в 1747 г. на торжках Летской волости Хлыновского округа Вятской губернии действовало 349 скупщиков, в том числе – 237 крестьян. Причём, в этом году, в отличие от других лет, наблюдалась коллективная скупка, когда крестьяне объединяли свои денежные средства. Поэтому торговля у них была достаточно крупной. Отмечены случаи торговых операций на сумму от 50 до 100 р. Более 80% скупленной ржи реализовалось партиями от 500 до 600 четвертей (четверть вмещала 8 пудов; вес пуда равнялся 16 кг). Но значительная часть операций скупщиков на волостных торжках Вятского края носила начальный характер и размеры операций были обычно мелкими (от 1 до 5 р.)(143).

Иногда крестьяне, накопив определённый капитал на скупке и перепродаже хлеба, вкладывали деньги в какой-либо промысел. Так, в 1751 г. крестьянин деревни Бакулевской Слободского округа Вятской губернии И.Бакулев, занимавшийся скупкой хлеба, переехал в г. Слободской, купил около реки Вятки дом и в огороде построил небольшой «завод» для ямских колокольчиков. Предприятие оказалось выгодным. «Завод» был расширен и приспособлен для литья больших колоколов в 1793 г. (144).

Уже в первой половине XVIII в. заводы Приуралья покупали у крестьян – скупщиков такие товары, как сало, масло сливочное, верёвки, канаты, пеньковые снасти, нитки (145).

В материалах Исетской таможни за 1741 г. отмечена большая группа зажиточных крестьян Исетского дистрикта, продававших хлеб не только «своей пахоты», но и «покупной». О связи зажиточных крестьян Исетского дистрикта с хлебным рынком дают представление материалы Мехонской воевод-

ской канцелярии. В 1767 г. крестьяне Варлаам Суровцев и Савва Коркин на реке Исети построили баржу, нагрузили на неё ржаной муки 3640 пудов и доставили её для продажи в Тобольск (146).

Очевидны такие черты менталитета части уральских крестьян, занимавшихся скупщицеством, как их стремление знать специфику сформировавшегося в регионе рынка, стоимость цен на обращающуюся на нём продукцию, хорошо знать, какой товар на рынке пользуется наибольшим спросом, умение объединяться в определённые торгующие группы.

Скупщическая деятельность уральских крестьян, в которой они участвовали с представителями других сословий, переплеталась ещё с одной формой предпринимательской деятельности, которая в источниках называлась подрядничеством.

Крестьяне заключали подряды в одиночку, группами с заводчиками на поставку строевого леса, в том числе – на постройку судов, смолы, дёгтя, ржаной муки, угольных дров, медной руды, шифера, «горного камня и варнишного песка», кирпича, пеньки, сена, сала для свеч, продуктов кустарного производства (ведер, ушатов и т.д.), извести, на доставку готовой меди с Урала в Москву и Санкт-Петербург. Такие подряды уральские крестьяне заключали уже в 20-40-х гг. XVIII в. на суммы от нескольких рублей до 1900 рублей. Крупные подряды осуществлялись с использованием наёмных работников (147).

Закупку хлеба в Зауралье производили многие заводы Южного и Среднего Урала, заключая с крестьянами подрядные договоры. Крестьяне Краснослободского и Ирбитского округов «хлеб отвозили в Ирбит, Верхотурье, Алапаевск и в заводы Нижний Тагил, в старый Невьянский и Ирбитский». Воскресенский завод проводил «обзадачивание крестьян», заключал подрядные договоры и требовал своевременного их выполнения. В 1771 г. шадринский крестьянин Селиванов должен был поставить на завод 210 пудов ржаной муки, 15 пудов пшеничной и 10 пудов солода. Крестьянин деревни Чувашовой на этот же завод поставил 142 пуда ржаной муки и 75 пудов солода.

Подрядные договоры с крестьянами по продаже и доставке хлеба заключали и командиры пограничных крепостей. В 1775 г. крестьянин Исетской слободы А.Городецкий обязался поставить в Верхнеуральскую крепость 33 четверти ржаной муки на сумму 66 р.

Исетская таможня зафиксировала много фактов взятия подрядов на поставку больших партий хлеба крестьянами – скупщиками. Они на свои средства делали дощаники, барки и по рекам доставляли хлеб в Екатеринбург, Ирбит, Тюмень, Тобольск и другие города (148).

Подрядничество уральских крестьян зафиксировано в источниках и литературе и в последующие годы.

Анализ скупщических и подряднических операций, осуществлявшихся крестьянами Урала, отчётливо свидетельствует о выработке у этой части крестьян явно предпринимательских, деловых качеств менталитета. Через эту сторону деятельности крестьян в экономику уральского социума всё глубже проникали товарно-денежные отношения, углублялся процесс общественного разделения труда.

В этом же ключе можно рассматривать и другую сторону данного процесса, когда часть уральских крестьян выступала посредниками на рынке между производителями материальных благ и их потребителями, а основная часть крестьян региона покупала на том же рынке самые различные товары, не производившиеся ими.

Крестьяне покупали на рынке мягкие и металлические изделия: сукно, выбойку, тафту, ситец, кумач, пестрядь, мерлушковый мех, шали шёлковые, ковры, тканые одеяла, платки бумажные и выбойчатые, ленты, мишурные галуны, шляпы шерстяные, коты, рукавицы кожаные, чулки, кафтаны разных цветов, фабричную одежду, нижнее вязаное шерстяное бельё, обувь, конскую упряжь, полосовое железо, металлические сошники к сохам и зубья к боронам, косы, серпы, сошники, пилы, топоры, скобели, струги, долота, буравы, шилья, ножи, железные ловушки для зверей, таганы, вязальные и швейные иглы, ножницы, карманные и стенные часы, каменную посуду, ложки серебряные, рюмки, стаканы, серьги, кольца, цепочки, запонки медные и оловянные, железные крюки, весы, самовары, колокольчики, свинец, оружие (дробовики, ружья, пистолеты, винтовки), кубовую краску, купорос, сургуч, горючую серу, сандал, табак, мыло, соль, сахар, хмель, вино, зеркала, иконы, лубочные картинки, книги, писчую бумагу (149).

Очевиден весьма внушительный ассортимент покупаемых уральскими крестьянами товаров. В то же время даже по этому ассортименту можно отметить, что не все названные товары могли покупать все группы расслаивавшегося крестьянства, обладавших своим специфическим менталитетом. Часть покупаемой продукции была достаточно дорогой по цене и была доступна только представителям зажиточной верхушки деревни.

Поэтому обладавшая своим менталитетом середняцкая и бедняцкая масса уральских крестьян стремилась по возможности произвести в своём хозяйстве всё необходимое для своего существования и ведения хозяйства: орудия труда и быта, одежду, обувь и т.д. В связи с этим можно утверждать, что в целом уральские крестьяне покупали на рынке ту продукцию, которая не производилась ими в собственных хозяйствах, в особенности так называемые

«русские товары» (т.е. заводского, фабричного производства): железо, металлические изделия, табак, сахар, соль, либо товары лучшего качества, чем производимая ими самими продукция.

Сравнение ассортимента продаваемых и покупаемых уральскими крестьянами товаров на городских ярмарках и торжках и на сельских ярмарках и торжках показывает, что практически он совпадал. Определённые отличия в ассортименте продаваемой и покупаемой крестьянами на рынках продукции могли проявляться в некоторых уральских округах и волостях в связи с особенностями сложившегося территориального разделения труда, дифференциацией промысловой деятельности в отдельных районах, деревнях и сёлах, специализацией тех или иных районов на производстве соответствующей продукции. Все эти факторы имели немаловажное значение в соотношении спроса и предложения, оказывали влияние на уровень цен, их динамику, на менталитет разных групп расслаивавшегося крестьянства.

Также все отмеченные явления хорошо свидетельствуют о том, что в крестьянском менталитете отчётливо прослеживается отличная ориентировка в экономической целесообразности любого вида неземледельческой, промысловой деятельности, постоянной связи с рынком, извлечении из этой связи возможности пополнить семейную казну хотя бы небольшим денежным достатком, приобрести на рынке необходимый для существования своего хозяйства и семьи товар.

Конкретные размеры торговых сделок крестьян находились в прямой зависимости от их имущественного положения.

Интересные данные о менталитете различных групп расслаивавшегося русского, в частности – уральского крестьянства, содержит материал, обнаруженный нами в Государственном архиве г. Шадринска, относящийся к 1850 г. По описи имущества 16 крестьян деревни Дрянновой Иванищевской волости Шадринского уезда её стоимость колебалась в пределах от 30 р. 85 коп. (3 единицы имущества у солдатки Л.Е.Сухановой) до 6763 р.70 коп. (45 единиц имущества у крестьянина И.И.Воложанина).

В состав имущества входили различные строения, предметы одежды, обуви, мебели, быта, даже роскоши у некоторых крестьян, различные съестные припасы, явно товарная продукция...

Среди имущества И.И.Воложанина названы дом деревянный, крытый тёсом, на каменном фундаменте, из 3-х комнат с кирпичными печами, с сенями, кладовой, крыльцом, два амбара, завозня, погреб, сарай, баня, малая изба с сенями (в ней 5 чанов; очевидно, какое-то промышленное заведение), 14 кованых колёс с осями, 4 тележных ящика, 10 крашенных дуг, 7 хомутов со шлеями, 6 узд, 5 пудов пеньковых верёвок, 17 кошев и дровен, 55 ведер дёг-

тя, 32 сажени дров, двое железных весов, 2 дробовика, 3 серебряных ложки, 1 золотые серьги, 15 крашенных стульев, столы, диван, 2500 пудов пшеницы, 3000 пудов ярицы, 107 сырых и 60 выделанных конских кож, 53 седла, 20 пар сапог из конской кожи, 2 сабана. 3 бороны, разная посуда, 300 р. ассигнациями и т.д.

А.И.Воложанин, стоимость имущества которого была оценена в 3606 р., имел двухэтажный дом из 6 комнат на каменном фундаменте, амбары, сараи, конюшни, баню, телеги, сани, 2 пистолета и дробовик, медные колокольчики, стенные и карманные часы, 2 золочёных стакана, диван, стулья, столы, двое золотых серёг, золотую цепочку, 2 иконы, 3 серебряных ложки, рюмки, фабричные тулуп и сюртук, пальто, шали, сапоги, 1000 пуд. ярицы, 1500 пуд. пшеницы и т.д. (150).

Несомненно, приведённые данные свидетельствуют о значительной разнице стоимости имущества различных групп расслаивавшегося крестьянства, с отражением у них в сознании, в менталитете большой разницы в положении этих групп в окружающем их социуме с вытекающими из этого последствиями. Это снова чётко выделявшаяся во времени стратификация уральского, как и в целом российского социума на зажиточную, середняцкую и бедняцкую массу крестьян.

Среди названных в источнике крестьян явно выделялась зажиточная верхушка уральской казённой деревни, которая имела мощные товарные, предпринимательские хозяйства, продававшая и покупавшая на рынке самые разнообразные товары для ведения хозяйства с целью его расширенного воспроизводства, сочетавшая нередко сельскохозяйственную деятельность с промысловой и торговой. Часть сельских, деревенских богатеев вкладывала капиталы в промышленность, торговлю, переходила в другие сословия.

Явление перехода крестьян в посад, в другие сословия наблюдалось уже в конце XVII – начале XVIII в. К концу XVIII в. в 13 городах Вятской губернии числилось 578 купцов, в том числе 150 человек (26%) были выходцами из крестьянского сословия (151).

В конце XVIII – начале XIX в. в городах Пермской губернии числилось 572 казённых крестьянина (д.м.п.), плативших подать в городскую казну. К сожалению, в источнике нет сведений о их занятиях, но о 43 крестьянах, переселившихся в г. Кунгур из различных волостей соответствующего округа, сказано, что они вступили в кунгурское мещанство с двойным, т.е мещанским и крестьянским окладом до будущей ревизии. Занимались эти крестьяне изготовлением на продажу обуви для местного населения, плотничными и каменщицкими делами, нанимались к разным людям в годовые работники (152).

Уже во второй половине XVIII в. купцы Вятской губернии, стремясь сохранить своё монопольное положение на местных рынках, не останавливались перед применением методов внеэкономического принуждения, чтобы устранить сбыт крестьянских продуктов в руки непосредственного потребителя. В наказах в Уложенную комиссию 1767 г. вятские крестьяне жаловались на стеснённое положение их на рынке в связи с действиями купцов ряда вятских городов. Последние неоднократно отбирали привозимые крестьянами на рынок товары и свозили их в магистраты, отчего, - писали крестьяне, - «товарам бывает великий вред, а тех товаров хозяевам причиняют немалые убытки и волочат в том долговременно» (153).

Очевидно поэтому стремление крестьян использовать любые формы воздействия на правительство России, на местные власти, чтобы сохранить свою конкурентоспособность на региональном и всероссийском рынках. Повидимому правительство, идя навстречу крестьянству, уже с 1755 г. и вплоть до 1863 г. запрещало городским сословиям производить лавочный торг в сельских поселениях. Лавки разрешалось держать только крестьянам, но ассортимент товаров ограничивался товарами, поименованными в специальном реестре Таможенного Устава 1755 г. Вследствие этого, а также из-за слабого развития купеческого капитала в деревне до 1863 г. в сельской местности постоянная лавочная торговля развивалась крайне медленно. Кроме того, наиболее крупные торговые сёла постепенно переходили в разряд городских поселений (154).

Несомненно и то, что активная жизненная позиция крестьянства, его стремление удержать своё положение на расширяющемся всероссийском рынке, на губернских, окружных и волостных рынках, оказывали своё влияние на правящие круги России. Это в частности отразилось на появившихся в 1812 г. законах о торгующих крестьянах, которые разрешали им по приобретённым за деньги специальным документам – свидетельствам 1-4 родов вести торговлю наравне с купцами, не получая при этом привилегий купечества.

Если в 1812 г. по России в целом было выдано 2534 торговых свидетельства для крестьян, то в 1813 г. – уже 5522 (в среднем на каждую губернию приходилось в 1812 г. 48 свидетельств, а в 1813 г. -113). В последующие годы интенсивность процесса выдачи торговых свидетельств крестьянам имела тенденцию к повышению (за исключением некоторых лет, когда количество торговых свидетельств, выданных крестьянам, снижалось). Определённую роль в этом процессе сыграл указ 17 ноября 1824 г., отменивший двойную подать для крестьян, переходивших в города, облегчавший их переход в другие сословия, в том числе – в купеческое (155). Несомненно, этот указ демонстрировал признание правящими кругами России возрастающей роли крестьян

янского сословия в укреплявшихся в стране, в различных её регионах товарно-денежных, рыночных, буржуазных отношений, ослаблявших старые феодальные порядки и традиции.

Интенсивность занятий крестьян постоянной торговлей, перехода в другие сословия, в том числе в купечество в разных регионах была различной. За три года (1837-1839) по Уралу вышло в купцы 802 казённых крестьянина, в том числе по Пермской губернии – 22, по Вятской – 63, по Оренбургской – 717. В последующие годы процесс перехода крестьян в купечество в Оренбургской губернии также был заметным явлением в жизни края: за 3 года (1850-1852) здесь было перечислено в купцы 55 государственных крестьян, а за 1855-1856 гг. – ещё 47 (156).

К сожалению, источники не всегда содержат информацию о занятиях оказавшихся в составе городского населения крестьян, но они отражают происходивший в первой половине XIX в. процесс отлива крестьянского сословия в города. Так, в 1835 г. во всех городах Пермской губернии среди других сословий числилось 3693 крестьянина. Кроме перехода части этих крестьян в купцы и мещане среди них немало могло быть и той категории населения, которая в источниках называлась отходниками – людьми, продававшими на рынке свои рабочие руки, становившиеся вольнонаёмными. В 40-х гг. XIX в. многие крестьяне Вятской губернии записались в купеческое и мещанское сословие но их постоянным местом жительства осталась деревня, т.е. фактическими горожанами они не стали (157).

Отмеченные явления, несомненно, имели важные качественные социально-экономические последствия. Они ускоряли разложение и кризис старых, феодальных отношений, ослабляли сословные перегородки, способствовали формированию новых социальных групп, стратов будущего капиталистического общества с их своеобразным менталитетом.

ГЛАВА 2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ СИБИРСКОГО СОЦИУМА

2.1. Природные, социальные, этноконфессиональные факторы, влиявшие на формирование менталитета сибирского социума

Сибирь – часть азиатской территории России, от Урала на Западе до Тихого океана на Востоке и от берегов Северного Ледовитого океана на Севере до холмистых степей Казахстана и границы с Монголией на Юге. Площадь около 10 млн км². Делится на Западную и Восточную Сибирь. Климат большей частью суровый, резко континентальный. Средняя температура января

от – 20° С на Юге Западно-Сибирской равнины до – 48° С на Востоке. Большинство рек Сибири, в том числе таких крупных, как Обь с Иртышом, Енисей и Лена, принадлежат бассейну морей Северного Ледовитого океана. Большая часть Сибири занята тундрой и тайгой; на юге - лесостепь и степь.

После похода за Урал дружины Ермака и ликвидации Сибирского ханства начинается колонизация сибирского субконтинента русским этносом. Одним из первых районов, где начал оседать миграционный поток русских колонистов, явилось Южное Зауралье, а за ним вся территория на восток. За один XVII в. русские люди дошли до берегов Тихого океана. За последующие XVIII, XIX и начало XX в. Сибирь была в основном заселена и освоена русским этносом. В течение этого времени и сформировались те качества, черты русского национального менталитета, которые в значительной степени дожили до сегодняшнего дня, с его сибирской спецификой, которую мы пытаемся выявить.

В связи с происходившими в России в XVII – XVIII вв., в различных её регионах, в том числе – на Урале, процессами роста населения, усиления феодального гнёта, обострения различных форм социальных движений народных масс, возросших масштабов колонизации новых регионов, в том числе – сибирского субконтинента русское правительство вынуждено было проводить политику укрепления государственной власти на местах. Эти процессы вызвали существенные административно-территориальные изменения как в целом в стране, на Урале (о чём уже говорилось), так и в Сибири.

Одной из первых серьёзных мер по определению территориальных границ Сибири после похода дружины Ермака за Урал было проведение первой губернской реформы, предпринятой правительством Петра I в 1708 г., когда большая часть Урала вошла в состав огромной Сибирской губернии. В число сибирских городов вошли 5 городов будущей Пермской губернии: Верхотурье, Кунгур, Пермь, Чердынь и Соль Камская. При новом административно-территориальном делении Российской империи в 1719 г. страна была разделена на губернии, а последние – на провинции и округа. Восточная часть Урала с г. Верхотурье и слободами Тагильской, Ирбитской и Ницинской отошла к Сибирской губернии в состав Тобольской провинции (1).

Следующим крупным административным явлением в определении границ Сибири было введение в 1782-1783 гг. деления её территории на три наместничества: Тобольское, Колыванское и Иркутское. Тобольское наместничество (территория Западной Сибири) состояло из двух областей – Тобольской и Томской. В Тобольскую область входили округа (уезды) Тобольский, Тарский, Омский, Ишимский, Курганский, Ялуторовский, Тюменский, Туринский, Берёзовский, Сургутский; Томская область состояла из округов

(уездов) Томского, Каинского, Нарымского, Ачинского, Енисейского и Туруханского (2); несколько ранее (с 1779 г.) в Колыванское наместничество (область) вошли округа (уезды) Кузнецкий, Барнаульский и Бурлинский. Иркутское наместничество (территория Восточной Сибири) включало в себя уезды Иркутский, Киренский, Балаганский, Удинский, Селенгинский, Баргузинский, Якутский, Илимский, Алданский и Олёмминский. Указ правительства, вышедший в 1796 г., упразднял наместничества и вводил деление их территорий на губернии.

После 1796 г. Сибирь делилась на Тобольскую и Иркутскую губернии. С 1798 по 1803 г. территория бывшей Томской области (округа Томский, Нарымский, Енисейский, Туруханский) находились в составе Тобольской губернии (территория Омского округа включалась в состав Тарского округа). Значительная часть территории Тобольской губернии в 1804 г. была отделена и включена в созданную впервые Томскую губернию из восьми округов: Томского, Каинского (с 1804 г.), Красноярского, Енисейского, Туруханского (Нарымского – до 1823 г.), Кузнецкого и Бийского (с 1804 по 1824 гг.).

По новой реформе управления в Сибири, проведённой в 1822 г. под руководством М.М.Сперанского, было создано два генерал-губернаторства – западно-сибирское и восточно-сибирское с административными центрами в Тобольске (с 1839 г. в Омске) и Иркутске. В их состав входили практически те же упомянутые ранее округа. Единственное, что следует отметить, это введение в 1822 г. в составе западно-сибирского генерал-губернаторства Омской области, упразднённой в 1838 г. и до 1854 г. включённой в пограничное управление. В эту область входили такие округа, как Аманкарагайский, Уч-Булакский, Баянаульский, Акмолинский, Каракалинский, Кокчетавский, Кокбектинский, Аязский, Петропавловский, Усть-Каменогрский, Семипалатинский (3).

Таковы были наиболее важные административно-территориальные перемены в Сибири в феодальную эпоху, суть которых сохранялась практически до 1917 г. Их основное направление заключалось в создании и укреплении чиновничье-бюрократического аппарата управления Россией, государственной власти на местах, в том числе - в Сибири.

Если говорить о территориальных размерах площадей входивших в состав Западной Сибири административных единиц, то, по архивным данным, площадь Тобольской губернии составляла 1163930 кв. в. (39,43% Западной Сибири); 732027 кв. в.(24,8% приходилось на Томскую губернию) и 1055800 кв. в.(35,77% занимали Семипалатинская область и область сибирских киргизов (данные на 1860 г.) (4).

Преимущественно равнинная местность Тобольской губернии, слегка наклонённая к океану, покрытая на севере дремучими лесами, кустарниками и болотами, переходила на юге в степные просторы с плодородными землями, обильными лугами и пастбищами. В южной части губернии были относительно мягкие климатические условия. По территории края протекали реки Обь, Иртыш, Тобол, Тура, Тавда, Вагай; известно было до 3500 озёр. До 40 рек, речек, 1500 озёр (пресных, солёных, горьких) насчитывалось на территории Томской губернии, северную часть которой занимали болота, тундра, тайга, южную – горы (5).

В долинах рек и озёр Западной Сибири находились наиболее плодородные и удобные для хлебопашества и скотоводства угодья. Поэтому здесь сосредоточивалась основная масса населения региона.

Уступая Уралу своими полезными ископаемыми, Западная Сибирь в то же время славилась пушниной, богатством животного и растительного мира, очень сходного с уральским, огромным фондом свободных, доступных заселению и освоению земель. Именно этот фактор был одним из тех, который с давних пор привлекал внимание русского народа, привёл к началу колонизации Западной Сибири русским этносом уже в конце XVI в.

Население Западной Сибири, когда сюда стали появляться русские, состояло из татар, хантов (остяков), манси (вогулов), ненцев (самоедов), эвенков (тунгусов), алтайцев (предков современных шорцев и телеутов) якутов, казахов и ряда других народностей и этнографических групп). Уже в XVIII в. русский этнос оказался самой многочисленной группой населения региона (6).

Социальный состав населения Западной Сибири был представлен податными и неподатными сословиями. В состав податных сословий региона входили государственные крестьяне, крестьяне экономические (до III ревизии – церковные и монастырские), приписные к заводам, однодворцы, купцы, мещане.

Неподатное население региона состояло из потомственных и личных дворян, духовенства, чиновников, рабочих людей некоторых фабрик и заводов, ямщиков (до 1824 г.), иностранцев, отставных служителей иррегулярных войск (казаков, башкир), регулярной армии, крещёных иноверцев (с 30-х гг. XIX в.) (7).

Среди населения Сибири с VII по X ревизии существовала группа людей, «состоящих на льготе» - временно освобождённых от податей (переселенцы и пострадавшие от различных стихийных бедствий). В Западной Сибири численность этой категории населения составила по данным VII – X ревизий соответственно 3599, 19389, 40430, 47306 человек (2, 09%, 2,82%, 4,29% и 5,09%) всего населения региона. В целом по России состоявшее на

льготе население не превышало 0,5% всего населения страны (8). Эти данные свидетельствуют о том, что процесс колонизации Сибири продолжался, а в 30-х гг. XIX в. даже несколько активизировался.

Население Сибири за время с I по X ревизии (1719 – 1857 гг.) увеличилось с 241084 до 1355661 д.м.п. (на 462,32%); среднегодовой прирост в регионе равнялся 1,25%. По России в целом этот показатель составлял 0,87% (9). К началу 60-х гг. XIX в. показатель естественного прироста населения достиг в Западной Сибири цифры 18,3 (в Европейской России – 14,3%) (10).

Значительному росту населения Сибири (как и в сопредельном уральском регионе) способствовали такие факторы, как наличие огромного резерва плодородных неосвоенных земель, привлекавших значительные контингенты переселенцев из других российских губерний, лучшая обеспеченность землёй старожильского населения, практическое отсутствие помещичьего землевладения, политика правящих кругов, проявлявших определённую заинтересованность в их освоении.

По нашим подсчётам, сделанным по данным работы В.М.Кабузана «Изменения в размещении населения России в XVIII – первой половине XIX в». (М., 1971. С.171-174), население Западной Сибири с III (1762 г.) по X (1857 г.) ревизии возросло на 686702 человека (на 73,84%). Численность городского населения возросла на 149021 человека (на 84,19%; удельный вес городских сословий возрос на 7,52%). Численность крестьянства возросла на 537681 человека (на 71,41%). Среди крестьян региона численность государственных крестьян выросла на 5,96% и ко всему крестьянству составила 99,78%.

Среди сибирских крестьян не было практически помещичьих крестьян и дворовых людей и крестьян дворцовых (удельных).

Если на Урале в XIX в. имелся 41 город, то на территории Сибири, площадь которой в несколько раз превосходила площадь уральского региона, число городов также равнялось 41 (11). Городское население Урала росло значительно быстрее, чем в Сибири. На протяжении всего исследуемого времени самой многочисленной категорией населения и крестьянства Сибири (как и на Урале) были государственные крестьяне.

Изменения в демографической обстановке в Сибири (изменения в численности городского и сельского населения: податных и неподатных сословий, как и на Урале) были связаны с такими факторами, как естественный и механический рост населения, переход на жительство в город представителей других сословий, в том числе – крестьян, численность на территории региона регулярных и нерегулярных войск.

Размещение и концентрация населения Сибири (как и на Урале) определялись исторически сложившимися направлениями в заселении субконтинента, природными факторами и политикой правительства.

В Сибири во второй половине XVIII в. происходило постепенное смещение русского населения из старых северных районов колонизации в новые, южные – Ялуторовский, Ишимский, Курганский, Омский, Каинский, Ачинский округа (12).

В начале 80-х гг. XVIII в. в Тобольском наместничестве насчитывалось 4592 населённых пункта: 16 городов, 16 острогов и пригородков, 42 погоста, 43 слободы, 10 крепостей, 18 форпостов, редутов и станиц, 2994 деревни (в Туруханском округе они назывались зимовьями), 72 помещичьих заимки, 1232 «иноверческих паула и юрты», 5 монастырей, 6 казённых соляных и винных заводов, 14 частных заводов и фабрик (13). Очевидно, что характер поселения, его численный и социальный состав отражался в специфике его менталитета.

Большинство деревень, сёл и городов Сибири располагалось по берегам рек Оби, Иртыша, Тобола, Туры, Тавды, Вагая, Томи, Чулыма, Кети, Енисея, Тунгуски, Витима, Лены и др., их притокам, в поймах многочисленных озёр. В условиях крайне слабого развития местных путей сообщения реки часто оказывались единственным средством связи с внешним миром. В долинах рек и озёр сосредоточивалось основное население субконтинента, хотя внутри округов различных сибирских губерний его плотность была различной. В целом в Сибири преобладали малолюдные поселения. В 1841 г. в Тобольской губернии на каждое селение приходилось по 187 д.об.п., в 1851 г. – по 282 д.об.п. Две трети всех селений имели более 100 д.м.п. В Томской губернии в 1851 г. в среднем на селение приходилось 305 д.об.п. (14).

Однако в Западной Сибири встречались и значительные для того времени по численности жителей населённые пункты. В 50-х гг. XIX в. в Томской губернии 43 селения насчитывали более 1000 жителей об. п.; 21 из них располагались вдоль трактовых дорог, 8 – по большим рекам, 14 имели заводской характер (15).

В целом плотность населения в Сибири значительно уступала плотности населения на Урале. Если в Вятской губернии к середине XIX в. на I кв. версту приходилось 15,7 человек, то в Тобольской и Томской губерниях даже в начале 60-х гг. XIX в. плотность населения на I кв. версту составила соответственно 0,80 и 0,90 человек (16). Плотность населения Московского центра уже в конце XVII в. достигала 37-39 человек на квадратную версту (17).

Низкая плотность населения Сибири обуславливалась её окраинным положением, оторванностью и удалённостью от основных земледельческих,

промышленных и торговых центров страны, не завершившимся процессом освоения территории края русским народом, главным образом - государственными крестьянами.

Сословие государственных крестьян, оформленное петровскими указами в первой четверти XVIII в., включало в себя такие категории населения, как чернососшные, ясашные крестьяне, однодворцы, пушкари, воротники, «малороссийские» казаки, половники, новокрещённые и некрещённые «иноверцы», мастеровые и работные люди, приписанные к казённым заводам. Члены нового особого сословия феодальных держателей государственной земли были обязаны платить казне докапиталистическую ренту – четырёхгривенный оброк, подчинялись системе разнообразных правовых ограничений, образовали одну из трёх основных групп феодально зависимых производителей – государственных крестьян, номинально свободных, но близких к положению частновладельческих и дворцовых крепостных (18).

В последующее время сословие этой группы крестьян увеличивалось за счёт естественного прироста, включения в его состав различных прослоек земледельческого населения, ссыльных, крестьян экономических, ямщиков, переселенцев из Европейской России (XVIII – первая четверть XIX в.); со второй четверти XIX в. главными и постоянными источниками роста сословия государственных крестьян оказались естественный прирост, правительственная и вольнонародная колонизация, ссылка.

Во второй половине XVIII в. после упразднения Коллегии экономии подчинявшиеся ей бывшие церковные и монастырские крестьяне также вошли в сословие государственных крестьян. Однако термин «экономические крестьяне» сохранялся в официальных документах до середины XIX в.

В 1824 г. упоминавшаяся выше сословная группа ямщиков была причислена к сословию государственных крестьян, и в губернаторских отчётах второй четверти XIX в. уже больше не упоминалась (19).

Особой группой государственных крестьян являлись приписные крестьяне, которые вместо платежа подушной подати государству исполняли различные заводские работы; из их среды набирались и прикреплялись к заводам мастеровые, работные люди и вольнонаёмные работники (20). Очевидно, что особое положение приписных крестьян в Сибири (как и в других регионах России) придавало их менталитету специфические черты, исследование которых может быть предметом самостоятельного изучения.

Во времени прослеживаются достаточно высокие темпы общего прироста сибирского населения за счёт естественного прироста, притока ссыльных и переселенцев. Только в западной части Сибири с V по X ревизии (1795 - 1857 гг.) число жителей выросло с 672,7 тыс. до 1701, 1 тыс. человек. Такое по-

ложение объясняется почти полным отсутствием в крае крепостного крестьянства и помещиков, наличием огромного фонда плодородных неосвоенных земель; население Сибири в целом менее страдало, чем в Европейской России, от неурожая, голода, эпидемий (21). В Сибирь больше переселялось молодых семей и прибывали, как правило, выходцы из разных мест (что почти исключало брачные союзы близких родственников и замкнутых групп). Если в 30-40-х гг. XIX в. в России в целом на 100 умерших приходилось 133 рождённых, то в Сибири – 163 (22).

В 1816-1834 гг. в Сибирь прибыло около 120 тыс. ссыльных; приток их особенно возрос с середины 20-х гг. Ссыльные причислялись к селениям старожилов, а ссыльно-каторжные назначались «в работы» на винокуренные заводы. Рост населения Сибири за их счёт продолжался и в дальнейшем.

В указанное время в южных округах Западной Сибири осело около 19 тысяч крестьян-переселенцев – легальных мигрантов. Переселенческое движение из центральной России в Сибирь особенно усиливается в 30-40-х гг. XIX в., когда она превращается в район интенсивного заселения, уступая в этом отношении лишь Новороссии. В 1834 – 1850 гг. в Тобольской губернии поселилось 72 тыс., а в Томской – 18 тыс. переселенцев (23), в основном государственных крестьян.

Главной причиной их массового переселения на окраины являлась кризисная обстановка во всей феодально-крепостнической системе, в государственной деревне. Попыткой выхода из создавшегося положения стала проведённая в 1837-1841 гг. реформа – система мероприятий под руководством главы нового Министерства государственных имуществ графа П.Д.Киселёва. Одной из составных частей реформы явилось организованное переселение казённых крестьян из малоземельных губерний в многоземельные, в том числе – в сибирские. Ко времени реформы в наделении землёй нуждалось 325 тыс. крестьян этого сословия (24).

В Сибирь двинулись государственные крестьяне Псковской, Смоленской, Орловской, Курской, Полтавской, Харьковской, Витебской, Воронежской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской, Пензенской, Черниговской, Тульской, Калужской, частично – из Новгородской, Вятской и Оренбургской губерний (25).

В пределах Тобольской губернии мигранты оседали преимущественно в округах Курганском, Ялуторовском, Ишимском, Омском и Тарском; в Томской губернии – в основном в округах Томском, Каинском и Мариинском. Переселенцы стремились в южные, наиболее благоприятные для занятий сельским хозяйством места. Преобладание среди переселенцев в Сибирь рус-

ских повысило их долю среди всего населения края с 68,97% (V ревизия – 1795 г.) до 74,4% (X ревизия – 1857 г.) (26).

В итоге действия многих факторов наиболее заселённой в Западной Сибири оказалась Тобольская губерния, в которой в 1860 г. проживало 1068202 д.об.п., а в Томской – 700472 д.об.п.(27).

Большинство населения Сибири составили русские государственные крестьяне. Их плотность и размещение на территории во многом зависели от наличия здесь плодородных земель, источников водоснабжения, условий для развития промыслов, торговли, средств сообщения, взаимоотношений с местным, аборигенным населением, политики правительства. Именно русские государственные крестьяне сыграли решающую роль в процессе заселения и освоения сибирского субконтинента.

2.2. Менталитет сибирского социума в феодальную эпоху

На формирование менталитета сибиряков существенно повлияли те же факторы, о которых уже говорилось при выяснении аналогичного вопроса по менталитету уральского социума. Хотя определённая специфика условий, в которых оказался русский этнос на территории к востоку от Урала, оказала своё влияние.

Одним из ценных материалов, позволяющих проследить наиболее важные характеристики менталитета сибиряков, являются данные, относящиеся к самой главной проблеме существования в Сибири (как и в России в целом) крестьянского сословия, его хозяйства – решения проблем землевладения и землепользования государством, наделения крестьян землёй.

Если на Урале, как и в Европейской России в целом, господствовало общинно-уравнительное землевладение, захватное землепользование здесь было ликвидировано уже в первой половине XIX в., то в Сибири оно сохранилось до 1917 г. наряду с общинно-уравнительным (28). Для сибиряка такой порядок имел важное значение, т.к. кроме надельной 15-десятиной нормы земли крестьянин брал для ведения своего хозяйства столько свободной земли, сколько был в состоянии обработать. Примером захватного, «вольного» пользования землёй являлось признание в Курганском округе Тобольской губернии в XIX в. права пользования крестьянином нераспаханным участком, если он опахал его сохой (29). Когда в 1841 г. чиновники Министерства государственных имуществ ревизовали сибирские губернии, многие крестьяне обосновывали свои права на занятые земли давностью пользования (30), сложившейся традицией.

Сибирский крестьянин относился обычно к пашне, как к собственной земле, хотя и в Сибири, как и на Урале, в казённой (государственной) деревне верховным собственником земли являлось государство (казна) – феодал.

При всём своеобразном отношении сибирских крестьян к земле они лишь временно владели земельными угодьями, распоряжались ими при условии платы за них земельной ренты.

Основное направление аграрной политики государства – феодала заключалось в его наступлении на земли государственной деревни в целом в масштабах России, в Сибири – в том числе. Оно проявилось очень ярко в проводившемся со второй половины XVIII – начале 40-х гг. XIX в. генеральном межевании в стране, в межевых работах в Сибири, в результате которых образовавшиеся после них излишки земли поступали в колониционный фонд государства. Земли из него предполагалось использовать на «приращение казны и на пользу государственную», а также для наделения крестьян «в недостающую 15-десятичную пропорцию», для поселения ссыльных и для водворения переселенцев из малоземельных российских губерний» (31).

Межевание казённых земель в Сибири привело к отрезке больших массивов различных угодий от крестьян – старожилов. С 1839 по 1849 гг. в Курганском округе для переселенцев было отведено 266940 дес. земли. В 40-х гг. XIX в. в этом округе было нарезано 40 тыс. дес. земли «для водворения 500 семейств бедных дворян» Смоленской, Рязанской и Симбирской губерний. Хотя никто из дворян этих губерний не явился в округ, лишь в начале 60-х гг. XIX в. эту землю продали крестьянам, купцам и мещанам Курганского округа и крестьянам Пермской и Оренбургской губерний. Вместе с тем ещё в 1846 г. крестьяне Шмаковской волости Курганского округа обращались с просьбой к министру государственных имуществ наделить 56 душ землёй «для пашни и покоса из дворянских участков, состоящих издревле» в их владении, и отмечали, что при передаче «самых лучших пахотных и удобных к распашке земель в числе дворянских участков они оказались крайне стеснены в земельных угодьях» (32). Снова крестьяне подчёркивают свою приверженность к сложившимся в течение длительного времени традиционным отношениям к земельной проблеме.

Результаты земельной политики государства отчётливо проявились в существенных отклонениях от официальной нормы обеспеченности землёй – основному средству производства при феодализме государственных крестьян даже в считавшихся многоземельными сибирских губерниях. Так, на долю 67 крестьян из села Коркино Туринского округа Тобольской губернии в 1795 г. приходилось 205 дес. наделной земли (33), или в среднем в 5 раз меньше юридической официальной нормы.

В 1820 г. крестьяне деревень Луговой и Самохваловской Бергаматской волости Тарского округа подали прошение сибирскому генерал – губернатору М.М.Сперанскому, в котором объясняли, что при заселении указанных деревень 50 крестьян получили земли по 11 дес. на душу и просили дополнительного наделения. В прошении, поданном в Тобольскую казённую палату в этом же году, крестьяне села Берёзовского Тобольского округа сообщали, что 113 крестьян этого села имеют на ревизскую душу не более 3 дес. пашенной и сенокосной земли и просили о наделении их землёй «в недостающую 15-десятичную пропорцию» (34).

Множество подобных фактов, зафиксированных в документах различных архивов, убедительно свидетельствуют о развивавшейся тенденции обезземеливания в сибирской государственной деревне. При этом материалы по различным округам, волостям и отдельным селениям сибирских губерний выявляют отмеченную тенденцию более отчётливо, чем сведения о снижающихся показателях средних размеров надела на ревизскую душу в губернских границах.

Межевые работы породили многочисленные конфликты в государственной деревне. Отрезка землемерами лучших пахотных и сенокосных угодий в фонд казённого ведомства, сдача части этих земель под оброчные статьи, наделение крестьянских обществ землями плохого качества вызвали недовольство и протест крестьян, проявлявшийся в различных формах. В центральных и местных архивах сохранилось множество жалоб сибиряков на неправильные действия землемеров, на их «тяжкие обиды и утеснения» (35).

Крестьяне оказывали сопротивление чиновникам, проводившим межевые работы. Не давали понятых, переставляли межевые знаки, изгоняли и избивали землемеров. В 1842 г. крестьяне Саламатовской волости Ялуторовского округа Тобольской губернии, протестуя против отрезки от их волости земли, отняли у них межевые инструменты и запретили под угрозой ещё большей расправы «впредь ходить межевать эти земли», убили одного из рабочих (36).

Распространённым явлением в сибирской государственной деревне были земельные споры, тянувшиеся годами и даже десятилетиями, и особенно обострявшиеся с появлением переселенцев.

Психология сибирского крестьянина хорошо прослеживается именно в его отношении к земле, когда со временем нарастает проблема малоземелья, возрастает ещё больше ценность земли. Все эти явления способствуют дальнейшему развитию в государственной деревне второго вида земельного владения – арендуемых земель (казённых и мирских оброчных статей). В состав оброчных статей входили пахотные земли, луга, выгоны для скота, леса,

рыбные ловли, мельницы, сдававшиеся государством за определённую плату отдельным крестьянам, сельским обществам.

Сравнительно широкое распространение межкрестьянская аренда, преимущественно денежная, получает в Сибири уже в 30-80-х гг. XVIII в.; в некоторых формах аренды проявлялось действие ростовщического капитала в деревне. Феодальные в основной массе арендные отношения тем не менее способствовали процессу расслоения крестьянства (37), хотя в Сибири вплоть до отмены крепостного права в арендно-земельном деле преобладала продовольственная аренда, аренда из нужды в земле крестьянского населения. В то же время известны и факты существования в сибирской деревне элементов предпринимательской аренды; одновременно спорадические очаги фермерства глушились политикой короны. Иногда крупная аренда всё же приводила не к буржуазному предпринимательству, а к насаждению кабальной продовольственной субаренды (38).

Конкретные данные о развивавшихся в сибирской деревне арендных отношениях имеют немалое значение в деле изучения менталитета сибиряков. В конце XVIII в. площадь оброчных статей в трёх округах Тобольской губернии – Тобольском, Тюменском и Туринском составила 18774 дес. При этом оброчные земли существовали в этой местности часто не только как дополнение к надельным, а в качестве единственных, имевшихся у крестьян. Так, 24 крестьянина деревни Петраковой Туринского округа владели 49 дес. только «оброчной» пашни. Исключительно оброчными землями пользовались крестьяне деревень Петровой, Балакиной, Отрадновой, Рынтинской этого же округа (39). 40 дес. сенокосных угодий арендовали с 1815 по 1821 гг. «по малоимению у них сенных покосов» крестьяне Введенской волости Курганского округа (40). Крестьянин Тарского округа Бергаматской волости Лисин в 1826 г. взял в аренду 8 дес. пашенной земли и 42 дес. сенокоса, а крестьянин Тюменского округа Откупов – 2402 дес. В 1834 г. крестьянин этого же округа И.Шмурлыгин за 60 р. арендовал 548 дес. У крестьянина Тобольского округа Смирных арендуемая земля составила 1543 дес. (41).

В 1839 г. 15 крестьян разных волостей Омского округа Тобольской губернии взяли в аренду 12975 дес. пахотных и сенокосных угодий, заплатив за неё 619 р. и отдав залог в размере 186 р. (42). В среднем на каждого крестьянина пришлось по 865 дес. пахотных и 68 дес. сенокосных угодий, 41,3 р. арендной платы и 12,4 р. заложной суммы. 13 крестьян взяли землю в аренду на 4 года, двое – на 3 года, и один – на 1 год. Однако конкретные размеры арендуемых участков пашни и сенокосов, суммы арендной платы и залога значительно отличались от средних показателей. Минимальные размеры арендуемых пахотных и сенокосных угодий, арендной платы за них и залога

равнялись соответственно 39 дес., 27 дес., 11 р. и 2 р.; максимальные размеры по этим же показателям равнялись соответственно 1783 дес., 262 дес., 104 р. и 30 р.

Анализ данных о размерах арендуемых участков и платы за них свидетельствует о том, что аренда многих крестьян была вынужденной, но немало находилось и крестьян, аренда которых носила явно предпринимательский характер с соответствующими чертами менталитета.

Со второй половины 30-х гг. XIX в. прослеживается тенденция роста размеров арендуемых отдельными крестьянами участков. В Омском округе крестьянин Кулаков нанимал 1866 дес., в том числе 1225 дес. пашни, крестьянин Казанцев – 2277 дес. (из них 1983 дес. пашни), крестьянин Козлов – 2146 дес., крестьянин Колмогоров в двух разных местах – 3720 дес. (из них 890 дес. сенокосов), крестьянин Рыбин арендовал 3 крупных участка (один из которых заключал в себе 2854 дес. степной пашни) (43). В 1843 г. Тобольская казённая палата сдала в аренду крестьянину Абалакской волости Тобольского округа Н.Иванову огромный земельный участок в 8429 дес. сроком на 6 лет. Арендовавший эту землю якобы для посадки картофеля Н.Иванов в действительности сдавал имевшиеся у него пашни, сенокосы, лесные участки в аренду нуждавшимся в этих угодьях крестьянам Тугулымской волости Тюменского округа (44). Очевидно, что это ничто иное, как выражение такого явления, как субаренда с соответствующими психологическими, юридическими и денежными взаимоотношениями между арендатором и арендующими у него земли местными жителями – крестьянами.

Анализ материалов о земельно-арендных отношениях даёт основание для вывода о том, что аренда оброчных статей приобретала характер устойчивой тенденции в жизни сибирской государственной деревни. Развитие аренды способствовало расширению сферы деятельности зажиточных крестьян и укреплению капиталистических элементов в экономике Сибири. Для бедняцкой и середняцкой части крестьянства аренда земельных угодий была попыткой обеспечить сносное существование или выбиться из нужды.

Встречающиеся в опубликованной литературе и архивных документах материалы по истории Сибири уже по XVIII в. позволяют проследить развитие ещё одного важного явления в сфере земельных отношений – процесса перераспределения земельных угодий между различными группами расслаивавшегося крестьянства с формированием соответствующих черт их характера и менталитета.

В ряде селений Тобольской губернии в XVIII в. влиятельные зажиточные крестьяне руководили жизнью своих однообщинников, проводили свои

интересы. В итоге бедняки оказывались обделёнными землёй, сенокосами, выталкивались из общества на новые земли худшего качества.

В последующее время этот процесс продолжался. В начале 40-х гг. XIX в. среди крестьян Ишимского округа были хозяева, имевшие от 80 до 100 дес. пашни при официальной норме надела в 15 дес. на ревизскую мужскую душу. В 50-х гг. XIX в. крестьяне деревни Большой Чаусовой Смолинской волости Курганского округа сообщали в прошении начальнику межевания казённых земель в Западной Сибири, что 204 крестьянина этой деревни наделены пашней во многих местах, при других деревнях Смолинской волости на расстоянии 20, 25 и даже 30 вёрст, участками в 1-2 дес. В прошении также отмечалось, что всё это «поставляет наших обывателей в степень разорения по неудобству улучшить быт своей сельской промышленности; особенно более других бедные крестьяне вместо желаемого упрочения в своём домохозяйстве... приходят лишь в сугубую бедность и почти готовы нищенствовать». Крестьяне просили «о более полезном наделе их земляными угодьями» (45).

Материал прошения даёт возможность увидеть достаточно отчётливо происходивший в сибирской деревне процесс борьбы социально-экономических интересов различных групп расслаивавшегося крестьянства и связанные с ним определённые черты менталитета сибиряков, связанные со стремлением зажиточной части сибирской деревни сосредоточить в своих руках значительные земельные массивы лучшего качества, при этом находящиеся ближе к месту проживания. Кроме усиления экономической мощности сельской буржуазии происходило обезземеливание бедняцкой части деревни, росло количество батраков, углублялось социальное расслоение крестьянства.

Явно прослеживаются признаки разложения сельских общин, переставших выражать интересы всего крестьянского «мира», шедших на поводу у сельской буржуазии и выполнявших их волю в решении важного для крестьян земельного вопроса с соответствующими переменами в менталитете.

Ценные размышления о специфических чертах менталитета сибиряков дают материалы, связанные с такими явлениями в земельном вопросе, как стремление части крестьян кроме наличия у них наделных и арендуемых земель, угодий, приобретённых деревенскими богатеями у обедневших однообщинников через заклад, покупать в собственность участки земли. В начале 60-х гг. XIX в. 44 крестьянина Курганского округа Тобольской губернии приобрели в собственность земли упоминавшихся выше нарезанных в округе земель дворянских участков (от 1 до 6 участков на владельца; размер участка был установлен в 60 дес., а цена за десятину – в 4 р. 17 коп.) (46). Таким образом, глубина процесса превращения феодальной земельной собственности в

капиталистическую в Сибири была достаточно значительной и, несомненно, отражалась в менталитете сибиряков.

Особенность сложившихся в Сибири земельных отношений между государством – феодалом, верховным собственником земли, и государственными крестьянами, временно владевшими и распоряжавшимися надельной, вольно захваченной, арендуемой, купленной в собственность землёй, оказывали решающее влияние и на уровень развития производительных сил крестьянского хозяйства, его важнейших отраслей – земледелия и животноводства, других форм хозяйственной деятельности крестьян – промысловую и торговую, определяли социально – политическую и экономическую обстановку в Сибири, менталитет сибиряков.

Говоря о влиянии занятий сибиряков земледелием на их менталитет, отметим следующее.

Земледельческий опыт русского крестьянства Сибири накапливался и развивался в прямой связи с историческим ходом заселения и освоения территории этого субрегиона, его различных природно-климатических зон, мощным переселенческим потоком, направлявшимся сюда из самых различных губерний Европейской России.

Накапливавшийся веками опыт освоения крестьянами новых территорий переносился ими на новые места поселения, когда крестьяне–земледельцы выжигали и вырубали вековые леса, расчищали участки под пашни и сенокосы, осушали и проветривали слишком влажную и заболоченную местность, поднимали целинные земли, приспособляли старые аграрные знания и орудия труда к новым экологическим условиям (климат, почвы, ландшафт и т.д.), создавали новые центры земледелия, новые деревни, сёла, заимки, выселки.

Создание новых хозяйств старожилы осуществляли во время внутренних миграций из районов тайги и лесотундры в лесостепную и степную полосы. Переселенцы из европейских губерний России в Сибири традиционно начинали с поиска удобных для земледелия, животноводства пахотных и сенокосных угодий, хороших почв, источников водоснабжения, промысловой деятельности.

Обычно «для приискания удобного места под поселение» посылались наиболее уважаемые, умудрённые большим жизненным опытом, знаниями сельского хозяйства лица – «доверители» крестьянского мира (47). Крестьяне только тогда принимали решение о переселении, когда убеждались в бесспорных преимуществах новых мест (48). Хотя для основания новых населённых пунктов требовалось специальное разрешение властей, на местах, указанных ими, крестьяне часто делали это самовольно, «без дозволения

правительства» (49), считая своё решение основательным, обоснованным. При этом места, выбранные крестьянами, оказывались, как правило, действительно более удачными, чем указанные администрацией (50).

Для развития земледелия всегда было важно состояние орудий труда, которыми работали крестьяне. Это были сохи, бороны, серпы, косы, молотила для обмолота хлеба. Несомненно, их конструкции, качество на территории всей России были во многом схожими, применялись преимущественно в духе столетних традиций.

Точно также и земледельческие орудия сибирских крестьян создавались и применялись традиционно. Однако в различных районах Сибири применявшиеся сибиряками эти орудия, кроме того, совершенствовались в течение длительного времени, под воздействием опыта многих поколений старожилов и переселенцев. Это заметно в проявлявшихся отличительных конструктивных особенностях основных орудий крестьянского труда, их дифференцированном применении с учётом местных природных условий.

Разработка целины с мощным дерновым покровом велась с помощью сохи–колесухи (с передком на колёсах; крестьяне Курганского округа называли их колесянками). Эти сохи были «немногосложны по устройству своему, но тягостны для животных. Напротив же для рук земледельца они очень легки, так что один человек с переменою двух пар лошадей» мог вспахать 1 дес. в день. Крестьянские дети, наблюдая за своими отцами, перенимая и усваивая их опыт и традиции, уже с 14 лет приобщались к нелёгкой работе за сохой или плугом (51).

Соха–колесуха конструктивно изготавливалась так, что основная нагрузка при работе с землёй падала на лошадь. Распространение сохи этого вида, прослеживающееся за Уралом уже со второй половины XVIII в.(52), значительно облегчило крестьянам Сибири освоение её целинных земель.

В северных районах Зауралья широко была распространена соха–«рогалюха», простая по конструкции и лёгкая по весу. Запрягалась она одной лошастью, но пахать ею было трудно, так как от пахаря требовались большие усилия. Однако соха была удобна при распашке лесных новей и небольших полей. По сравнению с XVIII в. в XIX в. усовершенствовался и этот вид сохи: созданное особое приспособление (перо, шабала, крыло) помогало лучше отваливать взрыхлённую землю (53).

Говоря современным языком, в менталитете сибирских крестьян явно прослеживается склонность к изобретательству и рационализаторству.

Крестьяне часть своего инвентаря изготавливали и ремонтировали в сельских кузницах. Некоторые крестьяне Туринского округа в начале XIX в.

имели кузницы при своих домах, в которых ковали косы, серпы, хлебопахотные сошники и другие орудия труда (54).

В восточной части Томского и северо-западной части Мариинского округов землю пахали исключительно двухконными передковыми сохами-колесянками («колесухами»). В других местах Мариинского округа – колесухой и рогалюхой. У переселившихся в Томскую губернию крестьян вначале сохранились российские сохи, затем появились сибирские сохи, а потом «пермянки» (плуги). Первые «пермянки» появились в районах, примыкавших к Уральскому хребту и были завезены из Пермской губернии. Однако они были доступны не всем крестьянам из-за их дороговизны (55). Тем не менее, очевиден внимательный подход части крестьян к своему труду, к окружающим его природным условиям.

Меньшие затраты труда при вспашке земли усовершенствованными сохами позволяли крестьянам увеличивать производительность своего труда и размеры обрабатываемых площадей, в том числе на душу населения. Под влиянием общения с русскими хлебопашцами шло активное внедрение земледелия и сельскохозяйственной техники – сох, борон в хозяйство сибирских татар, южных хантов, манси, части алтайцев и шорцев. Если в XVI – XVIII вв. у аборигенов Сибири существовало мотыжное земледелие, местами сохранялась пашня «наездом» с карликовыми посевами, а получаемой продукции не хватало даже на удовлетворение собственных нужд, то в первой половине XIX в. татары и манси некоторых волостей Тобольской губернии поставляли излишки собираемого урожая на продажу (56).

Попытки сибирских крестьян усовершенствовать основное орудие своего труда – соху, дифференцированное использование ими различных видов сохи и косы (косы–«горбуши» использовались главным образом в лесистых местах, где благодаря их небольшому размаху вправо и влево было удобно косить траву вокруг деревьев, пней и кочек; в лесостепи эту косу вытеснила коса–«литовка») в зависимости от местных условий, свидетельствуют о творческой составляющей крестьянского менталитета в подходе к обработке земли, к уборке хлеба и сена, о стремлении добиться повышения производительности своего труда.

Тем не менее, наблюдая за фактами, свидетельствующими о развитии земледельческих орудий труда в сибирской деревне, следует отметить, что в целом уровень сельскохозяйственной техники здесь не был высоким. Применение усовершенствованных орудий труда – сох плужного типа, плугов, борон с железными зубьями было более доступно богатой и зажиточной части государственной деревни сибирского субконтинента. Под влиянием русского крестьянства более развитая техника земледелия шире внедрялась в хозяйст-

ва аборигенного сибирского населения, менялся в лучшую сторону и его менталитет.

Важнейшее место в народной агрономии занимал выбор систем земледелия, так как при массовой неграмотности, отсутствии научных знаний полеводства, с простыми орудиями труда крестьянину приходилось решать сложнейшие вопросы, от правильных ответов на которые зависела судьба его хозяйства, жизнь его семьи.

В Сибири преобладала переложная система земледелия, которая однако с конца XVIII в. начинает вытесняться сначала в северных, а затем и южных округах субконтинента залежно-паровой, трёхпольной системой земледелия (57).

Таким образом, в государственной деревне Сибири прослеживается сохранение преимущественно традиционного крестьянского менталитета, который во многом проявлялся в преобладании экстенсивных систем земледелия, обусловленного общим низким уровнем развития производительных сил в сельском хозяйстве России, относительным многоземельем в сибирском регионе, сокращавшимся под наступлением феодального государства, в результате естественного прироста населения, роста его плотности. Определённое влияние на менталитет сибиряков, на географическое распространение тех или иных систем земледелия оказывали местные естественно-географические факторы.

В северных районах Сибири неблагоприятными в целом для развития земледелия были природно-климатические условия. Длинные холодные зимы сочетались с коротким летом, с неожиданными заморозками весной и летом, с неравномерностью выпадения осадков, с засухами, с ранними инеями и холодной осенью. Сибирское крестьянство не знало достаточно эффективных мер борьбы с вредителями сельскохозяйственных культур и сорняками.

От холодных ветров, заморозков, града, засух, наводнений, нашествий саранчи в Тобольской губернии в 1810 г. погибли хлеба на 97009 дес., в 1815 г. – на 105000 дес., в 1819 г. – на 100000 дес. (58).

Очевидна постоянная зависимость существования крестьянского хозяйства от природно-климатических факторов, во многом определявших и черты менталитета сибиряка.

Ещё одной заметной стороной психологии сибирского крестьянина являлось его стремление добиться повышения плодородия обрабатываемой им земли. Особенно к этому его обязывали такие факторы, как сокращение земельных просторов, истощение почв. Отсюда совершался переход от залежно-переложного хозяйства к хозяйству, основанному на удобрении земель. К концу XVIII в. в районе старинного русского земледелия утвердилось трёхполье с элементами перелога (округа Тобольский, Тюменский, Туринский).

В Ялуторовском, Ишимском, Курганском округах господствующей системой земледелия являлась переложная, которая однако не проявлялась в «чистом виде», а сочеталась с двухпольным, трёхпольным и местами четырёхпольным севооборотами. И здесь на смену переложной приходили более прогрессивные системы земледелия (59).

С конца ХУШ в. крестьяне округов Тобольского, Туринского, Тюменского и Тарского начали применять удобрения с учётом наличия в крестьянском хозяйстве скота. Неудобрявшиеся земли через год-два оставались под пар. В Туринском округе «под хлебопашество большую половину» земли удобряли навозом. В Тарском округе пашни «не во многих местах» удобрялись (60). В Тюменском округе земля под пашню расчищалась «из дубровных и боровых мест». Поблизости от селения почву удобряли навозом, а дальние земли не удобряли, но переменяли через три года (61).

В материалах ревизии государственных имуществ Тобольской губернии за 1841 г. отмечалось разделение пахотных земель на поля в округах Тобольском и Туринском, хотя и без «определяющей системы»; в одном поле сеяли смешанно как озимые, так и яровые хлеба. В Тарском округе крестьяне засеивали значительные массивы из вновь расчищенных земель на расстоянии 20 и более вёрст от жилищ, создавали так называемые заимки (62). В 40-50-х гг. XIX в. в деревне Верхней Филатовой Бронниковской волости Тобольского округа крестьяне вывозили на десятину от 400 до 500 возов навоза (62).

Следовательно, крестьяне северных округов Тобольской губернии, жившие в условиях ограниченного количества удобных к хлебопашеству, а также плодородных земель, пытались находить и использовали различные способы поддержания на достаточном уровне производительности этих земель, повышения их плодородия – пар, удобрения, смену культур на полях.

Отмеченными обстоятельствами, а также более сложными природно-климатическими условиями объясняется тщательная обработка пахотных земель в северных районах Сибири. В Тобольском округе землю под посев готовили в мае. После вспашки и удобрения земли навозом (путём запахивания) её боронили и ещё раз пропахивали. Только тогда сеяли хлеб и заборанивали его. В конце июля пахали и боронили находившиеся под паром поля для озимого хлеба. В Тюменском округе под рожь и яровые хлеба землю вспахивали два раза глубиной в 4 вершка (около 18 см). И всё же бывали годы, когда крестьяне едва могли собрать хлеб на семена (63).

Более мягкие климатические условия в южной части Сибири, обилие здесь земель, дававших богатый урожай в течение ряда лет «на одной и той же ниве», способствовали повсеместному распространению здесь переложной системы земледелия, которая соединялась с 2-3-4-польными севооборо-

тами. По мере выпаханности ближних к селениям земель крестьяне оставляли их «отдыхать» на 10 и более лет (срок «отдыха» зависел от количества свободных земель; в некоторых волостях участки обрабатывались без отдыха) (64).

Истощённая, заброшенная на временную залежь-перелог земля со временем возвращала прежнюю «способность к произращению». Крестьяне Ялуторовского округа считали верным признаком возможности новой вспашки залежи появление на ней травы, называемой «ветреницей». Когда она покрывала поля, крестьяне брались за сохи (65).

Крестьяне южных округов Западной Сибири, перенимая опыт своих северных соседей и переселенцев из Европейской России, пытались использовать кроме перелога и другие способы восстановления, а также поддержания и повышения плодородия почвы. По данным обозрения Тобольской губернии за 1830 г., один из крестьян Курганского округа с 1828 г. применял навозное удобрение и собирал со своей пашни «жатву, вдвое обильнейшую против несдобренной». Землю в этом округе удобряли в основном на «подворных пашнях». В 40-х гг. XIX в. начали удобрять и вводить трёхполье крестьяне Агаракской и Юргинской волостей Ялуторовского округа (66).

Уже в конце XVIII – начале XIX в. в южной части Сибири встречались короткие сроки перелога – на 3-4 года, что по существу превращало такой перелог в переходную ступень к паровой системе – в залежно-паровую систему (67). Указания источников (данные 40-х гг. XIX в.) на обработку земли «без всякого отдыха» (в некоторых волостях южных округов) (68) являются свидетельством дальнейшего развития залежно-паровой системы в паровую, более прогрессивную. Следовательно, крестьяне южной части региона, также как и его северной территории, использовали пар как один из способов восстановления плодородия почвы.

Крестьяне соблюдали определённый порядок в чередовании культур, исходя из качества земли и самих культур. Свежеподнятые из нови или залежи земли парили через сравнительно большие промежутки времени и засеивали самыми требовательными хлебами – пшеницей, рожью, ярицей; затем, по мере истощения земли оставляли её под пар чаще, так что последние перед забросом в залежь года землю парили после каждого хлеба, а от перечисленных хлебов переходили к менее взыскательным – ячменю и овсу. В начале севооборота сеяли яровые хлеба по яровым, чередуя их позднее с паром и озимыми. Крестьяне Белозерской волости Курганского округа (1843 г.) «начально на распаханную землю» сеяли пшеницу, на другое лето овёс, на третье лето оставляли поле под пар (69).

Приведённые факты убедительно свидетельствуют о несомненно сложном, длительном процессе формирования специфических черт, сторон менталитета сибирских крестьян, которые связаны с его главной сферой жизни – с его занятиями земледелием, с накапливавшимся годами, десятилетиями сельскохозяйственным опытом. Он передавался из поколения в поколение чаще всего устным путём. В те же время известны всё же в целом достаточно редкие факты, когда грамотные крестьяне вели даже хозяйственные записи, в которых фиксировались многие ценные события из жизни их семьи и хозяйства.

Так, одна из самых зажиточных в деревне Верхне–Филатовой Бронниковской волости Тобольского округа семья Никитиных вела такие записи 45 лет. Служившие «справочной книгой для хозяйства последующих лет», они отражали наиболее важные факты: «количество высеваемых пудовок разного хлеба, число нажатых снопов и намолоченных пудовок, время начала и окончания полевых работ, как–то вспашки, посева, жатвы, сенокоса, сведения о ценах на рабочие руки и семена, и отрывочные данные о причинах, вызвавших полный неурожай» (70).

Накапливавшийся в крестьянском менталитете опыт способствовал явлениям, свидетельствовавшим об определённых сдвигах в развитии систем земледелия, в постепенном закреплении и развитии трёхпольной системы земледелия с конца XVIII в. – в северных сибирских округах, а в 20-40-х гг. XIX в. – и в южных. Сибирские крестьяне для поддержания плодородия почвы, повышения её производительности использовали пар, удобрения, смену культур на полях, тщательно обрабатывали почву.

Сибирские крестьяне использовали в своих посевах самый разнообразный состав сельскохозяйственных культур, принесённый ими из Европейской России, с Урала, исходя из специфики природно-климатических условий заселяемого и осваиваемого ими субконтинента. Это озимая и яровая рожь (ярица), пшеница, ячмень, овёс, гречиха, горох, просо, чечевица, технические культуры – лён, мак, конопля, огородные культуры – капуста, свёкла, морковь, репа, редька, лук, чеснок, огурцы, дыни, арбузы, табак (71).

Сравнительно новой для Сибири культурой был картофель, посадки которого здесь начались в 60-х гг. XVIII в. В 1767 г. Медицинская коллегия рассылала сибирским губернаторам пакеты, содержащие по несколько «от земляных яблок семян» с предложением «раздать любопытным мещанам по приобщённому при том наставлении» для опытных посадок. В 1804 г. специальным правительственным указом было предложено разводить картофель в сибирских губерниях. Наставления и предписания о картофеле рассылались и позже. В 1812 г. вышел указ о повсеместном разведении этой культуры. Кар-

тофель, по мнению правительства, должен был заменить во время неурожая зерновые хлеба и составить «здоровую и питательную пищу для населения». Однако распространение новой культуры шло медленно. Пионерами его разведения были, по-видимому, занимавшиеся огородничеством мещане. Исследователь Сибири И.Сиверс, проезжавший через Иркутск в 1790 г., сообщал, что многие иркутяне имеют огороды и разводят картофель, известный здесь уже около 25 лет. В сельской местности эта культура распространяется позже. О существовании посевов картофеля в Иркутском наместничестве упоминается в «Топографическом описании» 1791 г. В ряде волостей его начали культивировать лишь в первой четверти XIX в.

И всё же крестьяне, будучи людьми наблюдательными, внимательно относившимися к любым новым явлениям, особенно касающимся сельского хозяйства, земледелия, питания, также отнеслись и к картофелю. К сожалению, более или менее детальные сведения о посадках картофеля в различных районах Сибири, в том числе – в Тобольской губернии, относятся к первым десятилетиям XIX в. Здесь в 1813 г. всего было собрано 139 четвертей картофеля (четверть включала в себя 8 пудов). В 1845 г. урожай этой культуры в этой губернии составил 111692 четверти. С 40-50-х гг. этого столетия урожаи картофеля в Сибири в целом увеличиваются: в 1851 г. в предбайкальских и забайкальских уездах собрано 2137118 пудов картофеля; в Енисейской губернии в 1858 г. – 1138320 пудов; в Томской губернии в 1861 г. – 2045512 пудов. В 1858 г. только в одной Ашлытской волости Тобольского округа урожай картофеля составил 150 четвертей (72).

Несмотря на отчётливо прослеживающуюся тенденцию к последовательному распространению новой культуры картофеля в Сибири в целом, в том числе – в государственной деревне, он даже во второй половине XIX в. оставался в большей степени огородной культурой.

Аграрный менталитет сибиряков хорошо проявлялся и в таком явлении, как соотношение различных культур в посевах. Главными в них были зерновые. А соотношение их в посевах крестьянство определяло, учитывая в первую очередь природно-климатические условия, накапливавшийся опыт народной агрономии, набиравший во времени силу процесс развития товарно-денежных отношений, спрос на продукцию крестьянского полевого хозяйства на рынке.

При рассмотрении вопроса о соотношении озимых и яровых культур в посевах крестьян Западной Сибири выявляется следующее. В 1790 г. в Ялуторовском, Курганском, Ишимском и Омском округах Тобольской губернии удельный вес посевов ржи в крестьянских посевах составлял соответствен-

но 48,28%, 30,64%, 36,64% и 25,85% (73). Удельный вес яровых культур в этих округах составлял соответственно 51,72%, 69,53%, 63,36% и 74,15%.

В 1800 г. в Тобольской губернии (без Омского округа) было посеяно 153068 четвертей озимого (40,7%) и 229429 четвертей ярового (59,3%) хлеба (74). В 1858 г. в этой губернии было посеяно 126275 четвертей озимого (10,73%) и 1049962 четверти ярового (89,27%) хлеба. В Томской губернии в 1827 г. было посеяно 329037 четвертей хлеба, в том числе – 65421 четверть озимого хлеба (19,88%) и 263616 четвертей ярового хлеба (80,12%); в 1858 г. здесь было посеяно 148484 четверти озимого (20,40%) и 548172 четверти (79,60%) ярового хлеба (75).

Приведённые цифры достаточно отчётливо свидетельствуют о совершенствовании народной агрономии, аграрного крестьянского менталитета, выявляют устойчивую тенденцию к существенному возрастанию посевов яровых хлебов над озимыми в посевах сибиряков, о сознательных поисках земледельцами более приспособленных к природно-климатическим условиям местности хлебов.

Важной стороной аграрного менталитета сибиряков являлось определение ими сроков полевых работ.

В южной части Тобольской губернии обработку земли начинали в середине апреля. А в северной части – не позднее середины мая. Ранние сроки сева отмечены в Курганском и Ишимском округах, где к 25 мая яровые культуры давали всходы. В волостях Утятской, Чимеевской, Мендерской и Чернавской Курганского округа яровые хлеба сеяли в последних числах апреля. Сроки сева озимого хлеба в этих волостях несколько различались. В Утятской и Мендерской волостях его сеяли со середины августа, в Чимеевской – «ранний» с 20 июля, а «поздний» с 20 августа, в Чернавской – в конце июля – начала августа (76). В хозяйстве крестьян Никитиных деревни Верхне-Филатовой Бронниковской волости Тобольского округа в 1844 г. посев ячменя, ярицы и пшеницы начался 3 мая, а в 1857 г. – 14 мая; посев овса в 1846 г. – 27 апреля, а в 1855 г. – 14 мая (77).

Сведения о различных сроках посевов зерновых культур свидетельствуют о том, что крестьяне учитывали менявшиеся каждый год в различных районах Сибири природно-климатические условия, пытались определить наиболее оптимальные сроки сельскохозяйственных работ.

Определённая специфика менталитета сибирских крестьян прослеживается даже в таком показателе, как размеры производившихся земледельцами пахотных участков. Так, в начале 40-х гг. XIX в. среди крестьян Ишимского округа Тобольской губернии были хозяева, вспахивавшие 1-3 дес.; другая

группа крестьянских хозяйств вспахивала по 15-25 дес. Пашня зажиточной верхушки ишимской деревни достигала 80-100 дес. (78).

В различных архивных документах, опубликованной литературе встречаются ценные сведения о возраставших со временем валовых и товарных сборах хлебов в Сибири, о расширении на субконтиненте объёмов посевных площадей, в том числе в среднем на ревизскую мужскую душу. Очевидно, что эти данные свидетельствуют о стремлении сибиряков творчески подходить к одной из жизненно важных проблем – к земледелию, одной из главных отраслей сельского хозяйства, экономики Сибири в целом, населения края. Тем не менее, очевидно и другое: основные отмеченные критерии земледельческого производства в Сибири были величиной переменной, во многом зависящей от природно-климатических условий, урожайного или неурожайного года, менявшейся численности населения, его плотности, других факторов. Среди них можно выделить такие, как ограниченность возможностей сбыта производимой земледельцами однообразной продукции; отсюда – узость рынка, дешёвые цены на хлеб. Эти факторы тормозили прогресс сибирского сельского хозяйства, рост его товарности.

Несомненно, выдающейся заслугой сибиряков, особо – русских государственных крестьян явилось заселение и освоение ими территории субконтинента, посевных площадей, целинных массивов, творческое развитие народной агрономии, поиск и выведение более урожайных, внедрение новых сельскохозяйственных культур. В результате тяжёлого труда земледельцев росли посевные площади, валовые и товарные сборы хлебов в Сибири. Полеводство явилось основой для развития мукомольного и ткацкого промыслов. В земледельческое производство Сибири всё глубже проникали капиталистические отношения, в том числе в процесс расслоения крестьянства на бедняцкую, середняцкую и зажиточную части со своими специфическими свойствами менталитета.

На менталитет сибиряков существенное влияние оказывала и вторая важнейшая отрасль крестьянского хозяйства – животноводство, обеспечивавшее его тягловой силой – лошадью, продуктами питания – мясом, молоком, салом, маслом, сырьём для изготовления одежды, обуви, служившее материальной базой для развития ряда промыслов, в первую очередь домашних (кожевенный, маслодельный, салотопенный, ткацкий, пимокатный и др.).

Уровень развития животноводства в Сибири, как и в любом регионе Российской империи, в значительной степени зависел от обеспеченности крестьянских хозяйств кормовой базой, от соотношения пахотных и сенокосных угодий. Считалось, что для правильного ведения хозяйства при трёх-

польной системе земледелия соотношение между пашнями и лугами должно быть 1:3, т.е. на каждую десятину пашни приходилось 3 дес. лугов.

Даже в Сибири, где площади пахотных и сенокосных угодий всегда были обширными, даже в пределах одной губернии, округа и волости возможности обеспечения домашних животных кормами были различными. Так, по данным на 1838 г. в 30 селениях Спасской волости Томского округа размеры сенокосных угодий на душу м.п. колебались от 1,98 дес. в деревне Аникиной до 54,66 дес. в деревне Просекиной. В среднем по этой волости на д.м.п. приходилось по 13,1 дес. сенокосов. В Семилужной волости этого округа приходилось сенокосов в среднем на д.м.п. 20,3 дес., в Кольгонской волости – 25,7 дес., в Уртамской волости – 3,54 дес., в Богородской волости – 5,34 дес., в Нелюбинской волости – 10,4 дес., в Боготольской волости – 1,2 дес.; в Верхнеомской Каинского округа – 2,9 дес., в Вознесенской волости – 6,7 дес., в Усть-Тартанской волости – 5,8 дес., в Покровской волости – 4,7 дес., в Нижнекаинской волости – 14 дес. (крестьянину этой волости Первушину был отведён участок сенокосной земли в 89 дес.), в Верхнекаинской волости – 10,9 дес., в Иткульской волости – 7,4 дес. (79).

Источники позволяют выявить и данные о количестве собираемого в разных районах Сибири сена. Так, в Тобольской губернии в 1825 г. было «поставлено сена» 875800 копён, а в одном Ишимском округе этой губернии в конце 20-х гг. накашивалось до 6000000 копён сена (80).

Проблема обеспечения скота кормами зависела во многом от различных природно-климатических условий, наличия влаги (засушливые годы, наводнения), соотношение угодий, урожай, неурожай трав... Лучшие сенокосные угодья чаще всего располагались в долинах рек, в поймах озёр, в степных районах; использовались также лесные, овражные и болотные сенокосы. Много зависело и от опыта крестьян, их предприимчивости, трудолюбия.

В разные годы сроки сенокосных работ колебались в значительных пределах. Так, в Бронниковской волости Тобольского округа в 1843-1847 гг. и в 1855-1856 гг. сенокос начинался с 11 по 29 июля, а окончание косовицы колебалось в пределах от 24 августа до 25 сентября (81). До 20-х гг. XIX в. в Курганском округе существовал обычай «закоса», когда за тем или иным хозяином закреплялся участок сенокосных угодий, которые он окосил даже с помощью наёмных работников (82). Иногда для скорейшей уборки сена крестьяне устраивали «помочи» - коллективную работу нескольких десятков людей. После завершения «помочей» участвовавшие в них люди не требовали за работу деньги. Хозяева, приглашавшие их на сенокос, накрывали своеобразный праздничный стол с угощением (83). Очевидно сохранение в менталитете сибиряков давних традиций.

Различные условия для создания кормовой базы в пределах разных губерний, округов, волостей, селений создавали значительные трудности для крестьянского животноводства. Многие хозяйства вообще оказывались обделёнными сенокосами. Этот фактор нередко являлся одной из причин внутренних миграций сибиряков. В 1843-1844 гг. около 1000 крестьян разных волостей Ялуторовского округа подали прошение на имя министра государственных имуществ графа П.Д.Киселёва с просьбой разрешить им «переселиться в Киргискую степь» на новое место жительства, более удобное для занятий хлебопашеством и скотоводством, в связи с тем, что на прежнем месте они испытывают стеснение в хлебопашестве и «недостаток сенокосов» (84).

Несмотря на отмеченные и другие трудности (недостаток времени для заготовления кормов) сибиряки разводили лошадей, крупный рогатый скот, овец, свиней, коз.

Сибирская порода лошадей складывалась постепенно в течение почти двух столетий с учётом накапливавшегося опыта, путём естественного смешения пород, вывезенных переселенцами из европейской части страны и местных. Сибирские лошади соединяли в себе два особенно ценных с точки зрения крестьян качества: выносливость, заимствованную от русских крестьянских лошадей, и неприхотливость к условиям содержания, присущую степным лошадям (85).

Русские крестьяне перенимали у аборигенов рациональные приёмы содержания скота. На юге Алтайского горного хребта при обилии пастбищ и малоснежных зимах стойловый период был сокращён до минимума. Лошадей и крупный рогатый скот держали почти весь год на подножном корму (86). В Ялуторовском округе разводили лошадей русской и киргизской пород. По ряду качеств киргизские лошади превосходили русских (87). Если в Ишимском округе лошади были «единственно для крестьянских работ годные», то в Курганском округе крестьяне держали лошадей, которые «к работе и для скорой езды способны, сильны и быстры» (88).

Крестьянские семьи, в которых было много женщин, держали от 5 до 15 коров, в «среднем состоянии» - от 3 до 5 дойных коров смешанного происхождения и местных пород. Сибирские коровы отличались жирным молоком, невысокими надоями и неприхотливостью (89).

Несмотря на отсутствие у крестьян научных знаний ветеринарии и зоотехники, ими предпринимались попытки выведения лучших пород сельскохозяйственных животных. В трёх волостях Ишимского округа – Теплодубравской, Соколовской и Боголюбовской переселенцами из Курской, Воронежской, Тамбовской, Пензенской и Рязанской губерний было положено начало разведению высокопроизводительной породы шлёнских овец, вывезен-

ной Петром I из Силезии. Шерсть с них снималась дважды в год. К началу 40- гг. XIX в. их поголовье в указанных волостях достигло 2000 голов (90).

Хотя сибирские крестьяне разводили в основном грубошёрстных овец, в некоторых округах начинают выращивать и тонкорунных овец. На 1851 г. в Курганском округе их было 4048 голов, в Омском - 450, в Берёзовском 9 (91).

Если в начале 30-х гг. XIX в. по свидетельству современника в Тобольской губернии «ещё не приступлено к заведению особых лошадиных заводов», то по данным на 1846 г. крестьяне Ялуторовского округа Першневы, Коровины, Дрябины, Колычевы, Быковы и Казанцев являлись владельцами «конских заводов», которые были в «лучшем состоянии» (92). Такое определение позволяет говорить о том, что это были «заводы» - заведения, выделявшиеся на фоне других, менее значительных, своими размерами, качеством племенной работы, большей предприимчивостью их владельцев.

В 50-х гг. XIX в. пытались разводить овец и баранов киргизской породы – «с жирными хвостами или курдюками» крестьяне южных волостей Тарского округа. Богатые тарские крестьяне для улучшения породы лошадей в своих табунах «выписывали» заводских жеребцов, нанимали от 15 до 20 годовых пастухов, работниц для ухода за телятами, коровами, ягнятами (93).

Однако тщательный уход за животными, попытки выведения улучшенных пород лошадей, скота были под силу и предпринимались преимущественно богатыми крестьянами, со спецификой их менталитета, так как всё это требовало дополнительных материальных затрат, применения наёмного труда. Основная масса сибирских крестьян не имела средств для организации надлежащего ухода за животными, ни соответствующих знаний для выведения улучшенных, более продуктивных пород, ни необходимой ветеринарной помощи.

Настоящим бичом для крестьянского животноводства были частые и массовые эпизоотии и падежи лошадей и других сельскохозяйственных животных, в том числе – от сибирской язвы и чумы. По далеко не полным данным с 1800 по 1820 гг. в Тобольской губернии пало 52419 лошадей, 57886 коров и 3210 овец. За 25 лет (1844-1868 гг.) Тобольская губерния от падежа лошадей понесла убытка на 864 тыс. р. и от падежа рогатого скота – на 2900 тыс. р. (94)

Не обладая научными знаниями для борьбы с падежами домашних животных, всё же сибиряки пытались противостоять этому отрицательному явлению. С целью пресечения распространения инфекций животных регулярно осматривали, больных изолировали, павших глубоко зарывали в землю или сжигали, перегоняли стада на новые места, выезжали на заимки, долгое время жили в изоляции. Предпринимались крестьянами и попытки лечения, ино-

гда с положительным результатом, заболевших животных. Для борьбы с кровососущими насекомыми скот и лошадей выгоняли на пастбища, обмазав их дёгтем или окуривая дымом от костров или зажжённого навоза. Наряду с действенными мерами борьбы с болезнями домашних животных среди сибирских крестьян широко были распространены суеверия, различные заговоры (95), хозяйственная магия, знахарство, имевшие целью избавить домашний скот от заболеваний и падежа, не содержавшие рационального начала.

Кроме неграмотности основной массы сибиряков, отсутствия в их среде необходимых ветеринарных знаний, медицинских препаратов для борьбы с болезнями и падежами скота, следует отметить и такие объективные факторы, как содержание скота под открытым небом, редко под навесами. Чрезвычайно низкой была зоотехническая культура (96).

Можно отметить и такие конкретные факты, когда в годы падежа скота бедные крестьяне, «лишась последнего копыта», шли в работники с целью приобрести посредством заработной платы «двух кобыл и корову», чтобы в следующую весну оставшиеся дома работники, иногда несовершеннолетние и престарелые, могли пахать пашню, или же «шли на неводы заниматься рыболовством, звероловством..., каким –нибудь ремеслом, не теряя из виду своей цели приобретения кобылы и коровы. При новом несчастье на скот в этих семействах годные члены нанимались в рекруты; оставшиеся старики, женщины и малолетки, уничтожая хозяйство, продавая дома, влачили «бедственную жизнь по наймам» (97).

Таким образом, сложные природно-климатические, социально-экономические, культурные условия, сравнительно невысокие трудовые традиции создавали значительные сложности для выращивания, содержания и сохранения поголовья лошадей, крупного рогатого и прочего домашнего скота, для существования самого крестьянского сословия.

В то же время выявленные в архивах документы и опубликованные источники позволяют проследить достаточно значительную дифференциацию в обеспеченности крестьянских хозяйств скотом, и определить в целом уровень развития животноводства в сибирских губерниях.

По данным земских исправников в Ишимском округе в 1812 г. «человек до ста имелось таковых крестьян», у которых было по 20 лошадей; в Омском округе некоторые крестьяне имели жеребцов от 2 до 5, маток от 5 до 10, мерин от 10 до 20 лошадей (98). В ведомостях Тобольского губернского правления имеются сведения об имущественном положении 71 крестьянина Тобольского округа за 1829 г.: 29 крестьян были безлошадными, 7 крестьян имели по 1 лошади, 6 крестьян – по 2 лошади, 1 крестьянин – 3 лошади и 2 крестьянина – по 4 лошади (99). Обеспеченность остальных крестьян ло-

шадьми не удалось установить, т.к. источник перечисляет их имущество обобщённо, не выделяя конкретные цифровые данные.

Крестьяне Введенской волости Курганского округа в 40-х гг. XIX в. держали «рабочих лошадей от 5 более 10, всего же с нерабочими до 30 и более» (100); некоторые крестьяне Ишимского округа в начале 40-х гг. этого столетия имели по 50-70 лошадей, до 40 коров и до 100 голов мелкого скота (101). Среди крестьян Тарского округа в середине 50-х гг. XIX в. были владельцы табунов лошадей от 100 до 150 голов, табунов рогатого скота и овец по 200-300 голов. Они продавали ежегодно от 30 до 50 голов лошадей по ценам от 40 до 100 р. за каждую. В этом округе немало было крестьян, державших по 2-3 коровы, 6-8 овец и свиней. Почти всю продукцию, получаемую от содержания скота, такие крестьяне употребляли внутри своего хозяйства (102). Крестьянская верхушка этого округа, несомненно, вела торговое животноводство. Крестьянской же бедноте часто для уплаты денег на земские повинности приходилось продавать «последнюю скотину и разное имущество» (103).

По данным середины 40-х гг. XIX в. зажиточные крестьяне Бийского и Томского округов Томской губернии владели «огромными табунами домашнего скота, который с большой выгодой» сбывали на ближайших золотых приисках, или на Колывано-Воскресенских горных заводах. Жители других округов этой губернии имели «домашнего скота ограниченное количество» (104).

Приведённый материал показывает значительную неравномерность обеспеченности сибирских крестьян основной тягловой силой – лошадьми и другим скотом: от безлошадных и не имевших никакого скота до владельцев 100 и более лошадей, десятков голов крупного рогатого и мелкого скота. Причиной такого положения следует считать набравший масштабы и темпы процесс расслоения крестьянства на деревенский полупролетариат и сельскую буржуазию.

Ярким отражением этого процесса можно считать происшедшее в 1819 г. официальное разделение сельских жителей Сибири при раскладке податей и повинностей «на классы по состоянию на четыре разряда». Они делились на «самых богатых», «достаточных», «посредственных», и «совершенно неимущих». К первому разряду, или «классу» причислялись «самые богатые, которые имеют превосходное изобилие в скотоводстве и хлебопашестве» и сверх того занимаются извозом и другими промыслами. Ко второму классу относились достаточные, которые имеют «умеренное скотоводство и хлебопашество и не имеют ни в чём недостатка». К третьему классу принадлежали те, «которые имеют только небольшое количество пашни, сенокосов, скота, необходимого для обрабатывания оных и для домашнего

обихода». Наконец, к четвёртому классу причисляли «совершенно неимущих», у которых «не было никакого состояния» (105).

Очевидно, что сибиряки, оказавшиеся в силу самых различных обстоятельств и факторов в вышеназванных разрядах (классах), отличались и проявлением только им присущих черт, качеств менталитета. Здесь можно вспомнить и высказанные ещё в первой половине XVIII в. мысли известного государственного деятеля, сподвижника Петра I В.Н.Татищева в его небольшой по объёму работе «Краткие экономические до деревни следующие записки»: «Каждый крестьянин должен иметь у себя 2 лошади, 2 вола, 5 коров, 10 овец, 2 свиньи, гусей старых 2 пары, кур старых 10; а кто будет иметь больше, то заслужит больше себе похвалы и тем докажет доброе своё хозяйство и домоводство» (106).

Исходя из проанализированного материала, представляется возможным говорить о преобладании в сибирской государственной деревне середняцкой массы крестьян.

Выращиваемые сибиряками породы лошадей, крупного рогатого и мелкого скота, как правило, не отличались какими-то особыми качествами; главной их ценностью являлись выносливость и неприхотливость в содержании. Зажиточная верхушка деревни предпринимала попытки выведения улучшенных пород домашних животных, лошадей, овец, проводила племенную работу, использовала даже вывезенные из-за границы породы домашнего скота. Русские крестьяне использовали в содержании скота опыт аборигенного населения. Однако племенная работа была доступна лишь сельской буржуазии, так как для её осуществления требовались и дополнительные материальные затраты, и время, и знания, и дополнительные рабочие руки, включая труд наёмных работников.

Неграмотность основной массы крестьянства, отсутствие необходимых научных знаний ветеринарии и зоотехники, лечебных препаратов в сибирской деревне, отсутствие практической ветеринарной помощи со стороны государства, существовавшие традиции содержания скота, зачастую в антисанитарных условиях, были причиной частных эпидемий и массовых падежей скота, наносивших значительный урон крестьянскому животноводству, сильно сокращали поголовье скота в Сибири. Очевидно, что все вышеназванные явления были признаками кризисного характера в государственной деревне как части кризиса всей феодально-крепостнической системы в России.

Одновременно эти явления свидетельствовали и об углублявшемся процессе расслоения сибирского крестьянства с соответствующим отражением в менталитете различных его категорий. Для значительной части крестьян животноводство имело потребительский характер: они держали 1-2 лошади, 1-2

коровы, несколько овец и свиней, испытывали недостаток сенокосных угодий, вынуждены были арендовать их, переселяться в поисках лучшей жизни, чаще разорялись от падежей скота, от высоких налогов, переставали вести собственное хозяйство, уходили в батраки. Основная часть производимой в таких хозяйствах животноводческой продукции не выходила за их пределы.

Другая часть крестьянства владела табунами лошадей, крупного рогатого и мелкого скота, эксплуатировала труд десятков наёмных работников, имела возможность организовать тщательный уход за животными, выводить улучшенные породы лошадей и другого скота, занималась торговым животноводством, получала большие прибыли. Таким образом крайние группы сибирских крестьян втягивались в рыночные отношения, результатом которых являлось дальнейшее развитие товарно-денежных отношений, укрепление позиций капитализма, углубление расслоения крестьянства.

Преобладание среди населения и крестьянства Сибири государственных крестьян, практическое отсутствие за Уралом помещичьего землевладения и помещичьих крестьян, наличие в Сибири значительного колонизационного фонда земель, существование захватного землепользования в сибирских губерниях, высокая заинтересованность государственных крестьян в результатах своего труда, их большая хозяйственная самостоятельность, различные формы борьбы крестьян за своё существование, наличие в их менталитете таких важных качеств, как энергия, трудолюбие, предприимчивость, применение в повседневной жизни накопленного со временем богатого опыта народной агрономии и ветеринарии, преобладание естественного прироста крестьянского населения над его смертностью, приток переселенцев, - все эти факторы способствовали росту посевных площадей региона, валового сбора хлебов, росту поголовья лошадей, крупного рогатого и мелкого скота, производству товарной сельскохозяйственной продукции, увеличению удельного веса товарно-денежных отношений в крестьянском хозяйстве.

В крестьянское хозяйство Сибири в период разложения и кризиса феодализма, происходившего под влиянием отмеченного роста производительных сил, всё глубже проникали производственные отношения, характерные для капиталистической, рыночной системы отношений с формированием и углублением новых черт, качеств крестьянского менталитета.

2.3. Влияние неземледельческих занятий сибирских крестьян на их менталитет

Сибирь как составная, органичная часть России, по уровню экономического развития в целом также была аграрной с преобладанием крестьянства. Но сибирский крестьянин кроме занятий полеводством, огородничеством и животноводством должен был ещё и перерабатывать их продукцию в готовые предметы потребления, изготавливать для себя различные орудия труда. В значительной степени крестьянин преимущественно вёл натуральное хозяйство. Даже в конце XIX в. о Сибири говорили как об одном из регионов России с широко распространённой в нём домашней промышленностью, домашними промыслами. Хорошо известно и наличие таких форм развития промышленной деятельности человека, как ремесло, мелкое товарное производство, простая кооперация, мануфактура, фабрика и выделение той или иной из названных форм в связи с такими критериями, как связь людей с рынком, размер заведения по числу рабочих, их производительность, доход, применение наёмного труда...(107).

Значительная часть сибиряков занималась переработкой продукции полевого хозяйства, огородничества, животноводства. Эта деятельность составляла содержание таких промыслов, как мукомольный, кожевенный, овчинный, сапожный, скорняжный, ткацкий, портняжный, сукнодельный, шерстобитный, изготовление веревок, канатов, сетей, свеч, салотопенный, маслодельный, картофелепаточное производство.

Другая группа промыслов была связана с обработкой металла (кузнечный, слесарный), дерева (столярный, плотничный, изготовление транспортных средств – телег, дровен, саней, экипажей, колёс, лодок, барок, производство мебели, посуды, изготовление рогож, лаптей, сидка дёгтя, смолы), глины (гончарный, печной, кирпичный), с изготовлением стеклянных изделий (стеклодельное производство).

Следующая группа промыслов включала деятельность сибиряков по добыче соли, различных руд, жернового камня, извести, песка, глины, слюды; охоту, рыболовство, сбор кедровых орехов, ягод, грибов.

Существовали ещё так называемые отхожие промыслы: заготовка и доставка дров, леса, руды, угля, извоз, работа на мануфактурах, заводах, фабриках, золотых приисках, работа по найму (крестьяне работали у купцов, мещан, сельской буржуазии), сезонные работы (108).

Несомненно, для того, чтобы заниматься любым промыслом, необходимо было обладать хотя бы минимумом необходимых элементарных знаний, навыков, связанных с содержанием того или иного промысла. Неслучайно в

сфере той иной неземледельческой деятельности формировались группы людей, становившихся потомственными в своём деле, со своим специфическим менталитетом, со своими тонкостями знания своего занятия. Так, в некоторых деревнях и сёлах имелись потомственные мукомолы.

Специфика мукомольного промысла была связана ещё и с принципами действия мельниц, приводившихся в действие водой или ветром. Отсюда и мельницы были двух видов – водяные и ветряные. В свою очередь водяные мельницы подразделялись на «колесчатые» (с наливным, иногда с подливным колесом) и на «мутовчатые» - с рабочим лопастным валом.

Многие крестьяне являлись владельцами преимущественно ветряных мельниц, которые были значительно проще водяных по устройству и требовали меньших денежных расходов на их заведение. Так, стоимость одного постава (т.е. двух жерновов) водяной мельницы крестьянина А.Е.Загурского из деревни Рябково Курганского округа Тобольской губернии доходила до 185 р. серебром (109). Мельницы имели до 12 поставов.

Определённое влияние на развитие мукомольного промысла, на соотношение числа водяных и ветряных мельниц в различных районах Сибири, оказывало знание сибиряками и учёт ими различных природно-климатических условий, особенностей ландшафта сибирского субконтинента. Поэтому в преимущественно равнинной Тобольской губернии было значительно меньше водяных мельниц, чем в Томской губернии, и, наоборот, больше ветряных. Но в целом во времени по имеющимся документам убедительно прослеживается тенденция роста количества в Сибири водяных и ветряных мельниц, и следовательно – увеличения числа сибиряков, занимавшихся мукомольным промыслом.

Основная часть всех мельниц сосредоточивалась в южной части Сибири, уже в XVIII в. превратившейся в житницу региона.

Целевое назначение мукомольного промысла можно выявить на основании имеющихся в описаниях некоторых волостей сведений. Так, в Утятской, Черёмуховской и Усть-Суерской Курганского округа (1839, 1841, 1844 гг.) помол хлеба на ветряных мельницах производился «для своего только продовольствия» (110). С учётом преобладания у крестьян ветряных мельниц правомерным будет вывод о том, что мукомольный промысел развивался в Сибири в значительной степени в форме домашней промышленности. Это не означает, что крестьяне – владельцы ветряных мельниц не выполняли заказы односельчан на помол хлеба. Но и в этих случаях не создавалось товарной продукции для продажи на рынке.

Немало крестьян осуществляли размол хлеба в своих домашних хозяйствах на ручных жерновах, которые имели устройство для регулирования

помола (крупные и мелкие). Подобные жернова крестьяне изготавливали сами из плиткообразных валунов мелкозернистого кварцевого песчаника.

Более сложные формы производства (мелкого товарного, простой кооперации) представлял мукомольный промысел владельцев водяных мельниц, приносивший различный доход в зависимости от количества поставов, доходившего, как уже говорилось выше, до 12 (111). Водяные двухпоставные мельницы в Утятской, Верхне-Алабужской волостях Курганского округа (30-40-е гг. XIX в.) на каждый постав «смалывали разного рода хлеба от 50 до 100 пудов в сутки» и давали доход содержащим их крестьянам от 1500 до 2000 р. в год ассигнациями. Плата за помол бралась до 5 коп. медью с пуда (112).

Обработка продукции животноводства в домашних условиях для потребностей крестьянской семьи, а также в специальных заведениях для продажи послужила основой для развития промыслов кожевенного и овчинного, изготовления одежды и обуви для личного пользования и на продажу.

Интересно отметить, что сибирские крестьяне нередко стремились избежать налогового обложения, скрывали не только размеры производства какой-либо продукции, но и само промысловое занятие. Много домашних кожевен, «ускользавших от учёта земских полиций», имелось в Тюменском округе. В 1834 г. из 70 учтённых в Тобольской губернии кожевенных «заводов» 18 принадлежало государственным крестьянам (13 – в Курганском округе, 2 – в Тюменском, 2 – в Тобольском и 1 – в г. Тобольске); остальные принадлежали представителям других сословий. Количество выпущенной крестьянскими заведениями продукции (от 40 до 2300 штук) и её стоимость (от 90 до 11760 р.) (113) позволяет считать крестьянские кожевни в основном обычными кустарными мастерскими, и лишь часть их – предприятиями мануфактурного типа.

Развитию кожевенного промысла в Курганском округе благоприятствовало развитое животноводство, в Тюменском и Тобольском округах – соседство с крупным потребителем – значительным центром кожевенного производства всей Сибири – г. Тюменью. Кроме Тюмени крестьяне сбывали кожевенные изделия в г. Тобольске. Часть обработанных кож находила сбыт в Пермской губернии. Выделываемые в некоторых западносибирских волостях из бараньих шкур полушубки продавались в Восточную Сибирь на золотые прииски для работных людей, а также приобретались рекрутами (114).

Приведённые данные свидетельствуют о хорошей осведомлённости крестьян о сложившейся экономической, рыночной обстановке в регионе.

Одновременно становится очевидным преобладание в сибирском регионе достаточно примитивной, домашней формы промышленного производст-

ва, переходящей со временем в ремесленную, мелкотоварную, у части промысловиков – в мануфактурную, фабричную, заводскую.

Определение масштабов и степени развития товарного производства в различных отраслях промышленности в сибирской государственной деревне представляет значительные трудности, связанные, главным образом, с состоянием источников, редко позволяющих отчётливо отделить ремесленника от товаропроизводителя и ещё реже обобщающих данные по этому важному вопросу в границах отдельных губерний, округов, волостей.

Поэтому большой интерес представляют для анализа указанного вопроса материалы о доходах крестьян-промышленников, собранные во время ревизии государственных имуществ в различных губерниях России.

Академик Н.М.Дружинин считал сведения ревизии о промысловых доходах крестьян наименее надёжными, потому что цифровые величины получались в результате суммарных опросов и самостоятельных вычислений ревизоров, не производивших внимательного изучения крестьянских посемейных бюджетов (115). И, как мы уже отмечали выше, крестьяне нередко скрывали не только размеры своего промыслового (промышленного) заведения, но и само промысловое занятие.

Тем не менее, анализ данных ревизии, а также сведения о доходах крестьян-промышленников более раннего и позднего времени (с учётом недостатков этих данных) является одним из возможных путей исследования проблем товарности крестьянских хозяйств в Сибири.

По данным на 1841 г. в Ишимском, Омском, Курганском, Ялуторовском, Тюменском, Тобольском, Туринском, Тарском округах Тобольской губернии кожевенным промыслом занималось всего 718 крестьян. Средний доход у них в год составлял от 15 до 150 р. в год. Но кроме крестьян, у которых денежные доходы были весьма незначительны, в материалах ревизии в Курганском, Ялуторовском и Тюменском округах выделяются крестьяне – владельцы кожевенных заводов (соответственно) – 5, 3 и 6 человек. В документах указан и средний годовой доход, получаемый ими от своих заведений: в Ялуторовском округе – от 170 до 8000 р. в Тюменском – от 75 до 8000 р. (сведений о годовых доходах курганских крестьян в источнике не приводится) (116).

Анализ приведённых данных позволяет сделать вывод о том, что основная масса сибирских крестьян, занимавшихся кожевенным и овчинным промыслами, была мелкими товаропроизводителями, и лишь у некоторых крестьян промысел перерастал в крупное товарное производство мануфактурного типа, дававшее значительный доход. И менталитет этих групп крестьян, несомненно, имел свои специфические черты.

Из льна и пеньки сибирские крестьяне ткали холст, делали верёвки. Из овечьей шерсти ткали сукно, из которого изготавливали верхнюю и нижнюю одежду; из шерсти вырабатывались также ковры, попоны, подхомутники, чулки, шляпы.

Очевидно, что среди крестьян, занимавшихся ткацким промыслом, должна была существовать специализация в производстве определённого вида продукции. Так, в материалах ревизии Тобольской губернии за 1841 г. наряду с общей цифрой крестьян – ткачей Ишимского округа – 15040 человек, выделено 8876 человек, ткавших холст, и 6164 человека, производивших сукно (117).

Долгое время в рамках домашнего производства в сибирской государственной деревне было распространено салотопление. В конце 50-х гг. XIX в. о салотоплении в Ялуторовском округе современник писал следующее: «И здесь ныне множество салотопенных заводов даже у крестьян, а у некоторых и на большую руку». Развитию салотопления в крае существенно способствовал возросший сбыт сала в Петербургский порт (118). Следовательно, сибиряки были достаточно хорошо информированы о развивавшихся рыночных отношениях не только в рамках Сибири, но и далеко за её пределами.

«За выгодную для себя цену» продавали коровье масло на торжках и ярмарках крестьяне Курганского и Ялуторовского округов (119). В материалах ревизии государственных имуществ в Тобольской губернии за 1841 г. среди крестьян, занимавшихся промысловой деятельностью, выделяются «маслобои», т.е. крестьяне, производившие сливочное масло. В Курганском, Ялуторовском и Тюменском округах их насчитывалось соответственно 21, 8 и 15 человек; их годовой доход достигал также соответственно 20, 26 и 3 р.(120). Следовательно, и маслодельный промысел в сибирской деревне находился в основном на стадии мелкого товарного производства.

Занимались сибиряки и таким промыслом, как пчеловодство. Если за Уралом собирание дикого мёду было известно уже в XVII в., то как промысел пчеловодство в Сибири вероятнее всего развилось в конце XVIII в.(121).

По данным источников первой половины XIX в. успешно занимались пчеловодством жители некоторых округов Томской губернии (1834 г.), в том числе – крестьяне (1838 г.). В материалах общего обозрения государственных имуществ Томской губернии (1841 г.) о пчеловодстве сказано, что оно составляет «полезную отрасль промышленности Томского округа и принадлежит всем волостям, исключая Кетской и Парабельской, но в особенности с успехом распространяется в горном Алтайском округе. В Каинском же округе разведение пчёл незначительно...». В 1841 г. в Томском, Каинском, Кузнецком и Бийском округах этой губернии насчитывалось 643 пчеловода,

державших 18508 ульев (14169 – в Томском, 40 – в Каинском, 500 – в Кузнецком и 3799 – в Бийском округах (122). В Тобольской губернии в 1841 г. ревизоры отметили лишь одного крестьянина Каменской волости Тюменского округа, державшего до 10 ульев (123).

В дальнейшем пчеловодство продолжало успешно развиваться в Бийском, Колыванском, Кузнецком, Барнаульском, Томском округах, особенно в окрестностях г. Усть-Каменогорска и Бухтарминской крепости. В урожайные годы здесь добывалось до 1000 пуд. мёду и 120 пуд. воску. Эта продукция сбывалась в основном крестьянами большей частью купцам Тобольской губернии, которые затем везли его по Иртышу до городов Омска и Тобольска, а затем на Ирбитскую ярмарку. По зимнему пути мёд развозился для продажи и «во внутренние округа Западной Сибири». Сибирский мёд отличался отличным вкусом. Стоимость пуда мёду на месте колебалась от 3 р. до 3 р. 70 коп. серебром, а воску – от 10 до 13 р. серебром за пуд (124). В 50-х гг. XIX в. пчеловодство являлось одним «из любимых занятий жителей» Томской губернии и доставляло им значительный доход, особенно в Бийском и Кузнецком округах (125). Делало успехи пчеловодство и в Тобольской губернии.

Снова и в отмеченной сфере жизни сибиряков чувствуется наличие в их менталитете явных черт активности, предприимчивости, хорошего учёта ими и природно-климатических условий региона, и набравших силу рыночных отношений, желание прибавить денег в домашний бюджет.

Сельское хозяйство, различные промыслы сибирского населения постоянно нуждались в изделиях из металла. Большой спрос на них определял развитие кузнечного промысла.

В Сибири железо в значительной степени выделывалось кустарным способом, а в качестве рабочего материала часто использовалась железная руда болотного происхождения (126). Следовательно, были среди сибиряков и такие люди, которых в народе за их умение отыскивать необходимые природные ископаемые называли уважительно «рудознатцами».

Часто сибиряки имели кузницы «при домах своих», в которых и занимались производством топоров, ножей, кос, серпов, замков, хлебопахотных сошников, гвоздей и т.д. (127). Нередко часть сельских кузнецов сочетала свой промысел с занятиями сельским хозяйством; их промысел развивался в форме домашней промышленности.

Проявляли себя местные кузнецы и как мелкие ремесленники – товаропроизводители, продавая на ярмарках, действовавших в их деревнях и сёлах, «железный товар»: втулки, чугуны, вьюшки, заслонки, гвозди, сошники (128).

В начале XIX в. ремесленники-кузнецы Мостовской и Исетской волостей Ялуторовского округа занимались производством различных железных инструментов для стекольных «фабрик», которыми владели государственные крестьяне этого округа И.Бархатов и И.Е.Шапенков. Для этих «фабрик» изготавливались следующие инструменты: пищали для выдувки стеклянной посуды весом по 4 фунта, ножницы для резания стекла, большие ломы для ломки стекла весом в 5 пудов и для мешания стекла малые ломы весом по 2 пуда, инструменты для очищения стекла (129).

Следует отметить, что кузнечный промысел по округам сибирских губерний был распространён крайне неравномерно. Наибольшее количество кузниц (на 1827 г.) сосредоточивалось в южных округах Тобольской и Томской губерний: в Ялуторовском, Курганском и Ишимском (соответственно – 259, 161 и 159; 54, 11% всех кузниц Тобольской губернии); и в округах Барнаульском, Бийском и Кузнецком (соответственно – 516, 279 и 233; 80, 31% всех кузниц Томской губернии). В 7 округах Омской области было всего 56 кузниц (130).

Причины такого размещения кузнечного промысла во многом были связаны с учётом местным русским населением, крестьянами в первую очередь, общих условий экономического развития сибирского субконтинента, степенью развития сельского хозяйства, плотностью, концентрацией населения, близостью к рынкам сбыта, к горным заводам. Поэтому наибольшее количество кузниц оказалось в южных округах вышеназванных двух сибирских губерний. В последующие годы кузнечный промысел в Сибири продолжал успешно развиваться, что проявлялось особенно отчётливо в росте числа кузниц.

Интересный материал о менталитете сибиряков представляют сведения о развитии системы крестьянских промыслов в одной из сибирских губерний – Тобольской на 1841 г. В общей сложности их было 18. В их число входили такие, как содержание мельниц (водяных и ветряных), кожевенный и овчинный, сапожный, маслобойный, ткацкий, портновский, изготовление неводов и сетей, кузнечный и слесарный, добыча и обработка дерева, плотничный и пильный, добыча дёгтя и смолы, кирпичный и каменщический, горшечный, печной, охота и рыболовство, извоз, почтовая гоньба, содержание постоянных дворов (131). Общее количество крестьян, занимавшихся этими промыслами, составило 45761 человек. Кроме крестьян, занятых в вышеназванных промыслах, в материалах ревизии государственных имуществ на 1841 г. упомянуты ещё такие, как крестьяне-маляры (2), сборщики ягод и орехов (289), коновалы (3), сборщики мха (23), делающие канаты (15); всего этими промыслами было занято ещё 334 крестьянина–промысловика. По одному из окру-

гов Тобольской губернии – Туринскому ревизоры называют крестьян– мыловаров (1), коновалов (7), иконописцев (6), сборщиков ягод и орехов (366), занимающихся выделкой и окраской крестьянских сукон (3) и выделяющих «постное» (растительное) масло (1), всего 384 крестьянина-промышленника. В Тарском округе 2 крестьянина занимались «битьём шерсти» (132).

И ещё одна ценная информация в материалах этой ревизии содержится в указании на наличие среди крестьян Курганского, Ялуторовского, Тюменского, Тобольского и Ишимского Тобольской губернии владельцев заводов: кожевенных, салотопенных, можжевельного масла, скипидарных, стеклянных, кирпичных – 37 человек (133).

В целом по Тобольской губернии в 1841 г. насчитывалось 46518 крестьян–промышленников. По отношению ко всему населению её территории это число составило всего 7,7%. Очевиден вывод: в экономике губернии промысловая деятельность крестьян в целом имела второстепенное значение в сравнении с сельскохозяйственной. Это вывод приемлем и в целом для Сибири.

Приведённые выше статистические данные о промысловой деятельности крестьян дают основание для выводов и по менталитету сибиряков. Всё же крестьяне занимались теми промыслами, без которых им трудно было вести сельское хозяйство, и они это хорошо понимали.

Действительно, в этом районе существовала целая группа крестьянских промыслов, связанная с обработкой продукции сельского хозяйства, металла, дерева, глины, изготовлением изделий из стекла (обрабатывающая промышленность). Развиты были также добывающие промыслы – охота, рыболовство, сбор орехов и ягод, мха.

Особую отрасль крестьянской неземледельческой деятельности представляли промыслы, связанные с перевозкой грузов, людей, почты, содержанием постоялых дворов. Встречались и такие редкие для крестьян промыслы, как малярный, иконописный, коновальство (лечение сельскохозяйственных животных), которыми занимались буквально единицы жителей сибирской государственной деревни.

В материалах ревизии 1841 г. содержатся интересные сведения, проливающие свет на вопрос о менталитете сибиряков, связанные с данными о среднегодовых доходах крестьян – промышленников. Они колебались в пределах от 1-7 (содержание ветряных мельниц) до 200 рублей (содержание постоялых дворов).

Крестьяне – владельцы кожевенных, салотопенных, стеклянных, скипидарных заводов, заведений по выработке можжевельного масла получали в

среднем в год от 75-170 р. до 8000 р. дохода (134). Несомненно, на этих заводах должен был использоваться труд наёмных рабочих.

Конкретный материал архивов свидетельствует о следующем. В 1806 г. на стекольной «фабрике» крестьянина Исетской волости Ялуторовского округа И.Е.Шапенкова, производившей посуду – штофы, полуштофы, бутылки, кружки (в этом году предприятие выпустило 46460 изделий), работало 10 человек: 1 мастер, 5 подмастерьев, 4 простых работника, «и все оные из вольнонаёмных Мостовской и Исетской волостей из государственных крестьян» (135). В 1812 г. предприятие этого крестьянина произвело 47180 стеклянных изделий; продукция сбывалась в городах Ялуторовске, Кургане, Тюмени, Тобольске, Шадринске, Ирбите, Камышлове (136).

На стекольной «фабрике» И.С.Бархатова, крестьянина Мостовской волости Ялуторовского округа, в 1807 г. работало 8 вольнонаёмных крестьян этой местности; они произвели 40860 единиц посуды и 115 оконных стёкол. Продукция реализовалась в городах Ишиме, Ялуторовске, Кургане, Тобольске, Омске, Челябинске, Троицке, Екатеринбурге и Шадринске (137).

В 1815 г. крестьяне Чимеевской волости Курганского округа Москвины «завели» стекольную «фабрику» на реке Нияпе в этой волости. В 1819 г. их заведение выработало 35520 изделий, которые были проданы в Кургане и округе на торжках и ярмарках (138). В 1834 г. крестьяне Бархатовы из Ялуторовского округа имели стекольную «фабрику» в Тебенятской волости Курганского округа (139).

Очевидно, что среди крестьян-промышленников имелись люди, обладавшие весьма активной жизненной позицией, предпринимательской жилкой, умевшие использовать доходы своих предприятий для расширения границ своей хозяйственной деятельности не только в своём селе, деревне, округе, но и за их пределами.

Значительные суммы годового дохода получали в начале 30-х гг. XIX в. крестьяне – владельцы кожевенных «заводов». В 1834 г. кожевенное заведение крестьянина Тобольского округа Е.Петрова принесло ему годовой доход в 2200 р.; крестьянин Курганского округа П.Корюкин получил доход от своей кожевни в размере 5335 р.; крестьянин этого же округа И.Менщиков имел доход в 11760 р. (140).

В 1850 г. в кожевенной мастерской, принадлежащей крестьянину Шмаковской волости Курганского округа М.Косачёву, было выработано 122 кожи на сумму 274 р. 10 коп.; в мастерской работал сам хозяин и 2 вольнонаёмных рабочих, которые получали плату от хозяина по 20 р. в год. В этом же году на пивоваренном «заводе» крестьянина С.Злотникова, находившегося в предместье г. Тобольска, было сварено 2000 ведер пива на сумму 1000 р. се-

ребром. На «заводе» трудились 1 мастер и 3 чернорабочих «из вольнонаёмных» (141).

На стекольной «фабрике» крестьянина Рафайловской волости Ялуторовского округа А.Е.Шапенкова в 1851 г. было выработано посуды 103000 изделий на сумму 1414 р. серебром. На этого крестьянина работало 9 мастеров и 3 чернорабочих; все вольнонаёмные (142). Объём продукции «фабрики» А.Е.Шапенкова, количество работавших на ней людей в сравнении с аналогичными заведениями за предыдущие годы оказывается наибольшим. Следовательно, со временем крестьянские стекольные «фабрики» наращивали производственную мощность, увеличивали выпуск продукции, в том числе за счёт привлечения большего количества наёмных работников.

Существовало крупное производство и в кузнечном промысле. В 1850 г. в предместье г. Тобольска находился чугунолитейный «завод» крестьянина В.И.Попова. На этом предприятии отливались гири, утюги, ступки, печки, вьюшки, заслонки, втулки, сковороды, водогревные ящики, надгробные доски, барельефы, бюсты..., всего более 15 видов различных металлических изделий. Годовая продукция заведения В.И.Попова составляла 1692 пуда на сумму 1938 р. Сбыт изделий производился в г. Тобольске и Тобольском округе. Мастером был сам владелец «завода». Под его руководством работали: 1 подручный формовщик, 1 полировщик, он же слесарь, 3 чернорабочих (143). Всего 6 человек.

Применение наёмного труда давало владельцу чугунолитейного заведения (типа простой капиталистической кооперации) возможность получать значительное количество продукции и большой доход. Очевидно, что хозяин предприятия хорошо знал потребности местного населения в различного рода металлических изделиях бытового характера.

Материал источников позволяет утверждать, что промышленные заведения мануфактурного типа с использованием вольнонаёмного труда создавались сибиряками уже с начала XIX в. и в последующее время продолжали успешно развиваться.

Необходимо отметить ещё одно важное явление, происходившее в экономической жизни сибирского субконтинента, – специализацию некоторых сибирских волостей и округов в производстве определённой продукции. Выделкой овчин славилась Шатровская волость Ялуторовского округа, Каменская волость Тюменского округа – шерстяными коврами, Фирсовская волость и Абатская слобода Ишимского округа – тонкими холстами превосходной отделки, Богандинская, Черевышевская и Троицкая волости Тюменского и Логиновская Тарского округов – прочными и разнообразными деревянными

ми изделиями. Крестьяне Томского округа делали колёса, сани, строили суда и барки (144).

Ещё одно интересное явление, наблюдавшееся в менталитете сибирского населения, можно увидеть внутри развития отдельных промыслов. Для жителей северных округов Тобольской губернии – Тобольского, Туринского и Тарского - свойственно было широкое распространение лесных промыслов, связанных с добычей и обработкой дерева, получением из него различной продукции. Среди крестьян, занимавшихся этими промыслами, источники выделяют колесников, тележников, санников, бондарей, столяров, лодочников, углежогов, крестьян, занимавшихся снятием с деревьев мочала и луба, бересты для «сидки» дёгтя, изготовлением посуды из берестяной коры, сбором мха и т.д. При этом в источниках точно называется количество крестьян, специализирующихся на производстве определённой продукции и указывается их среднегодовой доход, колеблющийся от 5-6 до 20-28 р. (145).

Как отдельные крестьяне, так и целые селения занимались не одним, а несколькими промыслами. И.П.Фальк, описывая Томский округ начала 70-х гг. XVIII в., заметил, что многие крестьяне сочетают сельское хозяйство с пушным промыслом и рыболовством. В той же мере это наблюдение может быть отнесено и к крестьянам Кузнецкого округа (146). В Байкаловской волости Тобольского округа в 1841 г. в 22 селениях жило 567 крестьян (д.м.п.). Из них 356 занимались различными промыслами: повёрстным извозом – 37, кузнечной работой - 15, содержанием постоянных дворов – 7, рыболовством - 174, охотой – 29, содержанием мельниц - 51, добычей дёгтя – 2, выделкой кож – 2, бондарей -1, сапожников - 1, изготовлением саней – 37 (147). Следовательно, 62,8% мужского населения волости занималось различными промыслами.

В деревне Мазуровой этой же волости в 15 дворах проживало 54 крестьянина (д.м.п.). Из них 43 занимались рыболовством (доход – 6 р.), охотой – 5 (доход -10 р.), содержанием ветряных мельниц – 4 (доход – 25 р.), сапожным делом – 1 (доход – 15 р.) (148). В этой деревне практически все мужчины (98%) были заняты промысловой деятельностью.

Промыслами занимались и крестьяне Томской губернии. Так, в селе Краснореченском (178 дворов, 650 ревизских душ) в промышленность было втянуто 40% мужского населения; в деревнях Тяжинской и Ключевой (88 дворов, 359 душ) эта категория составляла 21%; в селе Ишимском (53 двора, 204 души) было 20% промышленников (149).

Ещё одна сторона жизни сибиряков даёт интересный материал о их менталитете. Это такое явление, как осуществление промысловой деятельности либо на месте своего жительства, в сочетании с занятием сельским хозяйст-

вом, либо с оставлением его на время или навсегда, с уходом в поисках заработной платы за пределы деревни, села, волости, округа, губернии на так называемые отхожие промыслы.

Эти промыслы были уделом главным образом сельского полупролетариата.

Введение в 20-е годы XVIII в. правительством подушной подати поставило жизнь сельского населения под строгий надзор и контроль государственных органов, чрезвычайно затруднило временный уход крестьян из деревни и их хозяйственные занятия на стороне. Введение плаката 1724 г., паспортной системы в России строго разграничило понятия внутриуездного (окружного) и дальнего (свыше 30 вёрст от местожительства) отхода. С этого времени был установлен максимальный срок временных отлучек для всех категорий крестьян, равный 3-м годам. В дальнейшем, в течение второй половины XVIII– первой половины XIX в., правительство, идя на уступки товаропроизводителям, промышленникам, нуждавшимся в рабочих руках, фискальным интересам казны, крестьянам, нуждавшимся в дополнительных заработках, издало ряд новых указов: в 1772 г. была разрешена выдача особых билетов, дававших право на отход; с 1798 г. разрешалось заочно продлять паспорта находившимся в отлучке купцам, мещанам и крестьянам, вводилось различие между годовыми, двухгодовыми и трёхгодовыми паспортами; с 1826 г. учреждались полугодовые паспорта; с 1827 г. в дополнение к паспортам вводились месячные, двух- и трёхмесячные билеты (150).

Кроме обязанности иметь особый документ на право отхода, уходящий на заработки человек должен был найти из местных жителей за себя поручителей в том, что во время его отсутствия поручители будут исправно платить долю податей уходящего. Часто ушедшие либо не возвращались совсем, либо отсутствовали до 20 лет. В таких случаях поручители приходили «в совершенное убожество и разорение». Ввиду сложности процедуры получения паспорта, удалённости государственных учреждений от места жительства уходящих на промыслы людей они иногда уходили от «мира» и без документов (151).

В силу дальности сибирских расстояний в самостоятельный и значительный крестьянский промысел превратился извоз. Особое развитие он получил со второй половины XVIII в. Тюменских крестьян можно было встретить с обозами грузов, идущих в Томск, Каинск, Пермь, Казань, Москву. Зажиточные крестьяне с 4 лошадьми и одним работником (1841 г.) получали доход от извозов свыше 45 р. в год; работнику платили до 20 р. в год. Некоторые крестьяне содержали постоянные дворы, получая от этого занятия доход

от 30 до 100 р. серебром в год. В Тюменском округе в 1841 г. 42 крестьянина являлись владельцами постоянных дворов (152).

Часть крестьян–сибиряков в поисках заработка уходила на рыбные промыслы, сплав леса, судовую работу. Крестьяне Тюменского округа нанимались на купеческие суда, уходившие на рыболовные промыслы на Обь, на винокуренные заводы района, на горные заводы Пермской губернии. Крестьяне Курганского округа работали на сплаве судов с хлебом, солью, на рыбных промыслах. Крестьяне Омского округа «ломали» соль на Коряковском озере, грузили её в барки и сплавливали вниз по Иртышу. В отчёте по управлению Западной Сибирью за 1836 г. отмечается, что «судоходство...занимает преимущественно людей из неимущих крестьян и ссыльнопоселенцев» (153).

О масштабах отхода сибиряков можно судить по следующим данным. Перед реформой П.Д.Киселёва (1837-1841 гг.) в среднем за три года крестьянам Тобольской губернии выдавалось из казначейства 1638 паспортов (378 полугодовых, 1237 годовых, 19 двухгодовых, 4 трёхгодовых); в Томской губернии – 1023 (783 годовых, 5 двухгодовых и 236 полугодовых). Но приведённые цифры не являются полными, т.к. не установлено количество паспортов, выдававшихся волостными правлениями. Кроме того, немало крестьян, стремясь избежать платы за документы, уходили на промыслы без разрешения администрации. Поэтому в источниках часто встречаются сообщения о людях, которые «отлучались для работы в соседственные места самовольно», «без письменного виду» (154).

Наличие крестьянского отхода в Сибири имело место, хотя масштабы его явно незначительные, с преобладанием коротких сроков отхода на промыслы – на полгода, на год. Следовательно, можно констатировать и тот факт, что сложившихся кадров пролетариата, полностью порвавших со своим хозяйством, ещё не было. И одной из самых причин такого положения следует считать более медленный и ещё не набравший силу процесс отделения сибирских крестьян – основной массы населения сибирского субконтинента от главного их средства производства – от земли.

В то же время несомненно и значительное влияние промысловой деятельности на расслоение сибирского крестьянства, на разрушение патриархального быта сибирских сёл и деревень, на укрепление в них товарно-денежных отношений.

С одной стороны, среднее крестьянство видело возможность посредством промыслов повысить доходность своего хозяйства, его платёжеспособность; обедневшие и разоряющиеся крестьяне находили в промыслах источ-

ник существования, получения средств для платежа различных податей и налогов.

С другой стороны, среди крестьян выделялись владельцы «заводов» и «фабрик», приносящих доход в сотни и тысячи рублей.

У большинства крестьян Сибири для создания крупных промышленных предприятий не имелось, в первую очередь, необходимых для этого капиталов. Тормозом для развития крупной крестьянской промышленности являлся также узкий рынок рабочей силы – следствие уже отмечавшегося медленного отрыва крестьян от земли.

Тем не менее, в менталитете сибиряков происходили значительные перемены, наблюдавшиеся в стремлении укрепить свою предприимчивость, расширить свои трудовые навыки и традиции, закрепить и передать их потомкам, увеличить производительность своих промышленных заведений. Все эти явления заметны в наметившейся устойчивой тенденции роста крестьянских мельниц, кузниц, салотопен, притоке новых слоёв крестьянского населения в промыслы. Здесь можно отметить и всё большее производство крестьянами промышленной продукции для продажи на рынок, развитие в сибирской деревне отношений вольного найма, способствовавших дальнейшему упрочению товарно-денежных отношений, расслоению крестьянства, росту позиций сельской буржуазии в экономике Сибири, укреплению и здесь капиталистических отношений.

В менталитете сибиряков явно складывались отношения двух типов человека, личности. На одном полюсе деревни обозначивался тип богатого человека – хозяина, на другом – зависимого от него беднеющего, разоряющегося человека.

2.4. Влияние связи сибирских крестьян с рынком на их менталитет

Дальнейшее развитие производительных сил в Сибири, выражавшееся в расширении посевных площадей, росте поголовья сельскохозяйственных животных, в развитии различных промыслов, в производстве товарной сельскохозяйственной и промышленной продукции, в росте населения, в возросшей его подвижности, означало углубление процесса общественного разделения труда, способствовало втягиванию населения сибирского субконтинента в рыночные отношения, формированию новых качеств менталитета всех слоев сибиряков, их главной составляющей – государственных крестьян.

Связь крестьян с рынком обуславливалась также их потребностью в деньгах для уплаты податей и повинностей, размеры которых со временем

возрастали. Очевидно, что реализовать эту потребность крестьянин, как и представитель любого непривилегированного (дворяне, духовенство...) сословия мог только с помощью рынка.

На рынке крестьянин продавал свою товарную продукцию, покупал товары, которые сам не производил. Разными должны были быть конкретные обстоятельства, втягивавшие в рыночные отношения крестьян, характеризуемых в источниках и литературе по истории Сибири XVIII – XIX в. такими терминами, как «семьянистые», «одинокие и бедные», «маломочные» и «мочные», «скудные в пропитании», «прожиточные», «лучшие миряне», «достаточные» и «недостаточные», «лучшие крестьяне», «обнищавшие», «скитающиеся», «половники», «бобыли», «наёмные люди» (155). Очевидно, что за этими терминами, наименованиями отражён происходивший в сибирской деревне процесс расслоения сибирского крестьянства на различные группы, категории, типы крестьян с соответствующими характерными для них чертами, качествами менталитета.

Более 30 традиционных товаров продавал на рынке сибирский крестьянин.

Одну из главных «статей внутренней торговли» вообще и крестьянской в частности составлял хлеб. Диапазон торговых сделок отдельных крестьян колебался в больших пределах. Так, в 1806 г. крестьяне Курганского округа продали: Р.Солдаткин (Иковская волость) в крепость Пресногорьковскую овса – 720 пуд., Л.Кузнецов (Чимеевская волость) в Боровлянский винокуренный завод ржаной муки – 1000 пуд., И.Екимов – 200 пуд.; Д.Коробейников (Сычѣвская волость) в крепость Пресновскую муки – 450 пуд. и овса – 600 пуд. (156). В 1809 г. из Курганского округа на трёх барках крестьянин Кривоногов «приплавил» в Тобольск 400 пуд. пшеничной и 10000 пуд. ржаной муки, крестьянин Носков – 6000 пуд. ржаной муки, крестьянин Охохонин – 4000 пуд. пшеничной и 11000 пуд. ржаной муки, крестьянин Месников – 4000 пуд. ржаной муки (157).

Некоторое представление о хлебном рынке Тобольской губернии даёт «Записка о приплавленном по вскрытии рек в 1810 г. хлебе в Тобольск по 6 число июня». За это время было продано разного хлеба 285810 пуд. Из 49 человек, продавших хлеб в Тобольске, было 9 мещан, 8 купцов и 32 крестьянина из округов Тобольского, Тюменского, Тарского, Туринского, Ишимского, Ялуторовского и Курганского. 16 крестьян продали хлеба до 1000 пуд., 4 – по 1000 пуд., остальные – более 1000 пуд. Наибольшее количество хлеба на продажу привезли крестьяне Ялуторовского и Курганского округов. Так, крестьянин Ялуторовского округа Карманов продал 6100 пуд. ржаной и пше-

ничной муки, крестьянин Носков из Курганского округа – 5000 пуд. ржаной муки (158).

Значительные размеры торговых операций части крестьян позволяют предположить, что среди них могли быть скупщики. Несомненно и то, что среди названных выше крестьян были представители мощных производящих хозяйств, крупные предприниматели с соответствующим менталитетом.

Приведённые выше факты свидетельствуют о хорошей осведомлённости принимавших участие в торговых операциях сибиряков о тех торговых точках, в которых они могут реализовать имеющуюся у них товарную продукцию, о спросе и ценах на неё, о выгодности совершаемых ими сделок.

Встречаются в источниках данные и о фактах продажи некоторыми крестьянами незначительного количества сельскохозяйственной продукции. Так, количество проданного 51 крестьянином Ялutorовского округа в 1823-1824 гг. провианта (муки и круп) в Тюменском округе колебалось от 5 до 81 пуд. Крестьяне Введенской волости Курганского округа в урожайные годы «продавали разного хлеба от 25 до 500 пудовок» (159).

Иногда в источниках чётко указываются мотивы продажи крестьянами хлеба. Так, в 1822 г. крестьяне Заводоуковской волости Ялutorовского округа продали «последний хлеб, какой только приготовлен был для своего продовольствия и на мелочную продажу по сходным ценам для оплачивания государственной подати» (160).

В другом источнике о крестьянах Тобольского округа говорится, что они разные «для домашнего обихода» продукты: кедровые орехи, бруснику «продают частным людям и вырученные за оные деньги некоторую часть употребляют на платёж государственных податей, земских и волостных повинностей, а остальную часть таковых употребляют на нужные к пропитанию своих семейств потребности» (161).

Нередко среди крестьян Тобольской губернии встречались такие хозяева, которым для уплаты денег на земские повинности приходилось продавать «последнюю скотину и разное имущество» (162).

Очевидно, что подобное имущественное положение, вызывавшее выход части сибирских крестьян на рынок, отражалось в целом на их менталитете и могло вызывать к ним соответствующее отношение своих односельчан. С одной стороны, оно было сочувствующим, с другой стороны – не очень уважительным!

Корни одного сложного социального явления, связанного с менталитетом сибиряков и понятием рынка, уходят к XVII – началу XVIII в., когда специфическим товаром на нём становится рабочая сила человека (163). При

исследовании этого явления, естественно, возникает вопрос о причинах, вынуждавших часть людей продавать свои рабочие руки, а часть - покупать их.

Часть крестьян в силу разных обстоятельств теряла возможность заниматься сельским хозяйством. В рапортах ишимского земского комиссара Павловского тобольскому гражданскому губернатору в 1803 г. сообщаются сведения о крестьянах, не имеющих «домообзаводства и хлебопашества» по волостям Красноярской, Ильинской, Соколовской и Жиликовской (164). Таких крестьян мирские общества отдавали в зачёт будущих рекрутских наборов; часть из них уходила на промыслы, либо становилась батраками в хозяйствах сельских богачей. В ведомостях о посеве хлеба за 1825, 1826 и 1827 гг. в Тобольском округе говорится о крестьянах, «неспособных к хлебопашеству по бедности» и называется их число (соответственно по годам): 545, 583, 672 (165).

Хотя в источниках не сказано, чем они занимались, но несомненно то, что часть из них вынуждена была продавать свою рабочую силу. По ряду лет первой половины XIX в. – за 1806, 1807, 1812, 1815, 1819, 1834, 1851 гг. - имеются сведения о крестьянских стеклодельных промышленных заведениях Тобольской губернии, на которых использовался наёмный рабочий труд крестьян этой губернии в количестве от 8 до 12 человек (166). Зажиточные крестьяне Ишимского округа в 40-х гг. XIX в. нанимали до 20 и более годовых работников (167), т.е. крестьян, полностью потерявших свою хозяйственную самостоятельность. Богатые крестьяне Тарского округа в 50-х гг. XIX в. для содержания различного скота и лошадей нанимали от 15 до 20 годовых пастухов, особых работниц для ухода за телятами, ягнятами и коровами (168).

Совершенно очевидно, что нанимавшиеся на работу люди и принимавшие их хозяева обладали своим особым, специфическим менталитетом – хозяина и зависимого от него наёмного человека. Часть нанимавшихся в работы к богатым односельчанам, либо за пределами своего места жительства, несомненно, должны были сохранять основные черты своего крестьянского менталитета, которые сформировались у них в течение многих поколений.

Хорошо известны факты усиливавшегося отрыва крестьян от земледелия, от своего хозяйства в неурожайные годы, в годы падежа скота. В этой обстановке бедные крестьяне, «лишась последнего копыта, идут в работники с целью приобрести посредством заработной платы двух кобыл и корову. Чтобы в следующую весну оставшиеся в доме работники, иногда несовершеннолетние и престарелые, могли пахать пашню; или же идут на неводы заниматься рыболовством, звероловством..., каким-нибудь ремеслом, чёрной работой, не теряя из виду своей цели приобретения кобылы и коровы. При новом несчастье на скот в этих семействах годные члены нанимаются в

рекруты; оставшиеся старики, женщины и малолетки, уничтожая хозяйство, продавая дома, влачат бедственную жизнь по наймам» (169).

Рынок наёмной рабочей силы, особенно в первой половине XIX в. в Сибири, расширялся за счёт переселявшихся из Европейской России крестьян. Уходившие на окраины страны в поисках лучшей доли крестьяне–переселенцы попадали там в зависимость к крестьянам–старожилам. Неимущие или малоимущие переселенцы вынуждены были наниматься работать к ним, особенно в хозяйства к зажиточным крестьянам за самые низкие цены (170).

Ещё одной заметной фигурой и со своеобразными чертами менталитета становится появившийся на местных рынках уже в XVII – XVIII вв. крестьянин–скупщик (171).

Богатые крестьяне, пользуясь трудностями, возникшими в результате неурожаев, и, как следствие, ростом цен на хлеб и продукты питания, скупали хлеб для последующей его перепродажи с целью наживы. В течение 1819 – 1821 гг., когда округа Ялуторовский и Курганский «терпели урон в хлебе», зажиточные крестьяне Курганского округа выезжали в Ишимский и Омский округа Тобольской губернии и в Челябинский округ Оренбургской губернии для покупки хлеба не только для себя, но и на перепродажу (172).

Крестьяне Ялуторовского и Курганского округов (1841г.) закупали значительное количество рогатого скота и овец на сибирской пограничной (с киргизами) линии, а затем сбывали скот «на ногах». При низких ценах на скот животных «забивали», а затем сбывали отдельно жир, кожи и солёное мясо. Частично эта продукция отправлялась в губернии Европейской России (173).

Объём скупщических операций был самый разнообразный. Так, в 1857 г. крестьянин Смолинской волости Курганского округа М.Стрельников купил у курганского 3-й гильдии купца П.Кузнецова 62 головы скота; крестьянин той же волости А.В.Вахрушев купил у крестьянина Сычёвской волости этого округа А.Б.Банникова сала на 2570 р. В 1858 г. торгующий по свидетельству 3-го рода крестьянин Черёмуховской волости Курганского округа М.З.Нечаев договорился с поселенцем той же волости П.Митяевым о доставке Нечаеву 419 пудов бараньего сала (174).

«Военно-статистическое обозрение» Тобольской губернии 1849 г. содержит яркое описание фигуры сибирского крестьянина–скупщика: «...переезжая из деревни в деревню, то покупая, то продавая, крестьянин в продолжение всей зимы ведёт жизнь как бы кочевую... Более расчётливые и опытные в торговле приобретают себе в этих непрерывных переездах и деревенских торжках хорошее состояние; у некоторых оно доходит до 50000

рублей капитала» (175), т.е. до огромных сумм, превосходивших более чем в 3 раза размеры капитала купцов 1-й гильдии, равнявшиеся 15000 рублей (176) (по данным указа 1839 г.).

Скупка крестьянами различной продукции, в которой они участвовали наряду с купцами, заводовладельцами, золотопромышленниками, мещанами, была тесно связана и с такой формой предпринимательской деятельности, как подрядничество.

С 40-х гг. XVIII в. всё чаще стала применяться система подрядов при покупке хлеба для армии. Скупщики заключали подряды с комендантами крепостей по доставке продовольствия не только в ближние, но и отдалённые крепости. Снаряжались барки и дощаники, которые загружались хлебом и направлялись в Петропавловскую, Омскую, Усть-Каменогорскую и другие крепости. В 1763 и 1764 гг. один из крестьян – скупщиков Ишимской слободы подрядился поставлять хлеб в Омскую крепость. Очевидно, что размеры подряда были очень значительны, т.к. только недоплата казны предпринимателю составила 1600 р. (177).

Исетская таможня зафиксировала много фактов взятия подрядов на доставку больших партий хлеба крестьянами – скупщиками. Они на свои средства делали дощаники, барки, и по рекам доставляли хлеб в Екатеринбург, Ирбит, Тюмень, Тобольск и другие города (178).

В середине XVIII в. крестьяне притрактовых сёл и деревень Сибири с развитием почтовой и ямской гоньбы заключали подряды с жителями станов для обслуживания за них участков своими подводами для доставки провианта на военные линии и алтайские заводы. Заключали подряды с казной на проведение подушных сборов с доставкой их в Томск крестьяне Спасской волости. Такой договор в 1799 г. на проведение подушного сбора в течение года заключил крестьянин Псарёв, а крестьяне Кудрявцев, Глотов и Елизаров – доставлять их в Томск на трёх подводах. В 1805 г. крестьянин Нелюбинской волости Туполев договорился с тобольским купцом – откупщиком о поставке с Коряковского озера 8000 пуд. соли. В 1813 г. крестьяне этой волости Терсков и Губин подрядились доставить томскому вице-губернатору 55 сажень дров по 80 коп. за сажень (179).

Торговавшие хлебом крестьяне Тобольской губернии Назаров, Сорокин, Яковлев, Андреев, Ярышников, Пестов в 1829 г. заключили подряды на поставку муки в хлебные запасные магазины от 5 до 25 тыс. пуд. ежегодно; крестьяне этой губернии брали подряды на поставку хлеба для казённых и частных винокуренных заводов, для расположенных в крае войск наряду с купцами и мещанами (180).

Подрядничество сибирских крестьян зафиксировано в источниках и литературе и в последующие годы.

Анализ скупщических и подряднических операций, осуществлявшихся государственными крестьянами Сибири в исследуемое время, показывает их важное значение в деле дальнейшего углубления процесса общественного разделения труда, проникновение товарно-денежных отношений в экономику Сибири, а также яркое отражение активной жизненной позиции сибирских крестьян, черт их предпринимательского менталитета, конкурентоспособности с представителями других сословий.

В различных источниках имеется богатый материал, свидетельствующий о том, что сибирские крестьяне не только продавали на рынке различную товарную сельскохозяйственную и промышленную продукцию, свою рабочую силу, зарабатывали деньги на подрядничестве и скупке товаров, выступали посредниками между непосредственными производителями материальных благ и потребителями их, но и покупали на рынке различные товары. Парадоксально, что представляющая значительный познавательный и научный интерес эта сторона жизни сибирского социума в литературе исследована явно недостаточно. Обычная, повседневная жизнь сибиряка, несомненно, существенно обогащает и понимание его менталитета.

Крестьяне приобретали на рынке мануфактурные мягкие и металлические изделия, ассортимент которых был весьма значительным. Это сукно, выбойка, мерлушковый мех, шали шёлковые, ковровые, бумажные, тканые одеяла, полосовое железо, металлические сошники к сохам и зубья к боронам, косы, серпы, пилы, топоры, скобели, струги, долота, буравы, шилья, ножи, вязальные и швейные иглы, ножницы, карманные и стенные часы, ложки серебряные, рюмки, стаканы, серьги, кольца, цепочки, железные крюки, весы, самовары, колокольчики, оружие (дробовики, пистолеты, винтовки), железные ловушки для зверей, таганы, обувь, шляпы, табак, мыло, соль, сахар, свинец, кубовая краска, зеркала, иконы, лубочные картинки, вино, фабричная одежда, книги (181).

По этому перечню покупавшихся крестьянами на рынке товаров, несомненно, можно предположить, что многое из названного могли покупать не все категории крестьян, а лишь представители зажиточной верхушки деревни с их соответствующими запросами и менталитетом.

Средняя в своей массе сибирская казённая деревня, бедняцкая её часть стремилась, по возможности, произвести в своём хозяйстве всё необходимое для своего существования и ведения хозяйства: орудия труда и быта, одежду, обувь и т.д. Поэтому можно утверждать, что в целом сибирские крестьяне покупали на рынке те товары, которые не производились ими в собст-

венных хозяйствах, в особенности так называемые «российские товары» (т.е. заводского, фабричного производства): железо, металлические изделия, сахар, соль, либо товары лучшего качества, чем производимая ими продукция.

Важно отметить и такое интересное явление, свидетельствующее о существенной уступке правящих кругов в целом по России развивавшимся в стране буржуазным отношениям, предпринимательской активности крестьянства, способствовавшей как расширению внутреннего рынка, так и легализации торговли этого сословия: в 1812 г. был издан закон о торгующих крестьянах, разрешавший им по приобретённым за деньги специальным документам – свидетельствам 1-4 родов вести торговлю наравне с купцами, не получая при том сословных привилегий купечества. В результате количество торгующих крестьян стало быстро увеличиваться. Если в 1812 г. по стране в целом было выдано 2354 тоновых свидетельства, то в следующем году – уже 5522 (в среднем на каждую губернию приходилось в 1812 г. 48 свидетельств, а в 1813 г. – 113). В последующие годы интенсивность процесса выдачи торговых свидетельств имела тенденцию к повышению.

Определённую роль в этом процессе сыграл указ 17 ноября 1824 г., отменивший двойную подать для крестьян, переходивших в города, облегчивший переход крестьян в другие сословия, в том числе в купеческое (182).

О торговой активности сибиряков определённое представление даёт материал по структуре внутреннего рынка этого региона. По данным «Топографического описания Тобольского наместничества», составленного в 1789-1790 гг. (нами взяты сведения по Тобольской и Томской губерниям), в нём действовали 34 ярмарки и 91 торжок (183). При этом важно отметить, что 60% ярмарок и 4,4% торжков функционировало в городах, а 40% ярмарок и 95,6% торжков – в сельской местности. Ещё одна интересная деталь по внутренней структуре рынка в Тобольской губернии: 78% всех торжков Западной Сибири сосредоточивалась в четырёх южных округах этой губернии – Курганском, Ялуторовском, Ишимском и Омском.

Даже в пределах одного конкретного округа торговая активность местного населения существенно различалась. Большинство сибирских ярмарок и торжков проходило обычно в течение одного определённого дня и собирало, как правило, небольшое количество участников. И лишь на торгах, проводившихся в Иковской и Белозерской слободах Курганского округа участвовало от 500 до 1000 человек. Крестьяне таких округов, как Тобольский, Берёзовский, Томский, Ачинский, в которых не проводилось ни ярмарок, ни торжков, приобретали всё необходимое в соответствующих городах (184).

Значительная концентрация ярмарок и торжков в южных округах Сибири, которая была уже отмечена, объяснялась тем, что здесь сложились круп-

ные хлебопроизводящие центры, более высокой в сравнении с другими округами была плотность населения, значительное развитие получили различные крестьянские промыслы. В некоторых поселениях Курганского округа ярмарки проводились 2-3 раза в год.

Крестьяне Ишимского округа в конце XVIII в., активно участвовавшие в еженедельном торге в г. Ишиме (185), успешно конкурировали с местными купцами и мещанами.

В первой половине XIX в. в структуре внутреннего рынка Сибири происходят определённые сдвиги, выразившиеся в дальнейшем расширении сети ярмарок и торжков. В 1827 г. в Западной Сибири действовало 74 торговых рынка (61 – в Тобольской губернии и 13 – в Томской (186). Одновременно заметна и такая тенденция, как существенное возрастание сумм, вырученных за привезённые и проданные на рынках Западной Сибири товары (187).

Часть ярмарок функционировала регулярно в определённые сроки, другие зависели от «съезда торгующих», третьи существовали недолго. Поэтому их количество в разные годы было различным. К середине XIX в. в Тобольской губернии действовало 165 ярмарок и торжков, в том числе 146 – в сельской местности (88,5%) и 19 – в городах (11,5%). В 1851 г. на сельские ярмарки губернии было привезено товаров на 2248815 р., а продано – на 1008643 р.; на городские ярмарки соответственно – на 1910601 р. и 1043355 р. (188). Стоимость товаров, привезённых на сельские ярмарки, составила 54,1% общей стоимости товаров, привезённых на все ярмарки губернии; однако на городских ярмарках товаров было продано несколько больше, чем на сельских (соответственно 50,9% и 49,1%).

В 1860 г. на ярмарки и торжки Тобольской губернии было привезено товаров на 8624205 р., а продано на 5548196 р. (189).

Приведённые данные свидетельствуют о следующем. В целом прослеживается тенденция роста числа сибирских ярмарок и торжков, увеличение товарооборотов на местном рынке, преобладание стоимости привоза над стоимостью проданных товаров. Эти тенденции являлись отражением закономерного процесса дальнейшего развития производительных сил в экономике Сибири, её городов, деревень, сёл, усиления роли товарно-денежных отношений в жизни горожан и крестьян, укрепления экономических связей Сибири с Уралом и другими районами страны, внутриокружных и межобластных связей. И, несомненно, во всех отмеченных процессах и тенденциях значительную роль играло крестьянство, его растущая активная предпринимательская деятельность.

Живущие в близлежащих к г. Туринску селениях крестьяне «по древнему их обыкновению» съезжались каждую неделю в город «с разными на про-

дажу припасами». Крестьяне Тобольского округа везли на продажу в г. Тобольск сукна, холсты, дёготь, смолу, рогожи, сани, телеги, конскую упряжь, в урожайные годы – хлеб; в неурожайные годы хлеб покупался ими в Ишимском округе. Крестьяне Ишимского округа привозили на продажу в г. Тобольск хлеб, «харчовые припасы и прочие вещи»; эти же товары, а также холсты, серые сукна крестьяне продавали в Петропавловской крепости. Крестьяне Омского округа везли на продажу в г. Омск хлеб; некоторые крестьяне округа отвозили шкуры убитых на охоте зверей для продажи на Ирбитскую ярмарку. Хлеб, холсты, серые сукна привозили на продажу в г. Тюмень крестьяне Тюменского, Тарского, Ялуторовского и Курганского округов. «Великое множество рыбы в разные города Екатеринбургской области» везли на продажу крестьяне Ялуторовского, Ишимского и Омского округов. Крестьяне Ялымской волости Курганского округа продавали хлеб, скот, кожи, мясо, сало, рыбу на винокуренные заводы, купцам и другим торговцам городов Кургана, Тюмени, Шадринска, Челябинска, Перми. Крестьяне деревни Обуховой Чернавской волости Курганского округа сбывали хлеб, скот на торжках в окрестных слободах и сёлах на расстоянии 20-50 вёрст; для Илецко-Иковского завода они везли хлеб за 90 вёрст. Крестьяне села Чинеева Курганского округа продавали мясо, кожи, сало на ярмарках в городах Кургана, Шадринске, Далматово, Екатеринбурге. Крестьяне села Черёмуховского Курганского округа продавали рыбу в г. Кургана. Местным золотопромышленникам продавали хлеб крестьяне Томской губернии (190).

Зауралье становится житницей Урала и поставщиком рабочей силы для горнозаводской промышленности уже в XVIII в. Крестьяне округов Курганского, Ялуторовского, Ишимского, Туринского, Тюменского в 90-е годы XVIII - начале XIX в. везли товары на продажу на Ирбитскую ярмарку, для горных и винокуренных заводов Екатеринбурга, Алапаевского, Салдинского, Богословского, Невьянского, Нижнее-Тагильского заводов, в города Ирбит и Верхотурье, Верхотурский запасный магазин, Верхотурский округ Пермской губернии, рынки Оренбургской губернии (191).

В последующие десятилетия XIX в. торговые связи сибирских крестьян с рынками Пермской и Оренбургской губерний, с расположенными на их территории казёнными и частными горными и винокуренными заводами продолжали сохраняться. «Капиталистские» крестьяне Ялуторовского округа пользовались постоянным доверием на Ирбитской и Нижегородской ярмарках (192).

Крестьяне Туринского округа занимались поставкой сена для уральских заводов. Ишимские и тюменские крестьяне везли на ярмарки Пермского края дублёные и сыромятные кожи; крестьяне Ишимского края продавали про-

мышленникам Шадринска и Екатеринбурга сало, выделанные и невыделанные кожи. На ярмарках Шадринска и Екатеринбурга крестьяне Усть-Суерской, Введенской, Меньшиковской и Черёмуховской волостей Курганского округа в первой половине 40-х гг. XIX в. сбывали скот, мясо, кожи и многие из них «этим способом...составили себе порядочное состояние». Везли на продажу в Пермскую губернию (1846 г.) сало и кожи крестьяне Ялуторовского округа; они же продавали скот в Оренбургскую губернию. Крестьяне этого и Курганского округов пригоняли большие партии крупного рогатого скота и баранов для продажи на Екатеринбургские горные заводы во второй половине 40-х гг. XIX в. Сибирские крестьяне продавали на Ирбитской ярмарке и на заводах Пермской губернии также лошадей. Из Шатровской волости Ялуторовского округа вывозились для продажи на Урал овчинные шубы отличной выделки. На горные заводы Пермской губернии сбывали овец крестьяне Омского округа (193).

Находила сбыт на уральском рынке продукция и таких промыслов сибирских крестьян, как рыболовство, охота, ткачество, обработка дерева, стеклодельного производства. В 50-х гг. XIX в. в г. Ирбите продавали рыбу, меха, перо, пух, бруснику крестьяне Туринского округа; некоторые из них привозили на Тагильский завод до 500 пудов ягод «из одних рук». В 1857 г. из Пелымского края на Пермские горные заводы было отправлено 24 000 пудов рыбы (194).

Крестьяне Тюменского округа продавали на Ирбитской ярмарке деревянную посуду, сундуки, ящики, столики с рисунками собственной живописи под лаком, рогожи, верёвки из липового мочала и лыка, подносы из жести. Значительным спросом в Пермской губернии, особенно в г. Ирбите пользовались «деревянные изделия» крестьян Туринского округа: посуда, сани, телеги, колёса; продавались на Урале толстые холсты, выделяемые крестьянами Курганского и Ялуторовского округов (195).

В городах Пермской губернии – Ирбите, Камышлове, Шадринске находила сбыт продукция стекольной «фабрики» крестьянина Исетской волости Ялуторовского округа И.Е.Шапенкова. В городах Троицке и Челябинске Оренбургской губернии и в Екатеринбурге и Шадринске Пермской губернии реализовывал продукцию своего стеклодельного заведения крестьянин Мостовской волости Ялуторовского округа И.С.Бархатов (196).

Занимавшихся перевозкой разнообразных грузов и товаров, принадлежащих казне или частным лицам, крестьян Тюменского, Ишимского и Тарского округов можно было встретить в Шадринске, Ирбите, Перми, Казани, Москве. Крестьяне Тюменского округа нанимались для работ на горные и винокуренные заводы Пермской губернии. «Недостаточные» и многосемей-

ные крестьяне Туринского округа «снискивали себе заработок, нанимаясь в частные горные заводы» Пермской губернии. В 40-50-х гг. XIX в. много крестьян Тобольской губернии нанимались на сельскохозяйственные работы в Челябинский округ Оренбургской губернии (197).

На ярмарку в г. Нарыме Томской губернии съезжались приказчики тобольских и томских купцов и производили обмен хлеба, чая разных сортов, соли, грубых мануфактурных изделий на икру, клей, сушёную и солёную рыбу, меха пушных зверей, привозившиеся зажиточными крестьянами Томского округа, хантами (остяками) Нарымского края.

На ярмарку в г. Усть-Каменогорске Томской губернии съезжались купцы, мещане, крестьяне, из соседнего округа Киргизской степи киргизы. На этот торг везли мёд, воск, масло, сало, красную солёную рыбу, разных сортов белую рыбу и икру, ячмень, пшеницу, просо, муку. Эти товары выменивались на лошадей, крупный рогатый скот, войлоки, сырые шкуры, овчины, разные «азиатские товары». Кроме обмена, торговля велась и на деньги.

На Вознесенскую ярмарку Каинского округа собиралось до 6500 человек «торгующих людей разного звания» из разных мест Томской губернии, городов Омска, Тары, Тюмени, Шадринска. На эту ярмарку привозились шёлковые и бумажные материи, сукно, чай, сахар, железо, чугун, лошади, рыба сушёная, холст, обувь, колёса. Стоимость товаров доходила до 25000 р. серебром (198).

Приведённые сведения ярко отражают черты менталитета сибирских крестьян, использовавших самые различные возможности выхода на внутриокружные и даже на межгубернские рыночные связи для продажи производимой ими в своих хозяйствах продукции, аграрной, промысловой, выступавших скупщиками и перекупщиками продукции либо своих односельчан, либо представителей других сословий, зарабатывавших на этих операциях как незначительные, так и огромные денежные суммы, успешно конкурировавших с горожанами, купцами, мещанами.

В архивах имеются ценные данные и о таких формах предпринимательской деятельности крестьян практически всех селений, расположенных вдоль трактов или близко от них, как перевоз ими купеческих и казённых грузов, товаров, людей. Часть крестьян, занимавшихся извозом, содержала и постоянные двory.

На сплаве судов с хлебом, солью, рыбой было занято немало крестьян Сибири. Только в Тобольской губернии в 1841 г. на судовых работах было занято 11500 человек; в 1851 г. – 8800 человек, в 1852 г. – 11796, в 1860 г. – 10398 человек (199). Многие богатые торговые сёла и деревни располагались вдоль трактовых, почтовых дорог, водных путей сообщения.

Следует отметить, что в Сибирь из Европейской России шли три главные дороги – Ирбитская, Екатеринбургская и Шадринская, которые затем в районе Тюмени сливались в один Московско-Сибирский тракт. Он шёл от Тюмени на Тобольск – Омск – Каинск – Колывань – Томск – Ачинск – Красноярск – Нижнеудинск – Иркутск. Отсюда шли два направления: на Вехнеудинск и Нерчинск – к востоку и на Кяхту – к югу. Позднее появилось и северное ответвление – на Якутск, а затем к Охотску.

Торговое движение по Московско-Сибирскому тракту было круглогодичным.

Кроме сухопутного имелся также и водный путь, который дополнял, а на отдельных участках и заменял Московско-Сибирский тракт.

Очевидно, что развитие путей сообщения способствовало более активному вовлечению самых различных районов Сибири в систему рыночных отношений всей России, во многом способствовало укреплению товарно-денежных отношений в местах их непосредственного прохождения, давало населению возможность дополнительного заработка, а для части населения, в том числе – крестьянского, порывавшего со своим хозяйством, различные виды погрузочно-разгрузочных работ становились и единственным источником существования с соответствующими их социальному положению чертами менталитета.

Все эти факторы ускоряли процесс расслоения населения Сибири, в том числе его основной части – крестьянства на различные в социально-экономическом отношении группы.

Анализ материалов убедительно свидетельствует о том, что товарно-денежные отношения начинают занимать всё больший удельный вес в экономике сибирского субконтинента. В связи с этим большое значение приобретает вопрос об интенсивности контактов крестьян – сибиряков с рынком, т.к. ответ на него может пролить дополнительный свет на проблему изучения их менталитета.

К сожалению, ответ на поставленный вопрос во многом затруднён отсутствием массовых сведений как в различного рода источниках, так и в литературе не только по Сибири, но и по России в целом.

Одним из возможных путей решения данной проблемы может быть привлечение сведений о торгующих крестьянах, бравших так называемые торговые свидетельства.

Накануне реформы П.Д.Киселёва (в среднем за 3 года) крестьяне Тобольского, Тарского, Тюменского, Ялуторовского, Курганского, Ишимского и Омского округов брали 102 торговых свидетельства 3-го разряда и 35 - 4-го, дававших право на постоянную торговлю; торговые свидетельства кре-

стьяне обязаны были покупать за торговлю товарами на сумму более 2 тыс. р. (200).

Наибольшее количество торговых свидетельств 3-го разряда – 78 (76,4%) - было взято крестьянами южных округов губернии – Ялуторовского, Курганского, Ишимского и Омского; в этих же округах было взято и наибольшее число свидетельств 4-го разряда – 20 из 35 (57,1%) от общего количества.

Наибольшее количество крестьян, бравших торговые свидетельства в южных округах губернии в сравнении с другими округами, объясняется следующими факторами. Здесь сосредоточивалась значительная масса производителей материальных благ; эти округа, наиболее густо заселённые и являвшиеся сибирской житницей, уже к концу 80-х гг. XVIII в. сосредоточивали и наибольшее количество торговых пунктов Западной Сибири.

Очевидно, что торговые операции крестьян южных округов давали им возможность накапливать значительные денежные капиталы; торговля для них являлась основным видом деятельности. Неслучайно крестьян, торговавших по свидетельствам 3 и 4-го разрядов, относят к средней и мелкой буржуазии (201), со своим особым менталитетом.

В 1850 г. крестьянами Тобольской губернии было взято 155 свидетельств 3-го и 28 – 4-го разрядов; всего 183. В 1852 г. крестьянам Западной Сибири было выдано 306 торговых свидетельств (196 – в Тобольской и 110 – в Томской губерниях). В 1858 г. по свидетельствам, выданным крестьянам Западной Сибири, торговало 873 человека (202).

Чётко прослеживается численный рост категории торгующих сибирских крестьян, что одновременно свидетельствовало о повышении удельного веса развивающейся крестьянской буржуазии в экономике Сибири в целом с формированием новых черт в их социальной психологии, с их специфическим менталитетом среди других слоёв населения субконтинента.

Необходимо отметить и тот факт, что немало крестьян торговало хлебом и скотом, не беря никаких свидетельств. В 1841 г. их число достигло в Курганском округе 186, в Ялуторовском – 131, в Тюменском – 15 (203). Явно часть крестьян, обладая специфическими чертами менталитета, не желала платить в казну соответствующую закону денежную сумму, пытаясь уйти, избежать соответствующего платежа, сохранить в своём кармане не лишние для него рубли.

Следует остановиться ещё на таком явлении, как приобретение крестьянами приказчиных свидетельств. Чаще всего такие свидетельства покупали крестьяне на имя крестьянина–приказчика, своего торгового агента. В 1845 г. торгующий по свидетельству 3-го разряда крестьянин Черёмуховской волос-

ти Курганского округа М.Нечаев приобрёл за 15 р. одно приказчиье свидетельство 1-го класса на имя крестьянина Ялымской волости того же округа В.Сидорова.

Приказчиками сибирских крестьян становились и крестьяне губерний Европейской России. Так, в 1845 г. с торгующего по свидетельству 3-го разряда крестьянина Меньшиковской волости Курганского округа С.Мунгалова было взыскано 15 р. за взятое им свидетельство приказчика I класса на имя крестьянина Симбирской губернии Урусовской волости М.Наумова.

Одновременно известны и факты, когда сибирские крестьяне включались в торговую деятельность представителей торгового капитала Европейской России в качестве приказчиков. В 1845 г. было взято 2 приказчиьих свидетельства I класса мещанину Курской губернии г. Рыльска Г.Каменеву: одно на имя крестьянина Ялуторовского округа Бороушинской волости Л.Месникова, другое – на имя крестьянина Смоленской волости Курганского округа Е.Борисова. В 1858 г. в Западной Сибири было выдано 3814 приказчиьих свидетельства (204).

Приведённые факты убедительно свидетельствуют о том, что сибирские крестьяне хорошо ориентировались в развивавшихся не только на территории своего субконтинента рыночных товарно-денежных отношениях, но и на территории сопредельного Уральского региона, Европейской России в целом, вступали в тесные рыночные связи с представителями торгового капитала уже названных территорий, вырабатывали и специфические качества предпринимательского менталитета, со своим особым деловым языком. Все эти явления и процессы, несомненно, способствовали укреплению связей сибирского рынка со всероссийским.

Накопление капиталов представителями крестьянской буржуазии давало им возможность реализовать зафиксированное в законодательстве Российской империи право перехода в купеческое и мещанское сословие, менять место жительства (205). Несомненно, что та часть крестьян, которая добивалась права перейти в вышеназванные сословия, стремилась к этому, стремясь повысить таким образом свой социальный статус, своё официальное положение в обществе.

Однако практически воспользоваться законом было исключительно трудно. Анализируя специально эту сложнейшую проблему в своей фундаментальной монографии «Городское гражданство дореформенной России» (М., 1958), П.Г.Рындзюнский подчёркивал, что перейти в городское гражданство официальным порядком мог лишь тот сельский житель, который фактически уже перестал быть крестьянином и должен был обладать средствами, далеко выходящими за рамки материальных возможностей среднего крестья-

янина. Переход крестьянина в другое сословие, в том числе связанный с уходом в город, осложнялся правительственной политикой всемерного усиления сословной регламентации, существованием круговой поруки, общинных связей, требованиями уплаты податей по обоим состояниям при вступлении в городское гражданство (206).

И тем не менее различные категории российского крестьянства, в том числе сибирские государственные крестьяне, преодолевая все преграды, чинимые феодально-крепостническим государством, проявляя сформировавшиеся у значительной части сельского населения черты личного мужества, терпения, склонностей к активной предпринимательской, торговой, рыночной деятельности, меняли свой социальный статус.

В 1789 г. государственный крестьянин М.В.Гребешков, скупщик крестьянских товаров, подчинивший своему влиянию сотни крестьян, вступил в г. Тюмени в купеческое сословие, объявив капитал в 5010 р. Став купцом, он продолжал заниматься скупкой крестьянских товаров, промышлял закупкой соли, различными подрядами, имел собственные лавки. Крестьянин по происхождению купец Барашков имел кожевенный промысел, вёл торговлю в Тюменском округе и в Катайском остроге. Из государственных крестьян вышел тюменский купец III гильдии И.Г.Свиньин (207).

В 1790 г. крестьянин Логиновской волости Тарского округа В.П.Есырев вместе с племянником Е.Михайловым подали прошение в Тарский городской магистрат: записать их «в тарское купечество, а из крестьянского звания исключить». Живя в деревне Усть-Тарской, эти крестьяне хлебопашеством не занимались, а вели «разными товарами купеческую торговлю». Они имели капитал в 1005 р. и с записью в купцы намеревались переехать на жительство в г. Тару. В 1793 г. в Тарском посаде юридически числилось 219 крестьян разных волостей (208).

В 1827 г. в городах Тобольской губернии числилось 2255 крестьян мужского пола и 2463 – женского (209). Источник не сообщает, чем они занимались. Однако наряду с крестьянами – отходниками среди них должны были быть и крестьяне, несомненно, перешедшие в купеческое и мещанское сословие. В 1837 г. среди 1662 жителей г. Кургана было 220 государственных крестьян (13% городского населения); в 1850 г. среди жителей города числилось уже 340 государственных крестьян (14% городского населения) (210). В этом году в купеческое сословие г. Кургана был переведён государственный крестьянин Смолинской волости Н.Е.Галяминский. Курганский купец 3-й гильдии В.Н.Яковлев в прошлом был крестьянином (211).

Явно прослеживается тенденция перехода крестьян-сибиряков в другие сословия, в том числе – в купеческое и мещанское. Но всё же очевидно и то, что количественная сторона этого процесса отражает его начальную стадию.

Важными причинами замедленного развития данного процесса следует считать ярко выраженную политику правящих кругов России, искусственно тормозивших развитие буржуазных отношений в стране, а также комплекс объективных факторов общероссийского и регионального характера, чрезвычайно затруднявших накопление денежных средств в руках крестьян, в том числе таких, как возраставший уровень величины сборов с них различных податей и повинностей, крайне низкие цены на производимую крестьянами продукцию, в первую очередь – зернового хозяйства.

В фундаментальной работе Б.Н.Миронова «Хлебные цены в России за два столетия (XVIII – XIX вв.)» отмечается, что в Европейской России, в Сибири, в Восточном районе колебания цен происходили в целом согласованно, т.к. названные территории являлись органичными частями формирующегося хлебного рынка. Низкие цены на хлеб в них были связаны во многом с их отдалённостью от главных потребляющих районов России, от главных экспортных и внутренних рынков. Несмотря на то, что Сибирь со второй трети XIX в. и до 1914 г. занимала первое место в стране по приросту хлебных цен, тем не менее и здесь в течение почти двухсот лет были самые низкие цены на хлеб (212).

С учётом отмеченных фактов и явлений возникает вопрос: каким же экономическим, финансовым опытом, чутьём должен был обладать сибирский крестьянин, осуществляя свою торговую, предпринимательскую деятельность, чтобы не быть в накладе!

Колебания цен на хлеб в отдельные годы во многом зависели от урожая: при высоком урожае хлебов предложение намного превышало спрос, и цены устанавливались на предельно низком уровне; в неурожайные годы они повышались в 5-10 раз по сравнению со средним уровнем (213).

Существенные отличия в ценах на хлеб, хлебные продукты прослеживаются в городах и округах Тобольской губернии. В 1792 г. в г. Тобольске пуд ржаной муки стоил от 15 до 16 коп., а в Тобольском округе – от 12 до 22 коп.; в г. Тюмени и Тюменском округе – 10 коп.; в г. Туринске и Туринском округе – от 8 до 11 коп.; в г. Кургане и Курганском округе – от 9 до 10 коп.; в г. Ишиме – от 10 до 11 коп.; в Ишимском округе – от 9, 5 до 15 коп.; в г. Таре и Тарском округе – 19 коп.; в г. Омске – от 19 до 20 коп., в Омском округе – от 10 до 25 коп.; в г. Берёзове – 18 коп., в Берёзовском округе – 21 коп. (214).

Источники позволяют проследить динамику цен на продовольствие даже в пределах волостей одного округа. В 1804 г. четверть ржаной муки (9

пуд.) в волостях Курганского округа стоила: в Черёмуховской – от 3 р.15 коп. до 3 р. 42 коп., в Барабинской – от 3 р. 42 коп. до 3 р. 51 коп., в Утятской – от 3 р.15 коп. до 3 р. 33 коп., в Чернавской – от 3 р. 50 коп. до 3 руб.60 коп., в Ялымской – от 3 руб.60 коп. до 3 руб.78 коп., в Сычёвской – от 3 р. 42 коп. до 3 р. 60 коп., в Арлагульской – от 3 р. 42 коп. до 3 р. 60 коп. (215).

По ведомостям, составленным на основании сведений, поданных волостными головами, видны расхождения между низшими и высшими ценами на четверть ржаной муки на довольно значительную сумму – в 45 коп. в пределах одного округа. Очевидно, что и здесь уровень цен в каждой из названных волостей определялся объёмом засеваемых рожью (как и любой другой зерновой культурой) площадей, разницей в стоимости работ за помол зерна, различными возможностями сбыта и т.д. Можно сказать просто: любой выходящий на рынок человек, независимо от своего социального статуса, социальной принадлежности, должен был понимать, что стоимость любой продукции зависит от таких рыночных величин, как спрос и предложение. Очевидно, что сибирский крестьянин, обращающийся к рынку и как покупатель, и, особо, как продавец (так же, как и купец) должен был элементарно знать эту истину.

Имеющиеся в нашем распоряжении сведения о средних розничных ценах на выращиваемые в пределах различных округов одной из сибирских губерний – Тобольской - зерновых культур свидетельствуют о следующем. За время с 1831 по 1840 гг. разница в цене одного пуда ржи в округах Тобольском, Туринском, Тарском, Омском, Ишимском, Курганском, Ялуторовском и Тюменском колебалась в пределах от 21 коп. (Ишимский округ) до 28 коп. (Туринский округ). Разница в стоимости одного пуда пшеницы колебалась в пределах от 25, 7 коп. в Курганском округе до 43 коп. в Туринском округе. Стоимость одного пуда овса в Тобольском округе достигала 14 коп., а в Тарском округе – 32 коп. (216).

Приведённый материал убедительно свидетельствует о том, что южные округа Тобольской губернии заметно выделяются среди других округов самыми низкими ценами на производимые хлебные культуры в сравнении с северными округами данного региона. Во многом этот прецедент объясняется наличием в северных, северо-западных и северо-восточных районах губернии менее благоприятных природно-климатических условий в сравнении с южными её округами, наличием в северных округах таких крупных потребителей хлеба, как города Тобольск, Тюмень, являвшихся к тому же крупнейшими центрами оптовой торговли. Поэтому и цены на хлеб здесь были более высокими. И поэтому любой крестьянин, тем более деловой, предприимчи-

вый, регулярно связывавший себя с рынком, должен был все отмеченные факторы хорошо знать и учитывать.

Несмотря на выявленное преобладание в целом более низких цен на основные хлеба в южной части Тобольской губернии в сравнении с её средней и северной полосой именно в южных округах района (в городах и сельской местности) уже в конце 80-х гг. XVIII в. сосредоточивалось 83,6% всех ярмарок и торжков края (217). К 40-м гг. XIX в. крестьянами южных округов губернии выбиралось наибольшее в ней количество – 76,4% всех торговых свидетельств (218).

Следовательно, можно однозначно констатировать хорошее ориентирование наиболее деловой, предпринимательской части населения вышеназванного региона, в том числе – крестьян в сложившейся конкретно-исторической обстановке (наличие свободных для колонизации плодородных земель, хорошая кормовая база для животноводства, источники сырья для промысловой деятельности, относительно большая плотность населения, наличие более или менее удовлетворительных средств сообщения, потребителей крестьянской товарной, в первую очередь сельскохозяйственной, а также и промысловой продукции в лице городского населения, армии, винокуренных заводов, горных заводов Урала, не производящего хлеба населения Казахстана).

Все отмеченные факторы во многом способствовали прогрессу в развитии рыночных отношений в Сибири в целом, в Западной её части в том числе, формированию деловых, предпринимательских качеств менталитета сибирского населения, в том числе – её крестьян. Часть их через скупщические и другие торговые операции получала возможность накапливать значительные денежные средства, менять род деятельности и сословную принадлежность.

Прослеживающийся по различным источникам рост цен на сельскохозяйственную продукцию (хлеб, лошади, крупный рогатый и мелкий скот, сало, масло, шерсть, кожи), несомненно, вызывал большую заинтересованность крестьян в повышении товарности своих хозяйств, определял стремление крестьян–предпринимателей, крестьян-скупщиков продать товарную продукцию не на месте производства, а в потребляющих центрах по более высоким ценам. Кроме несомненной значительной денежной выгоды, прибыли у делового, энергичного крестьянина все отмеченные явления способствовали улучшению межобластных, межрегиональных связей, более органичному слиянию местных рынков, ярмарок, базаров и торжков со всероссийским рынком.

Формировавшаяся в России в целом, в различных её регионах, в том числе – в Сибири социально-экономическая и политическая обстановка приводила к тому, что в различных сферах производства и жизни товаром стал вольнонаёмный труд людей, получавших за него определённую денежную плату и обладавших своеобразным менталитетом.

Так, в различных волостях Курганского округа (1804 г.) подённая плата пешему наёмному работнику колебалась от 10 до 25 коп., а наёмному работнику с лошастью – от 30 до 50 коп. (219).

По «Табели ценам, существовавшим в Тобольской губернии» в 1827 г. в округах Курганском, Ишимском и Омском подённая плата колебалась в январе – апреле (низшая) от 10 до 18 коп., а высшая – от 35 до 45 коп. Месячная плата земледельческому работнику – низшая – колебалась от 2 руб. 10 коп. в Ишимском округе до 8 руб. в Тюменском и Тарском округах; высшая месячная плата колебалась от 6 руб. в Тобольском округе до 18 руб. в Тюменском округе (220).

Зажиточные крестьяне Тобольской губернии, занимавшиеся извозом, платили годовым работникам до 20 р. серебром (1841 г.). В 40-х гг. XIX в. крестьяне Аббатской слободы Ишимского округа, распахивавшие от 70 до 100 дес. и нанимавшие до 20 и более годовых работников, платили им от 12 до 30 р. серебром (221).

Приведённые факты убедительно свидетельствуют о том, что у продававших свою рабочую силу крестьян и у нанимавших их односельчан уже сформировались определённые черты менталитета, определявшие их поведение относительно друг друга.

Наниматель рабочей силы должен был учитывать целый ряд объективных факторов, чётко ориентироваться в них: время года, наличие рынка рабочей силы, применение нанимающимся тягловой силы, содержание работы, её объём, срок найма – подённый, месячный, годовой.

Развивавшиеся на территории сибирского субконтинента рыночные отношения органично втягивали в себя все группы расслаивавшегося крестьянства, хотя причины их связи с рынком и последствия их влияния на менталитет крестьян были различными.

Средняцкая в своей массе сибирских крестьян, имевших преимущественно натуральное или полунатуральное хозяйство, обращалась к посредничеству рынка для продажи своей продукции с целью выручки денег для уплаты налогов и частично для приобретения непродуцировавшихся в их хозяйстве товаров.

Часть крестьян-середняков стремилась различными путями заработать деньги для поддержания своего хозяйства, для того, чтобы не оказаться в

низшей, бедняцкой группе, а в случае удачи попасть в высшую, зажиточную группу.

Связь бедняцкой группы крестьян с рынком определялась её стремление, как и у середняков, заработать деньги для уплаты налогов, не допустить полного разорения хозяйства и семьи. При невозможности вести своё самостоятельное хозяйство у бедноты оставалось единственное средство к существованию – продажа на рынке своих рабочих рук, батрачество.

Зажиточная верхушка деревни, сельская буржуазия, у которой различные подати и налоги поглощали из её семейного бюджета незначительную его часть, выступала на рынке главным образом с предпринимательскими целями, вкладывала вырученные от различных сделок средства в расширение своего хозяйства, в рост его товарности, в приобретение не производившихся у них товаров, фабричной и заводской продукции лучшего качества, предметов роскоши, книг для обучения грамоте своих детей...

Для менталитета зажиточной верхушки сибирской деревни (как и российской в целом) было характерно стремление заниматься такими видами деятельности, как скупщичество, подрядничество, ростовщичество, постоянная торговля (смена при этом его сословного статуса, переход на жительство в город), эксплуатация наёмного труда, вкладывание капитала в различные промыслы, взятие в аренду казённых земель, лесов. Мельниц, рыбных ловель, конкурентная борьба на рынке с другими сословиями – купцами, мещанами, внутрисословная конкуренция. Эта крестьянская деятельность вынуждала правительство идти на законодательные уступки, улучшавшие её сословные права, свободу предпринимательства.

Анализ имущественного состояния различных групп расслаивавшегося сибирского крестьянства, структуры хозяйств, эксплуатировавших вольнонаёмный труд до 20 и более годовых работников, деятельность крестьян – владельцев промышленных заведений, использовавших вольнонаёмный труд и получавших до 10 и более тысяч рублей годового дохода, деятельности торгующих крестьян, имевших капитал, не уступавший капиталу гильдейских купцов, а иногда и превосходивший его, использовавших своих торговых агентов-приказчиков, анализ деятельности крестьян, арендовавших тысячи десятин земли, крестьян, приобретающих землю в частную собственность, свидетельствует о многом. В том числе о том, что товарно-денежные отношения в сибирской деревне приобретали всё более развитые, глубокие отношения, значительно меняли менталитет всех групп расслаивавшегося крестьянства, часть которых можно называть капиталистами. Хотя очевидно и то, что по отношению к общей массе сибирского крестьянства их численность была незначительной.

В целом развивавшиеся на сибирском субконтиненте социально-экономические, социально-экологические процессы способствовали дальнейшему углублению процесса общественного разделения труда, укреплению товарно-денежных отношений, связей между городом и деревней, межрегиональных связей, более тесных связей с всероссийским рынком, размыванию устоев государственного феодализма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческая психология урало-сибирского социума формировалась на протяжении длительного времени. Условия, факторы, влиявшие на содержание, характерные черты этого явления, которое идентично понятию «менталитет», были во многом сходны, многоплановы (колонизация русским этносом территории двух сопредельных регионов – Урала и Сибири, формы их освоения – аграрная, промышленная, урбанистская, военно-административная, или правительственная, церковная, с преобладанием аграрной; правительственная политика в отношении различных сословий преобладающего на Урале и в Сибири русского этноса, а внутри него – крестьян государственных (казённых); взаимоотношения крестьян с центральной и местной властями, с законом, церковью, с общиной, с местным, аборигенным населением).

В то же время на Урале и в Сибири существовали факторы, в значительной степени имевшие свою специфику, отразившуюся и на менталитете основной категории населения обоих регионов – государственных крестьян.

Среди них отметим такие, как незначительное количество крепостных крестьян на Урале и их практическое отсутствие в Сибири, более высокая плотность населения на Урале, чем в Сибири. Отсюда различное решение одного из основных вопросов жизнедеятельности крестьянского сословия в России в целом (в любом государстве), в том числе – на Урале и в Сибири – земельного. Проблема малоземелья на Урале возникла значительно раньше, чем в Сибири, в которой вплоть до 1917 г. официальная норма надела землёй на ревизскую, мужскую душу составляла 15 десятин (несколько больше 15 га).

На Урале расходная часть крестьянского бюджета за счёт налогов государства и местных властей была выше, чем в Сибири. Недоимочность крестьян перед казной на Урале была выше, чем в Сибири. Стремление крестьян рассчитаться с недоимочностью вынуждало их в различных формах отрываться от своего основного, полевого хозяйства, искать возможность заработка денег за его пределами (неземледельческие занятия, вольный найм, выход на рынок). Со всеми этими явлениями был органично связан процесс

расслоения крестьян, которые даже на официальном уровне делились на «классы по состоянию на четыре разряда»: «самых богатых», «достаточных», «посредственных», и «совершенно неимущих».

В определённой мере условно в эти «разряды» можно включать в убывающем порядке зажиточную, самую богатую часть крестьян; за ними следовала более или менее благополучная часть деревни; к третьему «разряду» можно относить середняцкую массу крестьян⁴ за ними находилась та часть сельского населения, которая в силу действия различных причин беднела, разорялась, пополняла ряды деревенского полупролетариата, начинала жить преимущественно за счёт продажи своих рабочих рук, вольного найма.

Очевидно, что психология, общественное сознание, менталитет крестьян, относившихся к вышеназванным «разрядам», существенно отличался. Богатые и зажиточные крестьяне играли решающую роль во всех сферах деревенской жизни, в производственной, общественной, на сельских сходах, при подаче жалоб и прошений в саамы различные инстанции, начиная от местных чиновников, сельских и волостных правлений, губернаторов, и завершая Сенатом и царём, и во время различных социальных движений, бунтов, восстаний, крестьянских войн.

Хорошо известны и факты склонности к компромиссу общинной верхушки и зажиточной части деревни с правящими кругами и местной администрацией регионов во время крупных антифеодальных народных движений, в том числе – во время проведения в стране реформы в государственной деревне во главе с министром государственных имуществ П.Д.Киселёвым в 1841-1843 гг. Его в правительстве называли «начальником штаба по крестьянской части».

Уральский и сибирский крестьянин предстаёт перед нами как личность, как человек, который веками поднимал под пашню целинные земли обоих регионов, осваивал эти земли, выращивал различные зерновые культуры, занимался огородничеством, животноводством, кормил не только себя, свою семью, но и городское население, армию, всю Россию.

Уральский и сибирский крестьянин занимался самыми различными видами неземледельческой деятельности, отходничеством, промыслами, создавал мануфактуры, был активной фигурой на местных рынках, конкурировал на них с представителями других сословий, купцами, мещанами, занимался подрядничеством, скупщицеством, ростовщицеством.

Так или иначе подобные формы крестьянской деятельности оказывали серьёзное влияние на углублявшийся процесс расслоения деревни, на укрепление в ней товарно-денежных отношений, на разрушение быта уралосибирского села, на ослабление старых, феодальных порядков и традиций, на

содержание менталитета уральских и сибирских крестьян, переходивших часто в состав других сословий.

Огромное значение для крестьян имел накапливавшийся веками житейский и производственный опыт, передававшийся из поколения в поколение устным, реже письменным путём, семейные, родовые традиции, борьба за выживание в условиях естественного отбора вплоть до первых десятилетий XX в.

Постоянно меняющиеся условия сельскохозяйственного, особенно земледельческого труда, вынуждали и одновременно приучали крестьянина учитывать природно-климатические условия, творчески подходить к своему труду, самому определять сроки полевых работ, вспашки земли, посевов и уборки полевых и огородных культур.

В XIX в. среди всех сословий. в том числе в крестьянском, прослеживается тенденция к возрастанию престижности образования, грамотности, желание добиться большей социальной защищённости в обществе.

На всех этапах развития государства Российского любой крестьянин стремился быть хозяином на обрабатываемой им земле, в основанном им промышленном заведении, быть зажиточным, в худшем случае – середняком, но никогда – бедняком. Неслучайно среди уральских крестьян в XIX в. имелись крупные предприниматели, которые были внесены в общероссийский список фабрикантов и заводчиков, а среди крестьян-сибиряков встречались владельцы капиталов, в несколько раз превышающих капиталы купцов 1-й гильдии.

Несомненно влияние на менталитет уральских и сибирских крестьян их сословного статуса, уровня грамотности и культуры, идеологическое воздействие правящих кругов, пропагандистского и карательного аппарата, православной церкви, оппозиционных течений в форме раскола, местных властей, воздействие переселенцев из десятков губерний Европейской России, межэтнических контактов, внутрисословных и межсословных конфликтов.

Уникальным социально-экологическим явлением в жизни крестьян Урала было появление среди них в начале XIX в. вести о вольной изобильной стране – Беловодье, находящейся где-то за Алтаем, стране без повинностей, податей, рекрутчины, «татьбы, воровства», населению которой чужда национальная исключительность, свойственна веротеропимость и которой управляют «народы и всех людей духовные власти». По существу это был выработанный крестьянами идеал бессословного, бесклассового, гармонично развитого общества. В 30-50-х гг. XIX в. на Урале и в Сибири даже появились списки «путешественников» в этот мифический край и десятки крестьянских семей снимались со своих старых мест жительства в поисках Беловодья!

Менталитет урало-сибирского крестьянства - это огромный пласт их взглядов, воззрений на окружающий их мир, чаяний, надежд, идеалов. Наиболее важными чертами мировоззрения уральских и сибирских крестьян следует считать стремление свободно распоряжаться своей личностью, землёй, хозяйством, результатами своего труда, выбирать место жительства, передвигаться по территории своего Отечества, уважение к природе, к труду, к человеку, к семье, к детям, к людям преклонного возраста!

Во второй половине XIX – начале XXI в. урало-сибирский социум, его основная составная часть - крестьянство, прошли тот путь, через который прошла вся Россия: реформы, контрреформы, войны, революции, появление страны Советов, Гражданскую братоубийственную войну, «военный коммунизм», продразвёрстку, новую экономическую политику, коллективизацию, раскулачивание, репрессии 30-х гг. XIX в., пятилетние планы развития СССР, Великую Отечественную войну и другие вооружённые конфликты СССР, «развитой социализм», перестройку, распад СССР, появление новой России.

Все эти события несомненно повлияли на менталитет всего российского общества, его основной составной части – крестьянства, в том числе – уральского и сибирского. Как они отразились – это тема дальнейшего специального фундаментального научного исследования.

Автор данного труда уверен, что многие из названных выше черт, качеств менталитета урало-сибирского социума сохранились до сегодняшнего дня.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. Философский словарь. М., 1989. С.736.
2. Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы. Мысли об истории. М., 1968. С.337.
3. Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. // Вестник древней истории. 1941. № 1. С.253.
4. Пушкарёв Л.Н. Что такое менталитет? Историографические заметки // Отечественная история. 1995. №3. С.158 - 166; Корнилов Г.Е., Приходько А.С. Ментальность: историко-философский экскурс // Зауралье в панораме веков: Межвузовский сборник научных трудов. Курган, 2000. С.97-111.
5. Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. С.482.

ГЛАВА 1. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ УРАЛЬСКОГО СОЦИУМА

1.1. Природные, социальные, этноконфессиональные факторы, влиявшие на формирование менталитета уральского социума

1. Водарский Я.Е. Земельные угодья и землевладение на Урале в XVII - первой половине XIX вв. // Крестьянство Урала в эпоху феодализма. Свердловск, 1988. С.53-55.
2. Миненко Н.А. Предисловие // На стыке судеб и континентов. Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и исторических документах. Ч.1. Екатеринбург, 1996. С.6-8.
3. Алеврас Н.Н., Пундани В.В. Колонизация Южного Урала в XVI - начале XX вв. // Челябинская область: Энциклопедия. Т.3. Челябинск, 2004. С.287.
4. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи. СПб., 1905. Т.1. С.20-37.
5. Миненко Н.А. Указ.соч. С.8.
6. Миненко Н.А. Выбор веры // На стыке континентов и судеб... С.123-126, 137-138.
7. Менщиков В.В. Русская крестьянская колонизация Зауралья в XVII - XVIII вв.: общее и особенное в региональном развитии. Курган, 2004. С.56-78.
8. Алеврас Н.Н., Пундани В.В. Указ.соч. С.288.
9. Оборин В.А. Колонизация Урала // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 2000. С.270.
10. Махова Г.П. Ход и результаты административно-территориальной реформы 1725- 1785 гг. в России // Историческая география России: вопросы географии. №83. М., 1973. С.139-146.
11. Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Ч.1.Т.1.С.255.

12. История Урала. Пермь, 1976. Т.1.С.125.
13. Махова Г.П. Указ.соч. С.143.
14. Государственный архив Свердловской области (далее ГАСО). Ф.129, оп. 1, д.109, л.3 об.
15. Мозель Г.П. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Пермская губерния. СПб., 1864. Ч.2. С.605.
16. Уральская советская энциклопедия. Свердловск, 1933. С.64-65.
17. Российский государственный военно-исторический архив (далее РГВИА). Ф.ВУА, д. 18920, л.34.
18. Россия: Полное географическое описание нашего Отечества /Под ред. В.П.Семёнова-Тянь-Шанского. СПб., 1914. Т.5: Урал и Приуралье. С.158-159.
19. Попов Н.С. Хозяйственное описание Пермской губернии. СПб., 1813. Ч.3.С.170.193, 266, 267, 292.
20. РГВИА. Ф.ВУА, Д.18920, л.34.
21. Токарев С.В. Крестьяне Вятской провинции в XVIII в. //Из истории экономического быта: Тр. Вят. пед. ин-та. Вятка, 1928. Т.3. Вып.3. С.8-11.
22. Кабузан В.М. Изменения в размещении населения России в XVIII- первой половине XIX вв. М., 1971. С.10. 32-35.
23. Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д.Киселёва: В 2 т. Т.1. М.,1946. С.312-313.
24. Колесников П.А. Северная деревня в XV–первой половине XIX вв. Вологда, 1976.С. 361-367.
25. Токарев С.В. Указ.соч. С.7-8.
26. Эмаусский А.В. Исторический опыт Вятского края в XVII-XVIII вв. Киров, 1956.С.71.
27. РГВИА. Ф.ВУА, д.18920. л.27-30, 40-42.
28. Там же. Д.18920, л.32об.
29. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф.1239, оп.3, д.58641, л.2-4.
30. Государственный архив города Шадринска (далее ГАШ). Ф.26, оп.1, д.10, л.2-8об.
31. Мозель Х. Указ.соч. С.628-683, 679.
32. Очерки по истории Башкирской АССР... Указ.соч. С.271-272.
33. РГАДА. Ф.1239, оп.3. д.58517, л.4-7.
34. Черемшанский В.М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, этнографическом и промышленном отношении. Уфа, 1852. С.116.
35. Там же. С. 116-117.
36. Россия: Полное географическое описание... Указ.соч. С.158-159.
37. Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863-1913 гг.) //История СССР. 1981. №4.С.55.

1.2. Менталитет уральского социума в феодальную эпоху

38. Поршнева Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1966. С.9, 13.
39. Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII-XVIII вв.). Свердловск, 1987. С.3-5.
40. Громыко М.М. Некоторые вопросы истории сибирского крестьянства периода феодализма //История рабочего класса и крестьянства Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1970. Вып. 2. С.23.
41. Государственный архив Омской области (далее ГАОО). Ф.2, оп.1, д.122, л. 24об.
42. ГАШ.Ф.1030, оп.1, д.239. л.2.
43. Оборин В.А. Документы XVII-начала XVIII в. в рукописных фондах музеев области //Уральский археографический ежегодник за 1972 г. Пермь, 1974. С.114.
44. Орлов А.С. Волнения на Урале в середине XVIII в. (к вопросу о формировании пролетариата в России). М.: Изд-во МГУ, 1979. С.192-263.
45. Дружинин Н.М. Указ.соч. Т. 2. С.248, 390.
46. Орлов. А.С. Указ.соч. С.160-169, 192-263.
47. РГИА. Ф. 383, оп.7, д.6261, л.1-40; ф.1376, оп.1, 19, л.1; д.35, л.50-57. 63-68об.
48. Покровский Н.Н. Жалоба уральских заводских крестьян 1790 г. //Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С.155-182.
49. Троицкий С.М. Самозванцы в России XVII-XVIII вв. //Вопросы истории. 1969.№3.С.142.
50. Покровский Н.Н. Указ.соч. С.160.
51. Троицкий С.М. Указ.соч. С.143.
52. Андрущенко А.И. Крестьянская война 1773-1775 гг. М., 1969. С.93-233.
53. Дружинин Н.М. Указ.соч.Т.2.С.489-490.
54. Троицкий С.М. Указ.соч. 146.
55. ГАСО. Ф.42, оп.1, д.77, л.689.
56. Попов Н.С. Указ.соч. Ч.3. Приложения. Табл.3.
57. Фальк И.П. Записки путешествия //Полн.собр. учёных путешествий по России. СПб., 1824. Т.6.Ч.1. С.191-192.
58. Труды Пермской Учёной Архивной комиссии. Пермь, 1915. Т.12. С.243-244.
59. ГАСО. Ф. 42, оп.1, д.513, л.1; ф.6, оп.3. д.6, л.4об-8; ГАШ. Ф.233,оп.1, д.6, л.7-7об.
60. ГАСО.Ф.6, оп.2, д.563, л.2об-5, 14; д.654,л.1.
61. Там же, л.3-9.
62. Там же. Ф.135, оп.1, д.135, л.4-4об.
63. Покровский Н.Н.Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С.389-390.
64. Чистов К.В.Русские народные социально-утопические легенды XVIII-XIX вв.М.,1967.С.239-242.

65. Журавлёв А.И. Историческое известие о раскольниках. СПб., 1791. С.17-24; Покровский Н.Н. Указ. соч. С.7-15.
66. Байдин В.И. Новые источники по организации и идеологии уралосибирского старообрядчества в конце XVIII - первой половине XIX в. //Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С.93-96.
67. РГВИА. Ф.ВУА, Д.18920, Л.19.
68. Байдин В.И. Указ. соч. С.90; его же: Новые источники по истории крестьянских волнений на Урале в 40 - е гг. XIX в. //Из истории духовной культуры дореволюционного Урала. Свердловск, 1979. С.97.
69. ГАОО. Ф. 3, оп.2. д.3314, л.14-14об.
70. ГАШ. Ф.223, оп.1, д.216, л.1-52.
71. Государственный архив Оренбургской области. Ф.173, оп.4, д.8187, л.1-38об.
72. Там же, л.5.
73. РГИА. Ф.1263, оп.1, д.1655, л.11-11об; д.1926, л.11-11об.
74. Государственный архив Оренбургской области. Ф.173, оп.4, д.8146, л.1-3.
75. ГАШ. Ф.223, оп.1, 222, л.20-23.
76. Государственный архив Оренбургской области. Ф.173, оп.2, д.3975, л.1-16об.
77. Покровский Н.Н. Указ. соч. С.368-369.
78. Байдин В.И. Указ. соч. С.104-105.
79. Миловидов В.Ф. Современное старообрядчество. М., 1979. С.10; 121-122.
80. Там же. С.10.
81. Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987. С.133.
82. Рычков П.И. Топография Оренбургская. СПб., 1762. Ч.2. С.182.
83. Покровский Н.Н. Указ. соч. С.365-386.
84. Андрущенко А.И. Указ.соч. С.162-190.
85. Рахматуллин М.А. Крестьянская война в России в 1773-1775 гг. //История СССР. 1973. №6. С.51-52.
86. Объединённый государственный архив Челябинской области (далее ОГАЧО).Ф.46, оп.1, д.33, л.4об-5; Крестьянское движение в России в 1796-1825 гг.: Сб.документов/ Под ред. С.Н.Валка. М., 1961. С.843, 852, 879, 906; Крестьянское движение в России в 1825-1849 гг.: Сб. документов /Под ред. А.В.Предтеченского. М., 1961. С.736, 738, 745, 747, 805; Крестьянское движение в России в 1850-1856 гг.: Сб. документов /Под ред. С.Б.Окуня. М., 1962. С.208-209.
87. Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг... С.718, 771.
Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.1.С.208-209.
88. Крестьянское движение в России в 1796-1825 гг... С.846, 851, 860, 902, 904, 911; Крестьянское движение в России в 1850-1856 гг...Указ. соч. С.396.
РГИА. Ф.383, оп.14, д.17441, л.1-18.
89. Государственный архив Оренбургской области. Ф.3, оп.3, д.74, л.8-12.
90. ГАСО. Ф. 618,оп.1, д.280, л.19, 291-292.
91. Чистов К.В. Указ. соч. С.250-252.

92. ГАСО. Ф. 618, оп.1, д.1, л.1-13.
93. Там же. Ф.34, оп.1, д.320, л.1-2об.
94. ГАШ.Ф.583, оп.1, д.2, л.1-2.
95. ГАСО.Ф.617, оп.1. д.7, л.1-4; д.8. л.1-4; д.14. л.1-4.
96. Крестьянское движение в России в 1796-1825 гг. С.844.
97. ГАСО.Ф.24, оп.12, д.1387. л.257об-258. 295. 476об. 657 об.
98. Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.2. С Л 88.
99. Там же. Т.1.С.108; Крестьянское движение в России в 1796-1825 гг. С.842.
100. Там же. С.861; Крестьянское движение в России в 1826-1849 гг. С.736; Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.1.С.224-244.
101. РГИА.Ф.1589, опЛ.д.307. л.1-5 об.
102. Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.1.С.224-280; Т.2. С.456-517; Пундани В.В. Переселение государственных крестьян из Европейской России в Тобольскую губернию в 40-50-х гг. XIX в. //Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РФСР. Смоленск, 1972. С.152-157.
103. Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Об интенсивности оброчной эксплуатации крестьян Центральной России в конце XVIII - первой половине XIX в. //История СССР. 1966. №4. С.74.
104. Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.2.С. 470-474; Крестьянское движение в России в 1826- 1849 гг. С.431-435, 765.
105. Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.2.С.407-417, 458-472, 486-492.
106. Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.2.С.481-484; Крестьянское движение в России в 1826- 1849 гг. С.482-486, 492-499, 501-508.
107. Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.2. С. 488-489.
108. Там же. С.489-490.

1.3. Влияние неземледельческих занятий уральских крестьян на их менталитет

109. Тарасов Ю.М. Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII - первая половина XIX в. М., 1984. С.70-71; Кондрашенков А.А. Указ. соч. Ч.2. С.149.
110. Попов Н.С. Указ. соч. Ч.2. С.109; ГАШ.Ф.25, оп.1. д.38, л. 12-24.
111. Яровой Г.В. Негорнозаводская промышленность Пермской губернии и крестьянские промыслы в дореформенный период //Вопросы истории Урала. Свердловск, 1975. Сб. 13.С.60.
112. Теплоухов А.Ф. Примеры исследования быта крестьян в хозяйственном отношении// Пермский сборник. М., 1860. Кн.2. Отд.3. С.268-269.
113. Боголюбов В.А. Экономический быт государственных крестьян Северного края покрестьянским наказам в Екатерининскую комиссию 1767 г. Казань, 1913.С.26.
114. Там же. С.27. Комисаренко А.И. Вятское крестьянство в 20-60-е гг. XVIII в.: Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 966.С. 12.
115. ГАСО.ФЛ35, оп.1, д.8, л.1-3.
116. Тарасов Ю.Я. Указ. соч. С.72-73.

117. Попов Н.С. Указ. соч. С.399; Яровой Г.В. Указ. соч. С.58.
118. Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России в XIX в.: Источниково-ведческое исследование. М., 1976. С.272; Тарасов Ю.Я. Указ. соч. С.72-73.
119. Томсинский С.М. Заводские книги как источник о разделении труда в приуральской деревне первой половины XIX в. //Уральский археографический ежегодник за 1972 г. Пермь, 1974.С. 14.
120. Яровой Г.В. Указ. соч. С.53, 56. 61-62.
121. Попов Н.С. Указ. соч. Часть 2. С.377, 381. 392-399; Тарасов Ю.Я. Указ. соч. С.146.
122. РГВИА. Ф.ВУА, Д. 18920, л.41.
123. Тарасов Ю.Я. Указ. соч. С.72.
124. Токарев С.В. Указ. соч. С.26.
125. Комисаренко А.И. Указ. соч. С.12-13.
126. РГВИА.Ф.ВУА, д.18920, л. 41-115.
127. Попов Н.С. Указ. соч. Ч.3. С.344-345.
128. Тарасов Ю.А. Указ. соч. С.73-77.
129. Попов Н.С. Указ. соч. Ч.3. Приложения. Табл.3.
130. Там же. Часть 2. С.129, 375, 382, 393.
131. Руковский И.П. Историко-статистические сведения о подушных податях. СПб., 1862. С.12, 16, табл. 5; Министерство финансов. СПб., 1802-1902. Ч. 1. С.72.
132. Кривоногов В.Я. Формирование постоянных кадров наёмного труда на заводах, подведомственных Уральской горной администрации в XVIII-первой половине XIX в. //Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С.89.
133. Козлов А.Г. К вопросу о формировании численности и состава рабочих кадров Казённых заводов Урала на рубеже XVIII -XIX вв.//Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961. С. 109.
134. Кривоногов В.Я. Указ. соч. С.87-88.
135. Яровой Г.В. Указ. соч. С.87-88.
136. ГАСО.Ф.34, оп.1, д.117, л.9-22об; д.320, л.1; Богомолов В.А. Указ. соч. С. 77; Попов Н.С. Указ. соч. Часть 3. С.92. 100, 315-316; Колесников П.А. Северная деревня в XV - первой половине XIX в. Вологда, 1976. С.240-243.

1.4. Влияние связи уральских крестьян с рынком на их менталитет

137. РГВИА. Ф.ВУА, д.18920, л.41-127; РГАДА.Ф.1239, оп. 3, д.58969, л. 2-5об; д. 59219, л.1-2об; д. 58641, л.1-5; РГИА.Ф.1265, оп.1. д.206, л.47-48.
138. Попов Н.С. Указ. соч. Ч. 3. С.177, 197, 270.
139. Преображенский А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI-начале XVIII в. М., 1972. С.60-62; ГАСО.Ф.34, оп.1, д.280, л.14-16; Попов Н.С. Указ. соч. Ч.2. С.383-386; РГАДА.Ф.1239, оп.3. д.58641, л.3-4.
140. Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.2. С.392, 397-398.
141. Кондрашенков А.А. Указ. соч. Ч.2. С. 172-173. 175-176, 197.

142. Комисаренко А.И. Крестьянская торговля на Вятке в первой половине XVIII в. //Труды Московского архивного института. М.,1965. Т.21. С.274, 277, 287.
- 143.Токарев С.В. Указ. соч. С.54.
144. Томсинский С.М. Указ. соч. С.13-14.
- 145.Кондрашенков А.А. Указ. соч. С. 183-184.
146. Томсинский С.М. Указ. соч. С.45-49; его же. Торговля и подрядничество крестьян Приуралья в 1720-1740 гг. //История СССР. 1965. №2. С.146-153.
147. Кондрашенков А.А. Указ. соч. Ч.2. С.175.182-183.
148. ГАШ.Ф.583, оп. 1,д.60. л.7-15об; РГВИА.Ф.ВУА, д.18920, л.41-127; д.19107. л.20-134; РГИА. Ф.1265,оп.1, д.206, л.47-48; ГАСО.Ф.135, оп.1 д.5, л.23-23об; д.7, л.63 об; Миненко Н.А. История культуры русского крестьянства Сибири периода феодализма. Новосибирск, 1984. С Л 6-20.
149. ГАШ. Ф.583; оп.1, д. 60, л.1-5об.
150. Колесников П.А. Указ. соч. С.241-242; Эмаусский А.В. Исторический очерк Вятского края в XVII - XVIII вв. Киров, 1956. Вып.9. С.67.
151. Попов Н.С. Указ. соч. Ч.3. С.220; Приложения. Табл. 2,3.
152. Токарев С.В. Указ. соч. С.58.
153. Миронов Б.А. Указ. соч. С.59.
154. Тобольский филиал Государственного архива Тюменской области (далее Тф ГАТО).Ф.341,оп.1,д.120, л.188.; Яровой Г.В. Указ. соч. С.59; Рындзюнский П.Г. С.105. 377, 379; Свиридов Н.С. Торгующие крестьяне конца крепостной эпохи (по материалам первой половины XX в.) //История СССР. 1969. №5. С.53.
155. Яровой Г.В. Указ. соч. С 59.
156. Рындзюнский П.Г. Указ. соч. С.337.
157. Яровой Г.В. Указ.соч. С.60.

Глава 2. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ СИБИРСКОГО СОЦИУМА

2.1. Природные, социальные, этноконфессиональные факторы, влиявшие на формирование менталитета сибирского социума

- 1.Мозель Х. Указ. соч. С.602-604; Уральская советская энциклопедия. Свердловск,1933.С.64.
2. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск,1982. С.21.
3. История Сибири: в 5 томах. Т.2. Л. 1968. С.309; Крестьянство Сибири в эпохуфеодализма. Новосибирск, 1982. Табл. к с.323.
- 4.РГИА.Ф.1265, оп.13, д.10,л.6-6об.
5. РГВИА. Ф.414, оп.1,д.148,л. 25, 37-42; д. 20291 (карта Тобольской губернии).
- 6.Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII-первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 132-151; Пундани В.В., Емельянов Н.Ф. Состав и занятия аборигенов Сибири и их взаимоотношения с русским население при феодализме //Вопросы аграрной истории истории Урала и Зауралья (XVII-XX вв.). Свердловск, 1990. С.13-18.

7. РГИА. Ф.1264, оп.1, Д.46, л.148-149; д. 703, Л.83-95; д. 704, л.255-257; д.710.л.111-112; РГВИА.Ф.ВУА, д.14111, л.70-70об; Кабузан В.М. Изменения в размещении населения в России в XVIII-первой половине XX в. М.,1971.С.180-181.
8. Подсчёт произведён нами по названной работе В.М.Кабузана: С.134, 138, 147,158,162,170, 174, 181.
9. Кабузан В.М. Указ. соч. С.10, 32-35
10. Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863-1913 гг.) //История СССР. 1981.№4. С.63.
11. История Сибири. Т.2. Л.,1968. С.415.
12. Там же. С.192-193.
13. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С.35.
14. Миненко Н.А. Влияние политики властей на эволюцию крестьянской общины в Западной Сибири накануне и в период кризиса крепостничества //Социально-политическое развитие Сибири XIX - XX вв. Новосибирск, 1982. С. 114-115.
15. Томская губерния. Список населённых мест по сведениям 1859 г. СПб., 1868. Т.62. С.65-66.
16. Пронин В.И. Указ. соч. С.55.
17. Шульгин М.М. Землеустройство и переселение в России в XVIII - XIX в. //Труды Московского межевого института по факультету землеустройства и переселения. М., 1928.Т.2. Вып.1.С.56.
18. Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.1.С.32; Кабузан В.М. Указ. соч. С.180.
19. Бояршинова З.Я. О формировании сословия государственных крестьян в Сибири(XVIII - первая четверть XX в.). //Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып.1.С.48-54.
20. Громько М.М. Некоторые особенности приписной деревни Западной Сибири второй половины XVIII в. //Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Киев, 1962. С.48-54.
21. Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII- начале XX в.в.(1795-1917 гг.) //История СССР.1979. №3. С.25-26.
22. Колесников А.Д. Русское население Западной Сибири в XVIII-начале XIX вв.Омск,1973.С. 8.
23. РГИА. Ф.1263, оп.1, д.1655, л.8об; Ф.1265, оп.13, д.1, л.14-14об; Кабузан В.М.Указ.соч. С.27-28.
24. Шульгин М.М. Указ. соч. С.200.
- 25.РГИА.Ф.1263,оп.1,д.1926, л.3об,7об; Ф.383, оп.14, д.16283, л.202; ГА-КО.Ф.245, оп.1, д.13, л.28. 109. 135. 196 об; Кабузан В.М. Указ. соч. С.29. 26. Календарь Тобольской губернии за 1890 г. Тобольск,1890. С.81; Кабузан В.М. Указ. соч. С.29.
27. Колесников А.Д. Темпы и источники роста населения Западной Сибири в XVIII-XIX вв. //Освоение Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1968. Вып. 3.С.236.

2.2. Менталитет сибирского социума в феодальную эпоху

28. Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков. Новосибирск, 1967. С. 377-378; Смирнов С. С. Приписные крестьяне на Урале в XVIII- начале XIX вв. Челябинск, 1993. С. 101.
29. Осипов Н.О. Экономический быт государственных крестьян Курганского округа Тобольской губернии СПб., Т.2. С.31.
30. РГИА.Ф.1589, оп.1, д.563, л.18-18об
31. Прутченко С. Сибирские окраины. СПб., 1898. Приложения.С.279, 296.
32. ГАКОФ.245, опЛ, д.1981,л.1 1-12; д.1545. л.1-48.
33. Колесников А.Д. Указ. соч. С.141.
34. ГАОО. Ф.3, оп.1, д.148, л.9-9об; РГИА.Ф.379, оп.1, д.634, л.1-3об.
35. Асонова А.Ф. Политика царского правительства по отношению к государственным крестьянам Западной Сибири в первой половине XIX в. Томск, 1968. С.112-115.
36. Бочарникова В. И. Массовое движение государственных крестьян Западной Сибири в 20-40-х гг. XIX в. и проект реформы П.Д.Киселёва: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1954.С.40.
37. Громько М.М. О характере поземельных отношений на государственных землях Западной Сибири в 30-80-гг. XVIII в. //Известия Сибирского отделения АН СССР. 1963. Сб.1 (серия общественных наук). Вып. 1. С. 100.
38. Жидков Г.П. Кабинетское землевладение (1747-1917 гг.). Новосибирск, 1973. С.258.
39. Русакова Л.М. Аренда государственных земель в Среднем Зауралье на рубеже XVIII - XIX вв. //Известия Сибирского отделения АН СССР. 1963.№1.С.102.
40. ГАКО. Ф.245, оп.1, д.1654, л.2.
41. Тф ГАТО. Ф.464, оп.1, д.103. л.61, 93 об, 95.
42. РГИА.Ф.383, оп.2, д.2302, л.153об-221.
43. Дружинин Н.М. Указ.соч. Т.1.С.430-431.
44. Бочарникова В.И. Указ.соч. С. 55, 125.
45. ГАКО.Ф.245, оп. 1, д. 1 990, л.222.
46. Тобольские губернские ведомости. 1862.№20. С. 116-1 17.
47. РГИА.Ф.383, оп.7, д.,6261, л.9-40об.
48. Колесников А.Д. Указ.соч. С.408.
49. ГАКО. Ф.245, оп.1, д. 143, л. 130.
50. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С.423.
51. ГАКО. Ф.245, оп. 1, д. 1844, л.3-4.
52. Кондрашенков А.А. Развитие сельского хозяйства в южных округах Тобольской губернии и Исетской провинции во второй половине XVIII в. //Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966. С. 90; Ушаков Н.М., Минеев Н.Г. Сельскохозяйственные орудия XX в. в Курганском музее //Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1966.С.255-258.

53. Лапин Н.А. Земледелие Западной Сибири в 1800-1860 гг. //Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1964. Кишинёв, 1966. С.488; Русакова Л.М. Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVIII- XIX вв. Новосибирск, 1976. С.46-48.
54. ГАТот. Ф.329, оп. 541, д.119, л.268, 272.
55. Лебедева А.А., Липинская В.А., Сафронова А.В. Изучение материальной культуры русского населения Сибири (XVIII-XIX вв.) //Проблемы изучения материальной культуры русского населения. М.,1974. С.49.
56. Миненко Н.А. Влияние русского крестьянства на хозяйство аборигенов Западной Сибири в X - первой половине XX в. Новосибирск, 1979. С.110.
57. Кауфман А.А. Обзор способов полеводства и севооборотов в Западной Сибири. СПб.,1893. С.2; Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск,1965. С.43.
58. РГИА. Ф.1281, оп.11, д. 149, л.205-205 об; д.150, л.3 об; д.151, л.51 об, 113 об; Ф.1264, оп.1, д.712, л.33 об-38 об.
59. Кондрашенков А.А. Крестьяне Зауралья в XX в. Ч. 2. Экономика и положение крестьян. Челябинск,1969. С.81,83.
60. РГВИА. Ф.ВУА, д. 19107, л.21об, 46, 129.
61. Тф ГАТО.Ф.10, оп. 1, д.633, л.1.
62. Патканов С.К. Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольской губернии. СПб., 1891. Ч.1. С.269-270, 306.
63. РГВИА. Ф.ВУА, д.19107, л.21021об. 108 об. 129 об.
64. РГИА. Ф.1284, оп.15, д.,42, л.7-8 об; ф. 1589, оп.1, д.563, л.18-19; д.574, л.10 -10об.
65. Голодников К. Ялуторовский округ Тобольской губернии //Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Ч.15. №9. С.499.
66. РГИА. Ф.1284, оп.15, д.42, л.709 об; ф. 1589, оп. 1, д.563, л.18 об.
67. Кондрашенков А.А. Указ. соч. Ч.2. С.79.
68. РГИА. Ф.1589, оп.1. д.563, л.18об-19.
69. ГАКО. Ф.245, оп.1, д.1710, л.1-10; Кауфман А.А. Земельный вопрос и переселение в Сибирь, её современное состояние и её нужды. СПб.,1908. С. 105.
70. Патканов С.К. Указ.соч. С.306-308.
71. РГВИА.Ф.ВУА, д.18920, л.17об; д.19107. л.20-129; РГАДА.Ф. 1239, оп.3, д.58969, л.2- 5об.
72. История Сибири. Указ.соч. Т.2. С.366; Тф ГАТО, Ф. 464, оп.1, д.40, л.114-115об.
73. Кондрашенков А.А. Развитие сельского хозяйства в южных округах Тобольской губернии... С.91.
74. РГАДА. Ф.1239, оп.3, д. 58639, л.2об-3.
75. История Сибири. Указ.соч. Т.2.С.365 (Подсчёты сделаны нами. – В.П.).
76. ГАКО. Ф.245, оп.1, д.977, л.3; д.1253, л.96 об; д.549, л.100.
77. Патканов С.К. Указ.соч. С.269-270, 306.

78. Черняховский П. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии //Журнал Министерства внутренних дел. 1843. Кн.4. Ч. 2. С.3-48; Кн.5. С.200-255.
79. РГИА. Ф.383, оп.2, д.1570, л.7об-44.
80. Гагемейстер Ю.А. Указ.соч. С.269-270,306.
81. Патканов С.К. Указ.соч. С.317.
82. Осипов И.О. Указ.соч. Т. 2.С.34.
83. Голодников К. Указ.соч. С.519.
84. РГИА. Ф.383, оп.7, д.6261,л.1-40 об.
85. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.С.201.
86. Там же. С.202
- 87.Голодников К. Указ.соч. С.502.
88. Тф ГАТОТ. Ф.329,оп.541, д.515, л. 1,9 об.
89. ГАКО. Ф.245,оп.1, 1844, л. 5 об.
90. Черняховский П. Указ.соч. С.218-219.
91. РГИА.Ф.1265,оп.1, д.20-6.л.97 об.
92. Пиленков Н.О. О мануфактурной и торговой промышленности, звериных и рыбных промыслах Тобольской губернии //Журнал мануфактур и торговли. 1834.№4. С.47; Голодников К. Указ.соч.С.502.
- 93.Колмогоров Г. Указ.соч. С 14-16.
- 94.РГИА. Ф.1589, оп.1, д.563, л.6об-7; ф. 1281, оп.И, д.149, л.130. 207; ф. 1263, д. 1926,л.8об.
- 95.Бирюков А. Сибирские заговоры //Алтайский сборник. Барнаул, 1912.Т.11.С.1-17.
- 96.РГИА.ФЛ589,оп.1,д. 63.л. 6 об-7.
97. Колмогоров Г. Указ.соч. С.25.
98. Тф ГАТО.Ф.329, оп.541,д.515, л.9-13об.
99. Там же. д.334. л.448об-472.
- 100.ГАКО.Ф.245, оп.1,д.1844, л.5об.
101. Черняховский Н. Указ.соч. С.209.
102. Колмогоров Н. Указ.соч. С.202.
103. ЮЗ.РГИА. Ф.1376,оп.1. д.35, л. 67 об-68.
104. РГВИА. Ф.ВУА, д.19111, л.83-83 об.
105. История Сибири. Т.2. Л.1968. С.378.
106. Татищев В.Н. Избранные произведения. Л., 1979. С.412.

2.3. Влияние неземледельческих занятий сибирских крестьян на их менталитет

107. Ленин В.И. Развитие капитализма в России //Полн. собр. соч. Т.3. С.330-331, 341- 342.384-385.
- 108.РГАДА. Ф.1239,оп.3, д.58641, л.3об-4; ф. 1355, оп. 1, д.928, л.1; д. 1097, л.19-20;109.
РГВИА.Ф.ВУА,д.20257;д.19107;д.49111;д.19112;РГИА.ФЛ263,оп.1,д.1211, л. 2об;

- ГАСО.Ф.135,оп.1,д.8,л.1-3; ГАШ.Ф.583,оп.1.д.38; ф.25, оп.1, д.493, л.1-5; ГАКО.Ф.8,оп1.д.1, л.77; ф.235, оп.1. д.736; ф.236,оп. 1, д. 1.
109. РГИА.Ф.1264, оп.1. д.529.л.13 об-14; д.704. л.280-282; д.32,л.269об-270; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Тобольская губерния. СПб., 1849. Т.16.Ч.1.Табл.6.
110. ГАКО. Ф.245,оп.1. д.1253, л.94 об; д.143, л.50об-51; д.407. л 3. об.
111. РГИА. Ф.1281,оп.11, д.149, л.85-86; Тф ГАТО. Ф.329,оп.541 .д.789, л.111-112 об.
112. ГАКО. Ф.245, оп.1, Д..1263, л.99; д.549. л.101об; д.580, л.11об. 14 об.
- 113.Журнал Министерства торговли. 1834. №4. С.48-55; Завалишин И. Описание Западной Сибири. М., 1862. Т.1. С.220.
- 114.Тф ГАТО. Ф.464, оп/1, д. 83, л.7об-8, 15.
115. Дружинин Н.М. Указ. соч. Т.1. С.309.
116. РГИА.Ф.1589,оп.1, д.578, л.1; д.563, л.25-28; д.572, л.1.
117. РГИА. Ф.1281. оп.11, д.149, л.85-86; д.150,л.5-7; ф. 1589, оп.1. д.578, л.1; Тф. ГАТО. Ф.329,оп.541, д.789, л.111-112.
118. Завалишин И. Указ. соч. С.202.
119. Тф ГАТОТ. Ф.529.оп.541, д.789. л.11, 162об.
120. РГИА. Ф.1589, оп.1, д.563, л.28.
121. Малых Л.А. Из истории пчеловодства государственных крестьян Томской Губернии (конец XVIII -первая половина XIX в.) //Из истории Сибири. Томск, 1975.
122. РГИА. Ф.1264, оп.1, Д.712, л.37-38 об; Ф. 383, оп.2, д.1570, л.7-64; ф.1265, оп.1, д. 71,л.31об.
123. Там же, ф.1589, оп.1 д.563. л.23.
124. РГВИА.Ф.ВУА,д.19111.л.84-84об.
125. Томская губерния. Списки населённых мест по сведениям 1859 г. СПб.,1868.Т.62. С.66.
126. РГИА. Ф.1281, оп.И, д. 150. л.191-192 об.
127. Тф ГАТО.Ф.329.оп.541, д.119, л. 268, 272.
128. ГАКО. Ф.245, оп.1, д. 1844. л.7.
129. Тф ГАТО. Ф.329, оп. 541, д.268, Л.Л72.
130. РГИА. Ф.1264, оп.1. д.704. л.280-284.
131. РГИА. Ф.1589, оп.1, д.563, л. 25-28; д. 569, л.14-15; д.574. л.12; д.572, л.1-2.
132. РГИА.Ф.1589, оп.1, д.572. л.1-2.
133. Там же, д.563, л.25-28; д.569, л.15; д. 574, л.12.
134. Там же, д.563, л.27 об.
135. Тф ГАТО. Ф.329,оп.541, д.. 179, л.128-131.
136. Там же, д.546, л.63-64.
137. Там же, д.179,л.117об.
138. Там же.
139. Там же, д.714,л.2-3.
140. Журнал мануфактур и торговли. 1834. №4. С.49, 55.
141. ГАСО.Ф.3, оп.2. д.3046, л.180-181, 272-273.

142. Там же, д.3233, л.156-157.
 143. Там же, д. 3046, л.270-271.
 144. РГИА.Ф.1265, оп. 10, д.145, л.6-7; РГВИА.Ф.1589, оп.1, д.191 11, л.77об.
 145. РГИА. Ф.1589, оп. 1. д.572, л.1-2.
 146. История Сибири. Т.2. Л.1982. С.214.
 147. РГИА.Ф.1589,оп.1, д.572, л. 1об.
 148. Там же, л.5 об.
 149. Дружинин Н.М. Указ. соч. С.429.
 150. Казанцев Б.Н. Законодательство русского царизма по регулированию крестьянского отхода в XVII - XIX вв.//Вопросы истории. 1970.№6. С.21-29.
 151. Боголюбов В. А. Экономический быт крестьян Северного края по крестьянским наказам в Екатерининскую законодательную Комиссию 1767 г. Казань, 1913. С. 39-40.
 152. ГАОО. Ф.3, оп.2, д.3314, л.74-75; РГИА.Ф.1265,оп.13.д.10,л.18-19; ф.1589,оп.1,д.563, л.27-28об.
 153. РГВИА.Ф.ВУА,д.19107,л.55об,90об,102; РГИА.Ф. 1263, оп.1, д. 1201, л.2об.
 154. РГИА.Ф.1265,оп.1,д.71, л.29; ф. 1589, оп.1,д.563, л.26-27; д.569, л.15об; д.574, л.13об.

2.4. Влияние связи сибирских крестьян с рынком на их менталитет

155. ГАСО.Ф.34,оп.1, д.117, л.9-19; Боголюбов В.А. Указ.соч. С.77; Попов Н.С. Указ.соч. С. 92, 100,315-316.
 156. Тф ГАТО.Ф.529, оп.541, д.176,л.2; д.182, л.12.
 157. Там же, д.428, л. 8 об; ГАОО.Ф.3, оп.1, д.227, л.35-37.
 158. Тф ГАТО. Ф.329, оп.541, д.428, л.4-7.
 159. Там же, д.176, л.2; д.182, л.12; ГАОО. Ф.3, оп.1, д.227, л.36-37; ГА-КО.Ф.245, оп.1, д.1844, л.5; Ф.8, оп.1, д.33, л.1.
 160. РГИА.Ф.1376,оп.1, д. 35, л. 56-56 об.
 161. Там же, ф.383, оп. 2, д.1574, л.3-26.
 162. Там же, ф.1376,опЛ, д.35, л. 67-68.
 163. Преображенский А. А. Работные люди на Урале в XVII - XVIII вв. (к вопросу о рынке рабочей силы) //Из истории рабочего класса Урала. Пермь, 1961 . С.60-62.
 164.Тф ГАТО. Ф.329,оп.541,д.99.л.18-21об.
 165. Там же, ф.464, опЛ,д.40, л. 9об-100; д.46, л.393об-394.
 166. Там же, ф.329, оп.541,д.179. л. 117об, 128об, 131; д.46. л.63об-64; д. 714, л.2об-3.
 167. Завалишин И. Указ. соч. С. 176;
 168. Колмогоров Г. Указ. соч. С. 14- 16.
 169. Там же. С.25.
 170. История Сибири. Указ. соч. С.380.
 171. Кондрашенков А.А. Указ. соч. С. 172-176, 197.
 172. РГИА. Ф. 1281 ,оп. 11 , д .151 , л.203-206 об.

173. Там же, ф 1589, оп.1, д.575, л.6; д. 563, л.24.
- 174.ГАКО. Ф.1,оп.1,д.9,л.23.
175. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Тобольская губерния.СПб.,1849. Т.17. Ч.1. С.38.
176. Рындзюнский П.Г . Городское гражданство России. М., 1958. С. 167.
177. Кондрашенков А.А. Указ. соч. Ч. 2. С.175.
178. Там же. С.182-183.
179. Емельянов Н.Ф. Население Среднего Притоболья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности). Томск. С.173-174.
180. ГИА. Ф.1589, оп.1, д. 563. л. 19-20 об.
181. РГВИА.Ф.ВУА, д.18920, л.41-127; д.19107,л.2-134; РГИА.Ф.1265.оп. 1, д.206, л.47-48.
182. Тф ГАТО. Ф.341, оп.1, д.120, л.188; Рындзюнский П.Г. Указ.соч. С.105, 377, 379; Свиридов Н.С. Указ. соч. С.53.
183. Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С.40-41, 63, 70, 81, 96, 112, 118, 123-124, 128, 141,149, 153, 176, 178, 183, 189, 198, 201-205,209.
184. Там же. С. 167, 189,212.
185. Рындзюнский П. Г. Новые города России конца XVIII в. //Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. М., 1963. С.369-370.
186. РГИА. Ф.1264, оп.1, д.704, л.283-284; д. 32, л.271-272; д. 1265, оп.1, д.206, л. 166-167.
187. Миронов Б.Н. Указ. соч. С. 166-167
188. РГИА. Ф.1265,оп.1, д.206. л.91-94.
189. Там же, оп.10, д.145, л.9; оп.13, д.10. л.21-23.
190. РГВИА. Ф.ВУА, д.19107, л.20-134; д.19112, л.1-2.
191. Там же, д.19107, л.48; Тф.ГАТО. Ф.329, оп.541, д.157, л.257; д. 176, л.1-5.
192. ГАОО. Ф.2, оп.1, д.123, л.48-49; РГИА. Ф.1281,оп.11, д.151, л.203-207; ф.1589, оп.1, д.563, л.20-21;д.569,л.12-13.
193. РГВИА.Ф.ВУА, д.19107, л.48, 123-124; ГАКО.Ф.245, оп.1, д.12, л.8; д.1844, л.6-7; д. 1253, л.94-95; РГИА. Ф.1263. оп.1, д.1802, л.583; ф.1589, оп.1, д.574, л.1.
194. Тф ГАТО. Ф.329, оп.541, д.157, л.71-72; РГИА.Ф.1265, оп.5, д.122. л.68; Географический словарь /Под ред. П.Семёнова. СПб.,1885. Т.5. С. 157.
195. РГИА.Ф.1589, оп.1, д.563, л.22-25; Завалишин И. Указ. соч. С.205.
196. Тф ГАТО. Ф.329, оп.541, д. 179, л.117, 128-129; д. 546, л.63-64.
197. Там же, д.119, л.277; РГИА. Ф.1589, оп.1. д.563, л.13-14; Дружинин Н.М. Указ. соч.Т.2.С.398.
198. РГВИА. Ф.ВУА, д. 19112, л. 1-1об. 79-81.
199. РГИА. Ф.563, оп.1, д.563, л.27-28; ф.1265, оп.1, д.206, л.89-89 об; оп.2, д.91, л.92;оп.10, д.145, л.96.
200. Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII-первой половине XIX в. Л.,1981. С.156; РГИА. Ф.1589, оп.1, д.569, л.15 об; д.574, л.13.

201. Свиридов Н.С. Указ.соч. С.50.
202. РГИА. Ф.571, оп.6, д.96, л.2об-3; Гагемейстер Ю.А. Указ.соч. С.566.
203. РГИА.Ф.1589, оп.1. д.563, л.28.
204. ГАКО.Ф.175. оп.2. д.ЮЗ. л.166-167об.
205. 2 ПСЗ. Т.Х. №613, 614, 652. 658, 660.
206. Рындзюнский П.Г. Указ. соч. С.54-55, 554-555.
207. Кондрашенков А.А. Указ. соч. Ч.2. С.224-225.
208. Тф ГАТО Ф.341, оп.1, д.120, л.188.
209. Рабцевич В.В. Правовое положение промышленных работников Сибири в 80-х гг. XVIII-первой половине XX в.//Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI - середина XIX вв.). Новосибирск, 1982. С. 109.
- 210.РГИА. Ф.1264, оп.1, д.32, л.248об-249.
- 211.Лапин Н.А. Государственные крестьяне южных округов Тобольской губернии в 40-50-х гг. XIX в. //Учёные записки Курганского государственного пединститута. Курган, 1963. Вып. 5. С.124.
212. Миронов Б.Н. Указ.соч. С.74-75, 94-95.
213. Рахматуллин М.А. Хлебный рынок и цены в России в первой половине XIX в. //Проблемы генезиса капитализма. М.,1970. С.360.
214. Тф ГАТО. Ф.341, оп.1, д.214, л.4-4об.
215. Там же, ф. 329, оп.541, д. 124. л.7-15об.
216. РГИА. Ф.1589, оп.1, д.563. л.20-20об; д.569, л.12об-13.
217. Подсчитано по: Описание Тобольского наместничества. Новосибирск,1982. С.40-212.
- 218.Подсчитано по данным: РГИА.Ф.1589,оп.1. д.569, л.15об; д.563, л.26-26 об; д.574,л.13.
219. Тф ГАТО. Ф.329, оп.541, д.124. л.7-8об; РГИА.Ф.1264,оп.1. д.32. л.276-277.
220. Тф ГАТО.Ф.329, оп.341, д.182, л.4-10, 16-38,40-154.
221. РГИА.Ф.1589, оп.1, д.563, л.27-27об; Завалишин И. Указ.соч. С.176.

Научное издание

ВАЛЕРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПУНДАНИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ
УРАЛО-СИБИРСКОГО СОЦИУМА

МОНОГРАФИЯ

РЕДАКТОР Н.А.ЛЕГОТИНА

Подписано к печати	Формат 60 x 84 1 16	Бумага тип. №1
Печать трафаретная	Усл. печ.л. 9,0	Уч.-изд.л. 9,0
Заказ	Тираж 100	Цена свободная

Редакционно-издательский центр КГУ
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет